

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

**ИГРА
ПОДСОЗНАНИЯ**

Оглавление

О КНИГЕ.....	5
ЧАСТЬ 1.....	8
ПРЕДИСЛОВИЕ	8
ГЛАВА I	14
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	32
Глава 5	37
Глава 6	39
ГЛАВА 7.....	52
ГЛАВА 8.....	63
Глава 9	66
ГЛАВА 10.....	74
Глава 11	80
Глава 12	84
Ч А С Т Ь 2.....	84
ГЛАВА 1.....	85
ГЛАВА 2.....	93

Глава 3.....	106
Глава 4.....	108
Глава 5.....	110
Глава 6.....	113
Глава 7.....	114
Глава 8.....	117
ГЛАВА 9	121
Глава 10.....	123
Глава 11.....	124
Глава 12.....	124
Глава 13.....	125
ГЛАВА 14	126
Глава 15.....	131
Глава 16.....	131
Ч А С Т Ь 3	133
ГЛАВА 1	133
ГЛАВА 2	135
Глава 3.....	136
Глава 4.....	137
Глава 5.....	141
Глава 6.....	145
Глава 7.....	146

Глава 8	150
Глава 9	153
Глава 10	156
Глава 11	158
Глава 12	163
Глава 13	168
Глава 14	173
Глава 15	177

© 2014 –

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

О книге.

"Мозговая игра носителя бриллиантовых знаков отличалась странными, весьма странными, чрезвычайно странными свойствами: черепная коробка его становилась чревом мысленных образов, воплощавшихся тотчас же в этот призрачный мир".

А. Белый

С.А.
Зелинский
Игра
ПОДСОЗНАНИЯ

Altaspera

CANADA

2014

С. А. Зелинский
Игра подсознания

С. А. Зелинский.
Игра подсознания. Роман.— CANADA.:
Altaspera Publishing & Literary Agency Inc, 2014. —
155 с.

ISBN 9781304857675

© ALTASPERA PUBLISHING & LITERARY
AGENCY

© Зелинский С. А., 2013

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной
книги не может быть воспроизведена в какой бы
то ни было форме без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

роман

Игра подсознания

"Мозговая игра носителя бриллиантовых знаков отличалась странными, весьма странными, чрезвычайно странными свойствами: черепная коробка его становилась чревом мысленных образов, воплощавшихся тотчас же в этот призрачный мир".

А. Белый

ЧАСТЬ 1

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всю жизнь я мечтал стать художником. Не тем художником, которые десятками продают свои "полотна" на известном пяточке Невского проспекта, а именно таким, слава которого вышла бы за пределы родного Санкт-Петербурга, окутав подсознание (что почти означало - желание) большинства из сограждан, покупать именно мои картины.

Подспудно находя подобное неосуществимым, я, тем не менее, почему-то сейчас захотел именно этого. Что почти явственно противоречило реальности. Той реальности, которая была. И которую, я так не хотел признавать. Да и что из себя, представляло мое желание? По сути ничего. Или нет, - по все видимости, оно все же чего-то, да стоило. Хотя бы потому, что означало для меня несравненно большее, чем просто констатацию факта.

Однако волей-неволей, но мне бы все таки пришлось,-- "смириться с реальностью". А она была такова, - что я, Эрнест Каро, 44 лет отроду, художник по

призванию (и образованию), - рисовал рекламные плакаты в одной из фирм города.

Что до моей внешности, то она, пожалуй, ничем особым и не выделялась из среднестатистической массы. Разве что... (я про рост - достаточно высокий, да худобу. Но насколько это...).

Несмотря на возраст, не было и намека на седину; а мои темно-каштановые, волосы, - всегда были (по возможности - аккуратно) зачесаны назад; что (по мнению некоторых знакомых), придавало мне сходство с каким-то актером. Ну, не знаю. Сам я так, кстати, ни сколько не считаю. Да и об этом ли мне сейчас думать?.. В последнее время, мои мысли "взяли за правило" уносить меня туда, откуда (как шутит мой друг - Гарри Верховски, кстати, - филолог по образованию, и литератор по призванию), - можно и "не вернуться".

Вообще, если коснуться моих друзей, то, по истине, настоящим другом,-- был только один человек - Гарри. В прошлом, Гарри (где-то в самом начале своего творческого пути) "подавал,-- весьма неплохие,-- надежды", в 24 защитив кандидатскую и вплотную приблизившись к докторской диссертации по филологии; а потом, неожиданно оставил науку, и ступил (обеими ногами), на "нелегкий" - его слова - "писательский путь".

И, вроде как поначалу, у него все пошло блестяще. Печатался в литературных журналах. Даже успел выпустить по сборнику стихов и рассказов, да еще: два или три, романа. Но потом,-- что-то надломилось в его душе, - и уже как лет десять, - из-под его пера не вышло ничего, что могло бы сравниться с

"былыми заслугами" (тонюсенькая книжечка рассказов вперемешку с эссе, не в счет).

Правда, существовал Гарри до сих пор исключительно за счет литературного труда, "пописывая",-- тоже его выражение,-- "статейки в журнальчиках да газетенках". Но это было, скорее, продиктовано необходимостью "выживания" (ничем другим он заниматься не хотел, да и не умел); да и каких-либо серьезных заработков, не приносило.

Жил Гарри... Впрочем, рассказ о нем еще впереди. Потому как играл в моей жизни, Гарри, роль весьма существенную. Уже хотя бы потому, что в полной мере (то есть, испытывая что-то наподобие эстетического удовольствия) общаться я мог только с ним. И было это, быть может, вызвано тем, что помимо его личностных качеств "старого еврея" (в хорошем смысле этого слова), никого, кто бы настолько великолепно разбирался в литературе - я не знал. А ведь с недавних пор, именно литература, стала той страстью, которой я, порой, предавался часами (а то и сутками). Было Гарри "слегка" за 50. И он... нет, все же не будем забегать вперед...

...Помимо литературы и живописи - у меня было еще одно занятное хобби. Решение интеллектуальных задач. Да еще, пожалуй, шахматы. Шахматами я, одно время, занимался достаточно серьезно. Никогда, впрочем, не принимая участие в каких-либо официальных турнирах, - в "товарищеских" встречах я мог составить "конкуренцию" (не очень любя этого слова) и "мастерам". А совсем недавно, - с превеликим удовольствием,-- сыграл с одним известным, в прошлом, "чемпионом". И исход встречи (ничья), признаться, удивил нас обоих.

Кстати, если у кого сложилось (вполне, наверное - неверное) представление о моем веселом и общительном характере, - то спешу сразу заметить, что это не так. Вернее, - верно, но с точностью наоборот. Я "мрачен и нелюдим". И если "нелюдимость", в некоторых случаях, была не особенно и заметна (попадая в *вынужденные* обстоятельства я могу говорить без умолку), то уж мое (из перечисленных) первое качество... от этого никуда не деться... Да и происходит, в большей мере, так оттого, - что все, что случается вокруг, - я вдруг, ни с того ни с сего, - начинаю подвергать такому скептическому анализу, что иной раз сам удивляюсь -- как еще не сошел с ума?..

Хотя, быть может, и сошел... А все мое теперешнее поведение, - не иначе как,-- вынужденная "маска". "Маска", которую я в последнее время, уже и не снимаю.

Помимо общения (к сожалению, не слишком частого, но к причинам мы еще вернемся) с Гарри, -- у меня есть еще ряд товарищей, приятелей и знакомых, с которыми - волей-неволей - иногда я общаюсь тоже. (Почему иногда, - станет понятно в дальнейшем. А сейчас это можно списать... ну хотя бы на мой характер...).

Если попытаться кратко перечислить (без какой-либо - сейчас излишней - характеристики) моих знакомых, - то это будут: Роман Томичев, тридцатипятилетний красавец-крепыш (ну, или почти красавец),-- с мелко посаженными глазками, и почти лысой макушкой, -- "дававший" когда-то стране

рекорды (правда, весьма скромные), и перешедший лет семь назад, на работу (единственно возможное повышение?) тренером по боксу, где и трудился доселе; вот только, пил Томичев,-- теперь "часто и помногу"; и, иной раз, допивался до того, что каким-то загадочным образом забывал место своей работы; и тогда он подолгу бродил поже станет ясно в дальнейшем.ти), с которыми - волей-дивительно, как я еще не свихнулся. з моей гда рядом находятся люди, с копо парку стадиона "Динамо" (где он, насколько я знал, и работал), пока в его голове что-то там "не срасталось"... Дмитрий Карин... Талантливейший человек, 47 лет, и вообще (если разобраться) "умница"; но вот, к сожалению, в последнее время, от чрезмерного (как казалось не только мне) увлечения философией, - иногда бывал "не в себе" (что, кстати, становилось сразу заметно, ибо его - 48 кг тело начинало так раскачиваться из стороны в сторону, что при его росте под метр восемьдесят,- казалось, и не человек идет вовсе,-- а какая-то потерявшая "привычную заземленность" - вышка; Самуил Гнесин... Почти моего возраста. Занимается режиссурой (к сожалению, на вторых ролях). Мечтает (уж не знаю, насколько реальность когда-нибудь догонит фантазию) снять (самостоятельно) полнометражный художественный фильм. Правда, с каждым годом подобная мечта постепенно отодвигалась. Но совсем исчезнуть она не могла. Хотя бы по той причине, что, как известно, "мечта не умирает насовсем" (кажется так?)...

Еще одним моим близким приятелем - был Игорь Севастьянов. Совсем молодой - двадцать с небольшим - поэт, которого почему-то (почему?) печатали некоторые литературные журналы, но который (что было для всех кто его знал - загадкой) считал

"подобную практику", чем-то весьма обиденным, и рассчитывая, вероятно, когда-нибудь написать поистине гениальное творение... Быть может роман... В стихах...

Еще среди моих знакомых (более-менее близких, из тех, с которыми все-таки я еще поддерживаю какие-то отношения) осталось упомянуть две (в общем-то) замечательные (и глубоко индивидуальные) фигуры. Это Роберт Симко, - профессиональный диссидент, находящийся в устойчивой *оппозиции* к любой власти, и после возвращения на родину уже в начале нового, XXI, века (уехал в Израиль еще при Брежнев) за пару лет успевший сменить несколько партий (через время, традиционно, начиная "критиковать" *былых соратников*), и на этом, по всей видимости, *совсем не собиравшийся останавливаться*. Был он стар, сух и, если бы не успел вставить в Израиле зубы, то и вовсе походил бы на спившегося - пил-то он не в пример своим национальным традициям - интеллигента; а так,-- (когда после запоев приводил себя в надлежащий вид),-- был весьма даже "ничего". А то и,-- каких, не в меру экзальтированных дам, - и заинтриговывал своей (не совсем типичной?) внешностью.

Другим моим знакомым, был Владислав Рокотов; 40 лет, вполне обычной внешности, - даже, быть может, красивый, - один из немногих российских музыкантов (саксофонист), кто имел "стабильный заработок" на Западе. И все было бы ничего, если бы у Владислава не было одной престранной (учитывая его "реализовавшиеся возможности") "мечты". Мечтал же он о том, что бы стать... *программистом*... Да не абы каким... Компьютерным гением! (При этом, что по

истине было совсем необъяснимо,-- Рокотов даже "палец о палец" не ударил для того, чтобы научиться чему-нибудь большему, чем просто включать-выключать компьютер... Но это так. Мысли вслух...).

Ну, вот, собственно говоря, и, сам не знаю почему, решил сразу прояснить ситуацию по поводу тех, с кем нам всем (как надеюсь), предстоит общаться. И тогда уже, осталось только пояснить, что, до некоторого времени,-- с большинством из них мое *общение* ограничивалось лишь только телефонными звонками. Правда, так было только до сих пор.

ГЛАВА I

Сегодня я проснулся, и мне отчего-то показалось, - что, вроде как, -- этого и не стоило делать. Ну, в смысле, просыпаться. По крайней мере, почему-то с самого первого мгновения - пришлось, только, открыть глаза - я ощутил это нелепое (и, к сожалению, до сих пор непрекращающееся) желание: тут же закрыть их. Погрузившись в сон. Лучше в летаргический. Чтобы, как будто, и не просыпаться, -- и в тоже время хранить (хоть какую-то) незримую нить с этим миром. (Вероятно, когда-то я все же рассчитывал "вернуться обратно").

Но сейчас мне этого не хотелось. А все дело в том, что именно на сегодня у меня была запланирована встреча, которая (как я считал), могла *способствовать* "смене" моей работы. А то и -- профессии. А все дело в том... Все дело в том, что, достаточно тайно от всех, я писал роман. Настоящий

роман, в этаким, "классическом" духе, с лихо закрученным сюжетом, ну и всему, там, прочему. Но вот, насколько я теперь мог осуществить свое намерение?..

Мое нынешнее настроение не было для меня *необычным*. Вернее, -- я почти искусственно научился не считать его таким. Чем-то странным. В какой-то мере,- заставив себя "смириться" со всем, что со мной происходит. *Происходит*,-- с моей психикой...

Правда, бывали минуты, когда мне становилось по настоящему страшно. Причем, страшно,-- большей частью, не от чего-то "определенного" или "неопределенного". Я даже, - спроси меня в тот момент, - и не смог бы толком и объяснить своего состояния. Но уже как бы то ни было, - мою душу (внезапно) начинали терзать сомнения. Самые, что ни на есть, серьезные. И, иной раз, я "договаривался" до того,- что начинал *сомневаться сам в себе*. И тогда я усилием воли "отвлекался" (что, иной раз, требовало и вовсе невозможного) от реальной действительности. Заставляя себя, окунаться в выдуманный мир...

И мне это действительно помогало. Как и помогало,- вернуться обратно. Что я, надо заметить, иногда и делал...

Запутанность изложенной ситуации не будет казаться излишне парадоксальной, если к ней, например, подойти с некоторой долей условности. Быть может, смирившись с тем, что на каком-то этапе нам придется абстрагироваться от действительности. Но это, опять же, будет мотивировано почти исключительной

возможностью допустить получение искомого результата. А иначе никак. Иначе, -- все будет слишком сложно и запутано.

И тогда уже, именно в (непосредственной) разгадке предлагаемого лабиринта чувств, мыслей и поступков,-- будет заключаться единственно верное решение. Ведь наша задача должна привести нас к истине. Той самой истине, которую желали многие, а добивались единицы. Но вот в чем условие, - наша истина будет распадаться на несколько составляющих. Каждая, из которых,-- (по-своему) верна. Но только при объединении их, - возможен настоящий (и, на каком-то этапе, уже вряд ли ожидаемый) результат.

Но, иной раз, важна совсем даже не причина, а следствие. А следствие моей сегодняшней жизни таково, что, с трудом (большой частью - с превеликим трудом) удерживаясь в потоке мироздания, диктуемом жизнью, - мне, зачастую, приходится не жить, а выживать. И чтобы понять это, - не нужно уж слишком трезвого взгляда на жизнь. Ибо сама жизнь (и это я ощущал с каждым мгновением, часом, прожитым днем), представляло собой удивительный конгломерат (зачастую с собой не связанных) событий; которые тяжким бременем, ложились на мою затуманенное сознание. Или - подсознание. Что в конечном итоге,- и самым невероятнейшим образом,-- у меня смешивалось, и грозило запутать самого опытного психоаналитика, (если бы такой вдруг когда,-- решился взяться за "разгадку моего бытия"... Туманного... Слишком туманного... И давно уже грозившего *запутать* и меня самого.

...Хотя, иной раз, мне казалось (или только хотелось казаться?), что я, неким странным образом, многое понимаю. А то и, - вообще, даже, "знаю". Но вот "знание" это... Вряд ли, это *знание* действительно было таким...

Итак, я, тайно писал роман. Можно даже сказать, что роман подходил к концу (а то и вообще его можно было заканчивать). И потому я решил посоветоваться (а заодно и открыться) о дальнейшей судьбе моего произведения,- со своим другом. Гарри Верховски. На встречу с которым, теперь, собственно, и спешил. Вернее, должен бы уже поспешить. Вот только бы подняться с постели...

Глава 2

"Нет ничего страшнее и удивительнее, чем жизнь. И она же, порой, бывает так "опасно" *заслонена* (надвигающейся) смертью, что, порой, становится как-то страшно больно... И хочется, чтобы скорее уж наступила она...", -- Гарри записал случайно пришедшие строки, закрыл блокнот (чтобы не было соблазна больше что-то писать), и задумался.

-- Кто бы мог сказать, что так все получится?.. - в который уж раз Гарри задавал себе этот вопрос. Вопрос без ответа. Вернее, нет. Ответ-то он знал. Но тот был такой сентиментально-мрачный (в редких случаях вполне уместное сочетание эпикурейской сентиментальности и мрачности реалиста), что Гарри предпочитал просто все начинать сначала, пока на каком-то этапе, он вновь не приходил к уже

известному *знаменателю*. И тогда мрак поселялся в его душе. И *останавливалась* жизнь. Ибо, вспыхивающие, и вырывающиеся из глубин подсознания страхи, - в какой-то момент, поглощали "все вокруг". И тогда уже не было у Гарри иного выхода, как смириться. И почти что сам, - "выключался" свет. Во всех комнатах - занавешивались шторы. Запиралась на все замки - дверь. Отключался телефон.

И это, на какое-то время, действительно помогало. Но не на долго. И вновь, Гарри начинал вздрагивать от каждого шороха. И вновь, ему казалось, что кто-то стремится к нему проникнуть (спальня, кухня, гостиная, кабинет, - как много было окон, и как трудно было ему это контролировать). А то и просто, - *внезапно прийти* "в гости". (Кто мог прийти?.. Ну, например, -- друзья. Или,-- что почти также неприятно - потому как попросту не хотелось никому открывать, -- "фискальные органы"). А иной раз ему казалось,- что кто-то пытается ему дозвониться (по предварительно отключенному телефонному аппарату?!); и тогда "перебарывая" себя, - а, быть может, искусственно делая себе "еще больнее", - Гарри бежал к телефону, включал его... Но там стояла - тишина. (Впрочем, и она ему казалось достаточно странной и обманчивой. И оттого,- рождались в душе все новые и новые,-- тревоги, страхи, сомнения...).

Но и когда все заканчивалось, и он действительно успокаивался,- проходило какое-то время, и Гарри вновь начинал *бередить прошлое*. Быть может для того, чтобы *изменить будущее?*..

Когда-то все начиналось слишком удачно. "Блестяще" закончив университет (за ним последовала и защита диссертации), Гарри почти полностью ушел в науку, на какое-то время даже забросив свой любимый спорт (вот что нас еще роднило - шахматы; причем Гарри, в отличие от меня - в свое время занимался этим достаточно профессионально, по моему дойдя даже до уровня мастера спорта). И почти никто не сомневался в том, что на фоне прочивших ему "всех и вся,-- большого будущего", -- может быть "как-то иначе".

Но оказалось,- может. Причем, и "подбирался"-то, к этому, Гарри, если можно так сказать, "осторожно да постепенно". И в итоге,- он почти *кардинально* изменил свою судьбу.

Великолепно разбираясь в литературе, он на каком-то этапе своей жизни понял, что сам может писать "не хуже" тех, чье творчество он*разбирал* в диссертациях, монографиях, статьях, готовящейся, кстати, тогда книге... Ну, или же, со студентами, -- (преподавал на филфаке), -- на лекциях... В итоге, - Гарри начал писать. И, судя по тому, что любое его новое произведение встречало одобрение не только читающей публики, но и критиков, - можно было сказать, что Гарри Верховски "не прогадал".

Но в последнее время, что-то *надломилось* в его душе. Столь быстро, как ранее,-- он уже не писал. И десятки неоконченных историй, были истерически разбросаны по кабинету, без какой-либо надежды,-- *завершиться* "каким-нибудь финалом".

И несмотря на то, что "издатели", по прежнему, "с большим удовольствием" печатали все, что он

приносил, -- этого уже оказывалось мало... Так мало, что кое-кто (радостно потирая руки) уже поспешил заявить: что, дескать, Верховски -- исписался...

А сам мой друг - не хотел, и разубеждать... их...

А то и наоборот: предпринимал любые попытки, чтобы вообще,-- абстрагироваться от окружающей действительности. Попытавшись скрыться: "...в башне из слоновой кости..."... (как когда-то мечтал его любимый Флобер...).

-- Скажи, ты на самом деле считаешь, что уже ничего нельзя сделать? - бывало, спрашивал я Гарри, имея в виду судьбу его литературных произведений. Последний такой вопрос я задал на даче его матери, когда старушка за какой-то надобностью уехала в город, а мы расположились на крыльце, выкатив самодельный стол (из свежеструганных досок), и водрузив на него нехитрый набор истинно крестьянской пищи: черный хлеб, сало, квашенная капуста, да отварной ("в мундире") картофель. Ну, была еще бутылка водки. (Да, иной раз, и не одна).

Гарри тогда как-то странно на меня посмотрел, - и я "все понял" даже прежде, чем он успел, что-то произносить в ответ.

Наши беседы о литературе да политике, -- на каком-то витке спирали неизменно касались и того, что сейчас происходит с самим Гарри. И тогда я с ужасом отмечал (в минуты, когда удавалось вытащить Гарри на какие-то откровения), что с моим другом действительно произошли "изменения". Причем, с каждым разом, их характер становился все заметнее. Быть может даже,-- в

какой-то прогрессии от того, насколько сильно он (иногда) жаждал скрыть что-то от меня.

Но иногда он *откровенничал*. И тогда мне становилось действительно страшно.

- Ты знаешь, я купил кучу специальной литературы, - делился он со мной в такие минуты. - Но оказалось, что там ничего и нет... Того, что надо мне, - уточнял он.

- Нет? Как это нет? - удивлялся, было, я, но тут же осекался, зная, что, если Гарри решил разобраться в каком вопросе, то он предпримет все, чтобы докопаться до истины.

-- Действительно нет, -- почти что с сожалением, добавлял он, уставясь взглядом куда-нибудь поверх всего, что было перед ним. И тогда я тоже замолкал, и мы долго так молчали, думая каждый "о своем".

У Гарри действительно были "проблемы". И "проблемы" эти касались только его. Его *взаимоотношений* с окружающим миром. Его (возможности) жизни в социуме. В той среде, в которой он, быть может, и вынужден жить. И, в какой-то мере, этим и объяснялось все.... Все его поведение... Или, лучше сказать, -- *необходимость* подобного поведения...

Вот уже год, как Гарри мучил страх. Причем, страх этот почти нисколько не был связан с чем-то конкретным (как не был - и какой-либо реакцией на что-то). Он сидел где-то в глубине его души. И всплывал на поверхность лишь только тогда, когда сам Гарри этого нисколько не ожидал.

(Как-то пытаюсь разобраться, проанализировав причину появления страха, - Гарри пришел к заключению, что подобный страх почти всегда жил у него внутри. Но вот тогда, -- почему именно сейчас, он решил о себе заявить таким вот образом?..).

В минуты накатывающего на него фобического ужаса, Гарри вынужден был внезапно бросать все. И тогда он безвылазно сидел дома, замыкаясь в себе, и шарахаясь от каждого звука, исходящего,-- или, из-за наглухо задраенных окон с тяжелыми, массивными и необычайно плотными шторами,-- или, от закрытой "на все замки" (и для надежности заставленной еще и шкафом) железной двери.

Как я уже сказал, страх Гарри не носил какого-то конкретного характера. Он не был ни к чему "привязан", *приходил* внезапно, и уходил, почти так же; и пытавшийся уловить симптомы, "наступлению его предшествующие", -- Гарри вскоре и вовсе махнул рукой. Философски принимая (и сожалея только, что не успевал подготовиться) то, что случилось, - "как должное". То есть, которое, вроде бы, и могло и не произойти. Но отчего-то - происходило.

Кстати, если коснуться специальной литературы, якобы "в отсутствии" которой, столь категорично расписался Гарри, - то, на самом деле, она, конечно же, была. А вот в том, что ее "не нашел" Гарри, - следовало искать причину как раз именно в нем. Ибо, - и это я знал почти что наверняка, - стоило только моему другу пускаться в исследование найденных строчек, - как почти тот час же, симптомы описываемых болезней, находились и у него. Всех. Почти что всех, о которых он

читал. И, пожалуй, вполне закономерно, что Гарри *решилостановиться*.

-- А ты знаешь, -- как-то я решил поделиться с моим другом своими *предположениями*, -- мне отчего-то кажется, что само, подобное состояние, не проходит. Я уже готов был пуститься в пространственные объяснения, стремясь обосновать свое мнение, но Гарри достаточно характерно (что в нем было больше: безнадежности или отчаяния?) махнул рукой. Мол, я все понимаю и сам.

Но вот что меня действительно потрясло, так это то, что Гарри, оказывается, ходил к специалисту-медику. (Возможность подобной попытки, я, как мне казалось: достаточно хорошо знавший характер своего друга, - практически исключал. Сразу и бесповоротно. Но оказалось, - ошибался. Неужели его дела были действительно так плохи?..).

Однако, вскоре все объяснил сам Гарри. Как оказалось, один из его школьных товарищей, - оказался врачом-психиатром. Почти случайно встреченный на улице, Гарри согласился себя уговорить "зайти" к бывшему однокласснику. На место, так сказать, его работы. Ну и дальше - Гарри просто не выдержал, чтобы не поведать приятелю: "что с ним происходит". То есть,-- предположил он,-- происходит "что-то странное"; и наверняка,-- по его - психиатра - профилю. С чем тот и согласился. Но неожиданно отсоветовал от дальнейших посещений подобных (как он) специалистов. Хотя и вызвался ему помочь. Сам. Но Гарри, отчего-то отказался.

Вообще, Гарри Верховски был человек "настроения". И если *того* не было вовсе, он предпочитал ни за что не идти наперекор своему (внутреннему) "Я". Оставляя все так, как оно и есть. И, в принципе, оно бы и ничего... Но до определенного момента... Когда же "этот момент" наступил (а произошло это отнюдь не в одночасье, а явилось неким следствием целого ряда причин, спеленавших его сознание), тогда Гарри (быть может, и удивительно для себя) заметил, что он почти всецело подчинен только одному - *ничегонеделанию*.

Двигаться было лень. Что-либо предпринимать - то же. Да и вообще, - почему-то внезапно захотелось покоя. (Как там насчет башни?...)

И уже было трудно уловить (а все попытки - неизменно заканчивались отрицательным результатом), отчего так происходит. И почти невозможно предсказать,-- когда "произойдет"? Оставалось только *смириться* с происходящим. Да, впрочем, мой друг и не склонен был идти наперекор судьбе. Видимо, понимая, что уже все равно, "ничего не изменишь"...

Поэтому, в последнее время, его почти невозможно было куда-нибудь "вытащить". Он достаточно легко вошел в роль настоящего *затворника*; лишь изредка, позволяя себе, выбегать в соседний -- с его домом - магазин, и, проявляя полную беспечность, относительно "желающих с ним общаться". По всей видимости, именно на этом этапе жизни, - какое-либо "общение",-- стало ему не нужно. И я уверен, - он нисколько не страдал от того.

Я знал, что он по-прежнему много читает. Собранная библиотека, -- (несколько тысяч томов), -- оказалась, как нельзя, кстати. Хотя большинство книг, - Гарри перечитывал "по второму" разу. (Впрочем, если вспомнить, Владимир Набоков, -- коего я, также как и Кафку, в своих литературных пристрастиях всегда ставил на первое место, -- полагал, что *истинный* читатель не тот, *кто читает*, -- а *кто перечитывает*).

Для меня оставалось загадкой, на что Гарри "существовал"? Я почти был уверен, - что никакой конкретной работы, у него не было. Оставалось, - "надомная" работа. Но какая?.. Репетиторство?.. Например, "языки"... литература... Но, по большому счету, я недоумевал. Верного ответа - не находилось. *Оставалось, -- что-то придумать самому, - и поверить в это.* Заставить, - себя поверить. Да и какая разница, если иной раз, вымысел, не очень-то и отличается от реальности. Так... цепочка еще одного (очередного?) перерождения...

-- Давай еще раз - вместе -- попробуем во всем разобраться, -- помнится, как-то, предпринял я очередную (какую по счету?) попытку спасти друга.

-- Да о чем ты, оставь... не стоит, -- в своей излюбленной манере *отстраненности* и избегания всего, что касается лично его, пробормотал Гарри.

-- Но ведь это может привести к *непоправимому*!? - вырвалось у меня. - Или.., -- немного смутился я, -- ты считаешь, что ничего не происходит? А быть может, - ты просто хочешь "так считать"?! Вполне сознательно пытаюсь уходить, избегать, проблемы?! - продолжал я наседавать на него, с

неизвестно откуда взявшейся, энергией. - Но неужели ты не понимаешь...---

Немного мутными, какими-то отстраненными глазами Гарри взглянул на меня, и я почувствовал, что боль, раздиравшая моего друга, -- передается и мне. Боль - *безысходности, отчаяния, неуверенности...* Боль, от ощущения того, - что независимо от всех усилий, - приближение к краю пропасти, все более приближается. И, несмотря на любые попытки (вынужденного, искусственного?) противостояния, - все будет продолжаться как прежде. Ничего не изменится. И что остается? Смириться?..

Глава 3

Самуил Исмаилович Гнесин, был, на удивление, талантливой личностью. Однако, весь его талант, - скрывался внутри него. Отчего-то опасаясь "пробиваться наружу". И уже быть может оттого, - его талант никогда не имел тех "производных", которые неким таинственным образом, являются продолжением того, что уже есть. Являя, быть может, нечто новое. А впрочем...

Гнесин был маленького роста. С черными, почти что длинными (до плеч) волосами, покрытыми пепельной сединой так, что словно кто-то - бережно и осторожно - обсыпал их со всех сторон. В его взгляде, - угадывалось присутствие (в роду) представителей тюркских племен. И эти узковатые глазки-щели, - становились достаточно округлыми, лишь только когда Самуил Исмаилович что-то убежденно доказывал.

В те минуты он необычайно преображался. Из вроде как, (внешне), *спокойного человека*, -- он (почти, что в одночасье) превращался в яростного фанатика - выкрикивающего слова-лозунги, и тем самым, напрочь сбивая с толку собеседника. Недавнего собеседника, который наверняка уже тысячу раз пожалел, что оказался "в дурацкой роли" "громоотвода".

Но, пожалуй, еще больший эффект чего-то ирреального,- добавляла внезапная смена настроения Гнесина. Стоило ему только заметить, как - и не пытающийся ему оппонировать - человек сникал (готовый - как в ракушку - спрятаться вглубь себя), -- Самуил Яковлевич моментально (и самым кардинальным образом) преображался. И теперь источал лишь только добродушие и доброжелательность.

Казалось, от его недавней вспышки не осталось и следа. Весь его, недавний фанатизм, удивительным образом улетучивался,- и теперь перед вами была сама *искренность* и *доброта*. Поистине, - "дьявол во плоти" (как его назвал кто-то из наших общих знакомых). Однако, какой-либо (конструктивный) диалог, не получался. Собеседник Гнесина, - инстинктивно, - ожидал повторения недавнего буйства. А потому,-- спешил во всем "поддакивать" Самуилу Яковлевичу. В тайной надежде желая, - чтобы это все поскорее закончилось.

Закончив, в свое время, Высшие режиссерские курсы в Москве (сам Гнесин, как и Верховски, как и я, как и все другие, косвенно уже упоминаемые мои товарищи - все мы жили в Санкт-Петербурге), Самуил так и не снял за всю свою сорокадвухлетнюю жизнь ни одной самостоятельной картины (главным режиссером).

Оставаясь, все время, на вторых ролях. Конечно, сам он пытался вырваться из вечной роли второго режиссера. Но, несмотря на то, что в его активе уже было с два десятка работ,- подобное ему не удавалось. Казалось, он навеки был обречен "быть чужим на празднике жизни" (как, вторя за Остапом Бендером, горестно шутил и он). Но, насколько я догадывался, - попыток он не оставлял. И его портфель (из крокодиловой кожи),- вечно был набит какими-то сценариями пока несуществующих, -- но "ожидаемых" в будущем (ох, как "ожидаемых"!), фильмов.

Нельзя сказать, чтобы Гнесин был неудачником. Хотя, если посудить, -- именно таковым он и был. Правда, совсем недавно я узнал, что результаты (затянувшихся) поисков спонсоров будущей картины, - вроде как, увенчались успехом. Но, если честно, в это я пока не верил. Уж слишком несуразной казалась личность Гнесина, - чтобы ему что-то удалось. (Впрочем, когда-то должно начать везти...).

Но уже как бы то ни было, - сам, Самуил Исмаилович, ходил в весьма (и весьма!) приподнятом настроении. Что, в принципе, вносило свежий колорит - в его (обычно) поникшую фигуру.

-- Я думаю, - у меня наконец-то получилось, -- как-то (через несколько дней, как я и сам начал о чем-то таком догадываться) сообщил мне Гнесин. Его глаза загадочно улыбались. Лицо тоже превращалось в единое счастье. И, в принципе, я искренне порадовался за товарища. О чем и не преминул ему тут же заявить.

Но, то ли сам Самуил усмотрел в этом что-то "противоречащее его ожиданию" от меня, - то ли вся его (предварительная, как я понял) договоренность, - на

самом деле была достаточно призрачной. Но на мое поздравление Гнесин ответил молчаливой "насупленностью".

Вскоре я стал догадываться о причинах столь резкой смены настроения моего товарища. Ведь и раньше, - я замечал в Самуиле какие-то *странности* (списывая все это на творческий характер). Однако теперь, -- присмотревшись внимательней, -- я понял, что все эти "странности", как минимум, несли в себе некоторый маниакальный характер. Например, Гнесин мог (ни с того, ни с сего), "замереть" в каком-то жутком стопоре. Причем, по всей видимости, это случалось достаточно независимо от него, -- потому как, например, подобное могло произойти посреди (оживленной!) улицы. В собственной квартире. В киностудии. (Впрочем, что касается киностудии, - то, как я с удивлением узнал, там все с этим вполне смирились. И с завидным терпением ожидали - пока он "отомрет"...). Создавалось впечатление самой настоящей (детской) игры. Причем, думаю, не только мне, иной раз, казалось, -- что Гнесин действует, ну, если можно так сказать... не искренне... Не совсем искренне... Что он, как будто и болен... И, в то же время, - не болен. Нисколько не болен. Но тогда что?.. *притворяется?*..

Однако, в ситуации с Самуилом это, конечно же, была не игра. Да и какая игра?! Это была - трагедия... Трагедия - личности... И вряд ли, сам Гнесин, знал "пути спасения"...

Еще одной странностью моего доброго приятеля, - был внезапный (и начинавшийся действительно, ни с того, ни с сего) *поиск* на своей

груди "нательного", (как я подозревал), крестика. "Быть может, когда-то и бывшего у него", - как-то, помнится, уже и подумал я, - но внезапно обратил внимание, что тот - и поныне там. На своем месте. Но тогда, - что же Гнесин ищет?.. (Иной раз, мне становилось по настоящему страшно. Наблюдая, как в течении часа-другого нашей беседы, -- Гнесин до нескольких десятков раз предпринимал попытки отыскать "пропажу", выворачивая голову и пытаясь заглянуть куда-то вглубь себя; я терялся, и совсем не знал: что же мне необходимо было делать? Единственно, что я знал наверняка, - мне нельзя было предлагать свою "помощь". "Находку", он должен был *отыскать* сам. Иначе, вероятно, нивелировался бы смысл самой [существующей] проблемы. А так, - создавалась некоторая иллюзия "занятости". Причем, казалось забавным, - если уместно пытаться "забавляться" таким вот образом, - ни начала, ни конца, этого "удивительного" действия, - предугадать было нельзя). И, признаться, увидев подобное раз, - я заморожено следил за движениями Гнесина, стараясь уловить мгновение, - когда *это* произойдет вновь. И успокаивался, - когда через несколько минут, -- Самуил Яковлевич принимался за свои поиски...

-- У меня должен получиться "шедевр", -- поведал он как-то при встрече, о которой давеча просил меня, -- (насколько я знал, --специально разыскивая). Я, в какой-то мере, был готов к этой встрече (отчего-то ожидая, что он мне расскажет нечто подобное). А потому, сейчас только задал несколько (наводящих) вопросов, -- и вся история Гнесинского безумия, для меня прояснилась.

Причем, *намечаемая* "постановка",- а речь шла, только об этом,- по всем параметрам грозила вылиться во что-то масштабное и значительное. При том что, -- как оказалось, -- сценарий писал... Гарри Верховски (с которым, как я понял, Гнесин где-то то ли учился, то ли пытался учиться). Музыкальное же оформление,- к моему удивлению,- "поручалось" (с доверительным похлопыванием по плечу) -- "исключительно",-- (что подчеркивалось весьма символическим поднятием указательного пальца),-- "мне". То есть, была "на моей совести", -- как достаточно просто объяснил мне Гнесин, с которого внезапно слетел недавний апломб, и теперь он явно входил в шкуру себя - "другого". Того, которого, (в общем-то), и видеть "не полагается". Ну, по крайней мере -- *не желательно*. И уж, не знаю, - действительно ли я разочаровал Гнесина, когда заметил, - что, в общем-то, имею, достаточно поверхностное, отношение к музыке. И если к затевавшемуся проекту "подходить всерьез" - то я, мол, больше - специалист по художественной части. А что касается "моего желания", - то, с удовольствием, выступил бы в роли, скажем, художника. (Еще раз замечу, что "в реальность" проекта, я не верил. Вернее,- не совсем верил. А потому, вполне мог позволить,-- дать некоторую волю "своей фантазии").

На удивление (удивление, конечно же, скорее, мое), Самуил моментально согласился. Словно ожидая, что, говоря о своем "предложении", - он услышит в ответ "отказ". Однако, - желая доставить ему удовольствие, - я подтвердил свое "согласие" с уже новым "предложением". Да и, к тому же, - "порекомендовал" и *специалиста* (как я считал, - действительно высококлассного) по музыке. Рокотова.

Причем, -- тоже нашего общего знакомого. Саксофониста, который,- как я, помнится, уже упоминал,- зарабатывал свои деньги исключительно на Западе. Но почему я тогда решил, - что он нам "не откажет"?..

Но Гнесин уже переключился на меня. Пытая, -- каковы же будут мои первые шаги, в роли художника по картине? И, понимая, что Гнесин сейчас всецело погружен в свое (абстрактное! По крайней мере, мне оно пока виделось только таким) детище, -- я, тем не менее, старался отвечать с достаточной серьезностью. (Верно опасаясь, что со стороны Гнесина могла последовать какая обида. На которую, в принципе, люди схожие с ним, - были всегда способны). Хотя и был,-- как я понимал,-- наш разговор - "ни о чем"...

Глава 4

Был среди моих знакомых еще один "удивительный" человек. Звали его - Игорь Севостьянов. Двадцать с небольшим... Высок, худощав, с длинными, падающими на плечи и завивающимися по краям, светлыми космами; по-украински длинными (и такими же светлыми и пушистыми) усами. А еще,-- какими-то напряженно-вдумчивыми глазами. И взглядом, совсем не молодого человека. Или, быть может, человека родившегося "не в ту эпоху". Пару бы столетий назад!

Севостьянов был в меру умен и образован (три курса какого-то технического ВУЗа). После того, как он его бросил (а что еще вернее,- оттуда его выгнали), -- "на жизнь" Игорь зарабатывал тем, что придумывал

стишки, куплеты да тосты "на все случаи жизни". Продавая свое "дарование", - на свадьбах, днях рождениях, -- да и других, каких, торжествах. Куда его каким-то странным образом (и я тоже, иной раз, задавался вопросом: почему?), - всегда приглашали.

Впрочем, была у Севостьянова одна любопытная особенность: он печатался в "толстых журналах". Литературных. И открыто претендовал, - на *величие*. (Сочинял, Игорь, помнится, поэзию. И творил под звучным псевдонимом. Который все, почему-то, принимали за его настоящую фамилию).

Но вот что было действительно странным, - достаточно поразившее меня, - литературное *невежество* Игоря Севостьянова (на фоне, - в общем-то, -- талантливых стихов). Причем, зачастую, это проявлялось в абсолютно дилетантских рассуждениях "о литературе". И однажды, помнится, мне это настолько надоело, - что я, не сдержавшись, прочел ему лекцию о том, что, если человек решил серьезно заняться литературой, то он обязательно должен - хотя бы поверхностно - "разбираться", в этой самой, литературе.

А иногда я бывал "в ударе". И с удовольствием "просвещал" своего юного коллегу. (Коллегу - с учетом того, что я тоже что-то *писывал*). Однако, подобное я мог, конечно же, позволить только *без свидетелей*. Я достаточно осторожно относился к возможному тщеславию зарождавшегося гения. А потому, - просто считал своим долгом, - размеренно и не спеша, "населить его разум" той информацией, которая, (на мой взгляд), позволила бы ему - при случае - *блеснуть*, кое-

какими, знаниями. В пределах, - хотя бы, - филфака Университета.

"Но ведь, нельзя же, оставаться таким малограмотным!", - бывало, восклицал я. Но затем, - словно опомнившись, - принимался уже насмехаться над самим собой, вдруг с чего-то возомнившим себя "учителем". И, зачастую, не успевал я еще толком принять правильную версию моего (последующего) поведения, -- как меня уже начинало одолевать жуткое раскаяние в собственной ничтожности. Верно, моя психика нисколько не желала терпеть превосходства (многого... многого...) над другими. И потому выражало, - протест. Протест, например, в виде начинавшейся меланхолии. И,- как следствие, - обличение себя во всех (несуществующих!) грехах.

И бывало, я настолько (сам себя) "загонял", - что уже вполне искренне терялся: что было правдой, -- а что вымыслом?.. Но проходило какое-то время, -- (в которое я большей частью не жил, - а выживал), -- и все проходило "само собой". Моей душе, - возвращалось былое (внутреннее) равновесие. Я вновь любил людей. И стремился им, всячески помочь. Насколько, конечно, хватало моего расположения...

Кстати, - я до сих пор не знаю: была ли моя *проблема* "искоренима". И, в первую очередь, конечно же, -- действительно ли она казалась такой *опасной*? Быть может, можно было списать на, своего рода,-- "особенности" *творческой личности*. По крайней мере, мне нисколько не казалось, - что я должен, так уж в срочном порядке, что-то решать. "Бить тревогу". Да и, если разобраться, вряд ли эта проблема (если она действительно была таковой), требовала

"сиюминутного" разрешения. Мне отчего-то казалось, - что "время терпит".

Но самое удивительное было то, - что Игорь Севостьянов не обижался! Нисколько! Неужели настолько серьезно понимал все, - чтобы не дуться, из-за "ерунды"? Или, хотя бы, интуитивно - угадывал? Ведь я же говорил, - что он был, в общем-то, не плохим поэтом. Точнее, - не самым плохим. Но тогда, - каков я "подлец"! Даже, - "подлец" вдвойне!

Впрочем, я отчего-то не решался излишне вдаваться в изыски (намечавшихся) обвинений. Тем более, что на каком-то этапе, - все нападки (даже мысленные) на своего приятеля - Игоря Севостьянова, - я прекратил. И тому, - была, как мне кажется, серьезная причина. А все дело в том, - что случились ряд обстоятельств, которые практически напрочь, изменили мою точку зрения - о былой (жизненной) "легкости" Игоря. Все оказалось - не так. Ну, или, - "не совсем так".

- Я не знаю, что мне делать? - как-то озадачил меня Игорь. Его взгляд - и без того невыразительных глаз - оказался каким-то потухшим, и был направлен куда-то вниз, так, что обладатель такого взгляда, казался маленьким и беззащитным. (И это, - несмотря на достаточно высокий рост и "массивность" его обладателя).

-- Что случилось? - попытался, было, расспросить я. Но тут же запнулся, почувствовав, что в таком состоянии (в котором пребывал он), - быть может, вообще не уместны никакие расспросы. Человек, -- или не ответит, -- или отделается дежурной фразой. Свидетельствующей, например, о его (мнимом!) удовлетворительном настроении. А на самом деле, - все даже очень скверно...

-- Понимаешь?.. Мне ничего не хочется... жизнь, будто разом, опротивела... -- начал оправдывать мои предположения Игорь.

Взглянув на своего товарища, я понял, что сейчас он, по всей видимости, находился под воздействием сильнейшего стресса. В подобном состоянии,- люди, обычно, не видят никакого выхода. Настолько же и неуместны, им кажутся, дальнейшие попытки, - *выживания*. Но вместо того чтобы уйти, - (быть может,-- один из *выходов* из этой ситуации), - я решил "вызвать огонь на себя", попытавшись (достаточно осторожно) *разговорить* его. Это был,- какой никакой,- но шанс переключиться. Переключить внимание с проблемы, - на меня. Что, в принципе, вскоре и произошло.

В какой-то момент я почувствовал, что еще мгновение, - и мой разочаровавшийся в жизни товарищ: готов будет броситься на меня. И у меня промелькнула мысль: как бы мне потом не раскаиваться? Ведь доведенный до отчаяния человек,- в подобном состоянии, способен проявить "ничем не обоснованную" жестокость. Нисколько не задумываясь об этом.

-- Что ты меня учишь! - закричал он, в который уж раз подтверждая все мои предположения. Однако, вместо страха, -- (который наверняка должен был появиться), -- я ощутил неожиданное хладнокровие. И, видимо, даже не заметил (заметил Севостьянов!), - как на моем лице появилась улыбка. (К сожалению, -- думаю я уже сейчас, -- издевательская. Ну, по крайней мере, - Игорь расценил именно так). И он действительно

бросился на меня. Но я уже ждал (этого) нападения. А потому, не раздумывая, - встретил его классическим ударом под дых. Для этого мне надо было лишь чуть-чуть "сместиться", "уходя с линии атаки".

Видимо, с так и не успевшей сойти с моего лица улыбкой,- я отступил в сторону, давая возможность товарищу, скрючившемуся от боли, полуприсесть - полуупасть - вперед. И тут я почувствовал желание: ударить еще раз. Причем, Севостьянов уже начал оправляться от удара, и *проучить* его еще раз, - быть может, было и полезно. Я выждал, пока он окончательно поднимется, - и ударил в челюсть. Сбоку. Бить его дальше, - было бы излишним проявлением жестокости. И потому я усадил (это находящееся в "полуотключке" "тело") на стул (дело было у него в квартире, куда, Севостьянов позвал меня послушать его новые вирши), намочил полотенце, -- и положил ему на голову. Дождавшись, когда он начнет ровно дышать, -- я вышел из квартиры, аккуратно прикрыв дверь.

На улице начиналась весна. Период обострений у всяких там "шизиков".

Глава 5

-- Надо было его связать, -- посетовал, выслушавший мою историю Рома Томичев, тренер по боксу, к которому я зашел (на работу) "пошептаться".

Вероятно, в голове Томичева происходило дальнейшее (возможное!) развитие сюжета. А потому,- почти тотчас же,- Роман (с пылающими, от разыгравшегося воображения, глазами) уже горячо о чем-то рассказывал мне. Вероятно, очередной сюжет своих (зачастую, -- как я подозревал, -- выдуманных)

"похождений". При этом его тело, словно само, "встало в стойку"; а воздух рассекали удары, которыми от нещадно "избивал" воображаемого противника. (И легко было догадаться кого!).

-- Таких надо сразу "вырубать", -- внезапно успокоившись, - произнес Томичев. И я понял, - что он был бы не прочь, сделать себе такой *подарок*. Но вот только,-- где найти *жертву*?..

А еще я внезапно поймал себя на мысли, что, если свихнется Роман (тем более, что от неумеренного *пития*, - он был уже "на грани"), -- усмирить его будет значительно труднее. Разве что, - табуреткой по голове. И то, верно, придется еще добивать ногами...

-- ...А вот другой случай..., -- внезапно зацепил я речь разошедшегося (в воспоминаниях) приятеля. Мне отчего-то подумалось, - что, по большому счету, вокруг меня всегда собирались люди, если можно так сказать, не совсем "обычные". Точнее, - с не совсем "обычной" психикой. А если быть еще точнее,- с практически полным расстройством ее. И, к сожалению, Томичев, - не составлял исключения. Периодически у него появлялись (в невероятном - воображаемом - количестве) "враги". И он жаждал "немедленных действий", - чтобы с ними "расправиться". Ну, или, "на полном серьезе", - собирался это сделать "в ближайшее время".

Глава 6

А вот,- портрет еще одного моего знакомого.

Чуть выше среднего роста, необычайно худой, с черными, как смоль, волосами, (производившими впечатление какого-то хаоса на голове), почти всегда,- в какой-то "несуразной" одежде (сидевшей на нем, - как на полуразвалившемся чучеле), и с лицом человека, когда-то перенесшего оспу. Отчего-то эти пятнышки всегда казались излишне потемневшими, и вероятно, в какой-то мере, откладывали отпечаток и на саму внешность их обладателя; отчего тот, - выглядел уж совсем мрачным человеком.

Его выдавал нос. Достаточно характерный нос, по которому почти безошибочно можно было причислить его обладателя к известной нации. Однако, в случае с моим знакомым,- мне всегда казались *удивительными* его попытки "откреститься", от столь, (на его взгляд), - "дискредитирующего" его факта. Хотя, признаться, я к этому относился с доброй долей юмора. Нисколько не пытаюсь узнать больше, чем предпочитал замалчивать мой товарищ.

Было ему, - под шестьдесят. Звали его,- Роберт Симко. И, на сколько я знал,- Роберт Симко,- были его *не настоящие*: имя и фамилия. (Смена "имярека", произошла в Израиле, куда Симко эмигрировал еще в советские времена).

По любым (даже самым щадящим) характеристикам,- был мой товарищ самым натуральным "циником". Нисколько не задумываясь,- в адресате своей "критики". (Которую расточал "на право

и на лево"). И, по всей видимости,- все это, каким-то образом сказывалось на его работе. Вернее, - служило причиной того, что Симко, - менял эти самые "работы", - с поспешностью неуправляемого паровоза. Неся с каждым своим уходом, - очередное "разоблачение" в адрес недавних работодателей. (Сам, при этом, легко создавая ореол_великомученика. Чуть ли, не *пострадавшего* - "за идею").

Сейчас и не припомню, - на чем мы с ним могли "сойтись". Но всякий раз, - стоило в моей памяти появиться его фамилии, - я уже не мог ни о чем думать, как только о том: каким же образом, люди, раз "пересекшиеся" с ним, - способны были делать еще одну подобную попытку? Что находили они - в этой хитренькой мордочке, с гнусавеньким голоском, и похотливую улыбочкой? Поистине для меня это была загадка... И это при том, что, стоит только появиться Симко в какой-нибудь (доселе - дружеской) компании, - - как почти тотчас же смолкали разговоры. И в воздухе начинали клубиться пары,- нарастающей бури. А стоит только самым *прозорливым* уйти,-- как скандал, действительно, предстает перед недавними собеседниками, как говорить, во всей красе. А попытайся кто (на другой день) анализировать произошедшее,- почти безошибочно угадывался только один "виновник" подобного действия: Роберт Симко. Потенциальный бунтарь и провокатор.

Конечно, стоит признать, -- был Роберт Симко проходимцем. Этаким, - "махровым и опытным". А еще у него было что-то, - что каким-то таинственным образом, к нему "располагало". И я, бывало, не раз удивлялся, когда встречались бывлые "товарищи", -- у которых разлад, произошел, как раз из-за Симко, - и

(стоило здесь присутствовать Симко),- необычайно преображались, стремясь поймать любой брошенный взгляд этой "неординарной" персоны. Коей, без сомнений, и являлся мой приятель, - Роберт Яковлевич Симко.

-- Это удивительно, -- бывало, по-дружески, приобнимал его я. - Разговаривал с представителями трех (различных!) партий. И они все, -- необычайно высокого мнения о тебе. Причем,- каждый из них считает тебя своим главным (если не основным), консультантом?!.. Раскрой секрет успеха, -- полушутя, просил его я.

-- Я всегда стараюсь дать человеку то, что он больше желает, -- немного задумавшись (больше "для солидности", чем на самом деле того требовал вопрос), отвечал Симко. - К тому же, люди, по своей природе, "слабы" и "разобщены" между собой. И если предложить им что-то, что их "объединит", - они с радостью согласятся. К тому же, я всегда стараюсь, чтобы инициатива исходила, как бы и не от меня. В случае победы, - об истинном "вдохновителе" всегда можно напомнить. Ну а если что не удалось, - так я, как вроде бы, и не причем. Ну и, конечно же, - *информация*. Владение информацией, позволяет быть на шаг впереди твоего потенциального соперника. Если таковой - имеется, -- улыбнулся Симко.

-- Причем, -- стоит заметить, -- я почти не делаю никаких усилий. Все приходит как бы само собой. Это, если хочешь, главное условие. Гармония, гармония, и еще раз - гармония. Какой-либо дискомфорт - способен выбить из колеи даже самых "настойчивых".

Знал я Роберта Симко, - не сказать,-- что слишком и давно. Но и за эти несколько лет, - открыл

для себя человека, без зазрения совести играющего на людских пороках. И слабостях. Которых, - почти у каждого человека представлено в избытке.

Если что-то еще добавить к портрету моего приятеля - то, пожалуй, стоит сказать, что почти всюду, - его сопровождали два "амбала". Причем, на сколько я знал,- он им не платил "ни копейки". И создавалось впечатление,- что они были погружены в некий сомнамбулический транс. И ни за что из него, не хотели выходить.

Да что там "амбалы". Мне было известно, что не только они мечтали находиться рядом с Робертом Симко. Как мечтали, - и *подчиниться* воле этого человека. Притом, что мне казалось, что своей властью (способностью подчинять других), Симко пользовался достаточно "расхлябанно", и "неосторожно". Вернее,- слишком "потребительски"; как будто знал, что подобный "дар",-- у него никогда не пропадет. И вполне можно, не стремиться, - "развивать" его. Раз получается "сейчас", - будет получаться и завтра. А потому...

А еще мне показалось,- что настоящий, истинный Симко (тот, каким он был в душе; или в минуты поистине уж редких откровений), - это достаточно неуверенный, слабый, и закомплексованный человек. И было загадкой, - каким образом он научился не проецировать свое внутреннее "Я", -- на окружающий мир.

Однако, был все же Роберт Симко, как говорится, "себе на уме". И стоило только к нему приглядеться внимательнее, - как становилось ясно, что все "не так просто". И уже, почти ни за что, нельзя было "поручиться". А три *составляющие* единого процесса:

говорить, думать и делать, - в случае с ним, могли принять совсем искаженную форму. И если в наличии первых двух (говорить и думать), - можно было не сомневаться, то все, что касалось какого-то реального дела, - напроць, расходилось с любыми обещаниями. Но, впрочем, где-то этого и следовало ожидать. Хотя...

И в какой-то мере, в этом с ним находил необъяснимое родство Дмитрий Карин. Вообще, -- Карина, можно было считать, "скрытым гением". Хотя бы потому, -- что знал он: почти все. Но больше всего, - он преуспел в гуманитарных науках. В 37,- десять лет назад,- он защитил докторскую диссертацию по философии. В позапрошлом году, -- добавил и по психологии. Написал пять (умеренно-объемных) книг по истории. Примерно столько же, -- по филологии. (Причем, -- насколько я знал, -- филология была его первым "увлечением". И защищенная -- в 25 лет -- кандидатская диссертация, -- тому немое свидетельство). Однако, если все, что касается научных достижений, и мало кто, решался подвергать каким сомнениям (хотя вполне находились желающие), -- то уже то, что Дмитрий Ильич Карин рассказывал "сверх", - вызывали, (как минимум), недоумение. А то и смахивали на откровенную мистику.

Или, -- как высказал как-то свое мнение Гарри Верховски (знавший Карина еще по институтским временам),-- было "полным бредом". По крайней мере,- "откровенной "чушью"", - уж точно.

Но сколько необъяснимой силы - таилось в этом необычайно худом (не больше 50-ти кг при росте под метр-восемьдесят) человеке. А, признаться, речь его всегда была необычайно убедительна. Не было и тени сомнения, - что он сам верит в то, что говорит. А оттого,

- это как бы, подспудно, *повышало значимость* его "рассказов". Приближая их к правде.

Чего было больше в этих словах? Жеманства? Уверенности в озвученной легенде? Или действительно там таились (осколки) правды?

Но уже как бы то ни было, - Дмитрий Карин -- "производил впечатление".

Были у него и определенные ораторские способности. Да и,- если верить,- и достаточно "почтительная" *генетика*. Например, Карин утверждал (без тени заминки), что происходит из древнего рода Шереметьевых. Ну, или, -- Шуваловых. (С таким же "успехом", вероятно,-- и Трубецких, Гагариных, Орловых...). ...Равно как, и всех тех, - имеющих (когда-то), родовые именья, замки, дворцы... Которые, по словам Карина, в самое "ближайшее" время,-- "будут возвращены законным наследникам". Как и художественные полотна, - хранящиеся (на временном хранении,-- уточнял он), "в запасниках" Эрмитажа и Русского музея, и копиями которых,-- были увешены стены его жилища. Там же, - в его однокомнатной квартирке "на Литейном",- находилось и множество (антикварных?) безделушек. Каждая из которых, быть может, и что-то "стоила". Но в общей массе,- они лишь *усиливали* беспорядок в квартире. Внося еще больший хаос - во все то, чего, по большому счету, и не должно было быть. Но, с другой стороны, - можно было порадоваться, что "несчастье" случилось с таким человеком как Юрий. Потому как, - свихнись какой слесарь из ЖЭКа - дядя Вася,- и не услышали бы мы такого полета фантазии (быть может, единственное, - что не давало никаких "сбоев"). И это при том, что внешне - Дима Карин, совсем не производил впечатление, "больного" человека. А то и наоборот, --

по мере общения с ним, - все больше хотелось верить, во все эти его "сказки да басни". И, что было удивительно, -- он верил в них и сам. И только когда начинал путаться в мельчайших деталях (рассказывая, например, как прошлым летом охотился со своим дедом-генералом, загубившим в свое время две армии - царскую и советскую), -- то становилось понятно: не вся спокойно в датском королевстве. И, иной раз, становилось "искренне жаль",- что рушилась какая (очередная) легенда. Потому как, при самых скромных подсчетах, - было Карину, не больше 47 лет. Тогда как (в зависимости от обстоятельств), - он выдавал себя и за 30-ти летнего, и за - "почтенного старца".

И уже тогда, у невольных слушателей Димы Карина,- зарождалось самое настоящее чувство вины. Вины, - за свое "поведение". Потому как, необычайно трудно было "сдерживаться". И уже были,-- и, (совсем ненужные),-- "перемигивания". И ухмылки. А где,- и откровенный смех. Который, впрочем, мы старались всяческими,-- (и, должно быть, неудачными) способами,-- выдать за что-то,-- иное... И уже следом,- от нас, предпринималась попытка, рассказать этот самый случай. Но почти все было напрасно. Потому как, Дима, с доверчивой улыбкой слушал нашу историю. И принимался хохотать вместе с нами. И на душе становилось больно. Как будто обидел ребенка.

Мне всегда было жаль студентов Карина (Дмитрий Ильич читал лекции -- по литературе и философии -- в ряде ВУЗов). Но, как-то,-- случайно побывав на одной из таких лекций,- я был приятно удивлен. Оказалось,- "на работе", Карин, необычайно преображался. Был предельно собран, и никогда не выходил за рамки предмета. По крайней мере, -- мне

совсем ничего не удалось услышать "лишнего". И только раз (когда я зашел к нему в институт, где-то через месяц, полтора, и оказался на одном из семинаров), -- я почти что испугался, услышав его очередную шутку. Но мои опасения оказались преувеличенными. И все действительно удалось обратить - в шутку. А я понял, - что Дмитрий позволял себе *расслабиться* только в привычной компании. Людей, - которых он считал своим друзьями. И мне стало вдвойне неприятно, - за свое (ненамеренное) предательство. И впредь, - я дал "зарок" вообще "выражать эмоции" в разговоре с Кариным. Для его, - и для моей, - пользы.

Что же касается еще одного моего приятеля, - Владислава Рокотова, то, не в пример остальным, -- о нем я мог сказать несравненно мало. Даже меньше, - чем хотелось бы. Разве что, - был он высок (почти под два метра), массивен, -- (дополнительных килограммов тридцать, а то и сорок -- после центнера), а еще носил черную, длинную, и густую шевелюру. Что касается возраста, - где-то под сорок. И последние (лет десять), - он являлся вполне преуспевающим музыкантом.

Рокотов предпочитал с юмором (и оптимизмом) смотреть на мир. Но это, впрочем, совсем не мешало (периодически) ему страдать от чувства вины. Вины, - за собственную "устроенность" в жизни. Ибо, - чуть ли не ежемесячно, - ему приходилось бывать за границей. С концертами. Но, возвращаясь обратно, - он неизменно расстраивался. Наблюдая тех, - кто не сумел устроить свою жизнь так, -- как он.

И уже оттого, - пускался Рокотов в (традиционную по возвращении) пьянку. Ту самую пьянку, - которая превращалась в запой. С

"обязательным" *пропиванием* и *раздариванием* (заработанных) денег. Появлением неожиданных знакомых. И всеми иными признаками, - которые сопровождают пьющего человека, в России.

За сравнительно короткое время,- мне удалось "перезнакомить" своих товарищей. И если о какой-то дружбе, было говорить еще рано,- то общение между ними, -- стало фактом. Но у меня и в мыслях не было: что когда-нибудь, между ними, начнется вражда. Ну, или, -- кто-то попытается сыграть "на слабостях" другого. Хотя, действительно ли я уверен, - что такое случится?..

Как я уже (вскользь) замечал ранее,- у всех моих приятелей, наблюдались небольшие, -- (и для постороннего глаза незаметные), -- отклонения. Отклонения, - от принятых (обществом) "норм" психического здоровья.

Но для меня было некоторым открытием, что, оказывается, Рома Томичев, -- (со своим поиском несуществующего врага), -- стал в чем-то "подозревать" Роберта Симко. Когда я в первый раз услышал от него такое (предположение?), то, помнится, как-то пошутил по этому поводу. Но когда, - совсем недавно, -- случайно столкнулся с ним на стадионе "Динамо", и он после очередного стакана поведал мне о своих "сомнениях" относительно фигуры Симко,- мне стало как-то страшно. Страшно, и отвратительно неприятно. А все попытки убедить приятеля "в беспочвенности" его обвинений,- достигали явно противоположного эффекта. И к концу нашей беседы,- я уже удерживал Рому, мешая ему тотчас же (как он то периодически "прокрикивал"),-- отправляться "на поиски" Симко.

Отчего-то, будучи убежденным,- что он на пороге раскрытия "сионистского заговора".

И, как оказалось, Симко знал о подобной "нелюбви" к нему Томичева. И стоило мне, иной раз, упоминать имя того в разговоре,- как Роберт Яковлевич, сразу как-то неестественно съеживался. А однажды поведал мне, - что, на самом деле, он знает, как нужно бороться с этим "зарвавшимся хамом". Но "как", - я отчего-то спрашивать не стал.

Постепенно ситуация стала выходить из-под контроля забавности. На Томичева, неожиданно, "ополчился" Верховски. Гарик позвонил мне сам. И после (традиционного) вступления -- о литературе, о моих делах, своих планах... -- сообщил, что ему, мол, буквально недавно звонил Томичев. Причем, "не просто так", - а с *предостережением*, относительно... Эрика Каро. То есть меня. Предлагая держаться от него (меня! меня!) подальше. Несколько срывающимся от гнева голосом Гарри добавил, что, мол, поначалу, было, опешил. А потом решил позвонить мне. Дабы, значит, поведать о *случившемся*.

Как мог, я его уверил, что для меня это тоже является откровением. И решился на звонок самому Томичеву. Но какого же было мое удивление,- когда тот (явно обрадованный звонком) поведал, что почти что накрыл "сионистскую группу". И пока, мол, не поставит их всех на место, -- не успокоится. (Как - я понял - не будет спокойствия и всем нам).

Постаравшись, все же, предостеречь Романа от подобных ошибок ("что ты вбил себе в голову всякий бред?!"), -- я в ответ услышал достаточно четкую (и, как ни странно, логически связанную) линию его

дальнейшего поведения. И хотя это были только наброски (предполагаемых?) действий, - я понял, что все достаточно серьезно.

-- Странно, что ты ничего не замечаешь? - как видно, уже начав сомневаться и во мне, - ответил Томичев. - Потом сам будешь благодарить, -- тем не менее (достаточно, -- как мне показалось, -- дружелюбно) добавил он.

Пробурчав что-то вроде: "делайте, что хотите", я положил трубку. Но тотчас же мне пришла одна мысль и я, перезвонив Роману, --поинтересовался: что он думает о Самуиле Гнесине, Севостьянове, и Рокотове.

Оказалось, что лишь о Севостьянове Рома не думал ничего. Тогда как,-- и Гнесина, и Рокотова,-- считает "состоящими" все в том же "заговоре". Причем, он, Томичев, предполагает (он еще предполагает!), что Владик Рокотов - в "логове" оказался случайно. Хотя бы потому, -- что был православным христианином (насколько я знал - Рокотов всегда был атеистом).

В очередной раз, положив трубку ("пожалуйста, Томичев, не мели ерунды..."), -- я, на самом деле, серьезно задумался. Неспроста так "заботится" обо мне Рома Томичев. Верно неспроста... Но был ли в этом, какой-то другой смысл? Нежели,-- увиденный мною первоначально? И я решил поехать к своему приятелю, Роману Томичеву. Быть может, "на месте", обещая себе, во всем, "разобраться".

Каково же было мое удивление, -- когда среди (мелькавших повсюду) спортивных костюмов, -- я заметил (так знакомый мне) твидовый пиджачок, и сморщенную фигурку Роберта Симко. С заискивающей улыбочкой выглядывавшего (видно - желая и не желая обнаруживать себя) из-за угла "курилки".

-- Какими судьбами?.. - начал, было, я, протягивая руку Симко, но тут же у меня в голове пронеслось, что мое появление у Томичева, вполне может быть расценено,-- как некое участие в "заговоре" (в заговоре против своих друзей?). И я поспешил откреститься от всего, что делал Томичев, как внезапно замолчал, вслушавшись в смысл слов, которые с поспешностью разбрасывал передо мной Роберт Симко. Заметив удивленное выражение на моем лице, тот запнулся, но, понимая, что уже проговорился (оказывается, он думал, что я в курсе всего), махнул рукой (на лице ее явственно стала проявляться какая-то сложная мыслительная деятельность), -- и уже без запинки -- досказал всю историю до конца. Оказалось, инициатором "сионистского заговора"... был сам Роберт Симко. А Рома Томичев - лишь исполнитель.

Однако, слушая Симко, -- я все же пытался понять: как он мог вовлечь во все *это* - Томичева. Ведь, как ни крути,- я не видел "заинтересованности" (в этом деле) Ромы. Впрочем, -- точно также, как я не понимал, - зачем это было нужно Симко?

Но жизнь - это шахматы,-- как сказал мне как-то Томичев (правда, вероятно,-- тогда подумал я,-- для кого - она шашки, а для кого - и домино). И потому вполне закономерно, - что вскоре Томичев (нисколько не ожидая того), попал в "игровую разработку" более сильного противника. А тот, -- (вероятно, предвкушая победу), -- допустил ряд серьезных промахов, -- в результате которых и сам, -- оказался "в дурацком положении". Это то, - что понял я. Но рассказать обо всем Верховски, Гнесину или Рокотову, - я не мог.

Итак, они все друг с другом чуть не перессорились. Притом, я не был убежден, что все эти "сионистские заговоры", кто-то из них воспринял

всерьез. Но меня мучил вопрос -- зачем это было нужно Симко?

Однако, для этого, вероятно, следовало разобраться в фигуре самого, - Роберта Симко.

Итак, - что мне было известно о нем?

Я знал, - что всю свою сознательную жизнь (большую часть, из которой, он прожил на территории СССР) Роберт Симко боролся с "существующим" строем. Причем, неким таинственным способом. Так что обманывал, наверное, он больше сам себя. И ни о какой настоящей борьбе, - речи и не шло (иначе, - подвергся бы он, хоть каким-то, да "репрессиям"). Да и вообще, -- я вполне был уверен, что мало кто догадывался, что Симко был диссидентом. Хотя...

Что мне было известно еще?.. Я знал, - что Симко, был решительно настроен,-- против любого строя. Нет, он не был анархистом. Его просто не устраивала существующая власть.

Но любую критику он осуществлял осторожно. Необычайно осторожно.

Еще я знал, что, уехав (на закате советской власти) на Запад, -- он был *вынужден* вернуться обратно. Просто-напросто, ощутив в этой другой стране -- свою ненужность. Да и чем он там мог заниматься?

Однако, вернувшись в Россию, Симко понял, что тот строй, на критике которого он *специализировался*, - прекратил свое существование. А так как, ничем иным он заниматься не мог, - то оказался перед выбором: или возвращаться обратно, в страну капитализма, или приспособливаться к обстоятельствам. То есть,-

"критиковать" *строительство* уже *капитализма*. И он примкнул к оппозиции. Помнится, его даже показали в теленовостях.

Одно время, Роберт Симко, даже позиционировался неким неформальным лидером какого-то движения. Пока спонсоры не поняли,- что Симко совсем не тот человек, в которого можно было вкладывать деньги. Да он никогда и не был способен, "идти до конца". А вскоре Симко оправдал "самые худшие" предположение (о себе). Потому как, - сначала *переметнулся* в одну группу. Потом, - другую. Но уже это, (должно быть), была и не его вина. Ведь он честно служил, - пока его работодатели не начинали понимать, как им казалось, его *истинную* *сущность*. И тогда он уходил к тем, кто его "понимает". А потом, - уходил к другим. И со временем, должно быть, - дело у него оказалось поставлено "на поток". По крайней мере, - создавалось такое впечатление.

Но вот что мне оказалось непонятно,- зачем он решил: "перессорить" всех моих знакомых?

Впрочем, это было уже не важно. Осознав, что "тайна", (собственно), уже таковой не является,- Симко (без особого труда) "перенастроил" Томичева. И "сионистский заговор",--распался сам собой.

С чем я, вскоре, и поздравил, (отчего-то смутившегося), Роберта Симко.

ГЛАВА 7

-- Представляешь, стою я вчера на Московском вокзале, - рассказывал мне Дима Карин,-- и вдруг подходит ко мне какой-то офицер в штатском (я сразу узнал по выправке), и предлагает последовать за ним...

... Я любил бывать у Дмитрия Ильича дома. Жил он в небольшой однокомнатной квартирке на Литейном, (недалеко от пересечения проспекта с другим проспектом, Невским), на той самой стороне, где (если смотреть в сторону Литейного моста) находился "Большой дом".

Было заметно, что хозяин постарался сделать из своего жилища, подобие художественно-литературного салона. Хотя, мне казалось, в чем-то он перестарался. По крайней мере, -- переступая порог, легко было растеряться, решая, что перед тобой: музей, будуар, или склад, в котором наведен порядок? Ну, или же,-- жилое помещение человека, который хотел сделать и то, и другое, и третье?

В необычайно большом (казалось даже, излишнем) количестве, присутствовали картины известных мастеров. Точнее,- копии их ("непосвященному" человеку, тут же выдаваемые за "оригинал". С предложением "покупки").

Кроме того, по всей квартире было расставлено множество различных безделушек. Должно быть, не имевших никакой значимости,- но ложно создающих впечатление приобщения к антиквариату. (А значит - к богатству...).

Однако, я слегка увлекся. Тем более, что Дима уже необычайно распалился, активно жестикулируя, и отмеряя огромными шагами комнату. Да и вообще, (как я понял), он был настроен решительно.

-- ... я, боевой офицер, мастер спорта по боксу...,-
- кричал Дмитрий Ильич,-- да, быть может, --я и сам из
"комитета"!.. А он мне: "Пройдемте...!"

Излишне пояснять, что, занимаясь исключительно наукой,-- Карин ничем иным больше заниматься не мог. Ни - спортом. Ни - службой в армии. (К тому же,-- насколько я знал,-- он еще с детства имел какое-то легкое психическое заболевание). А потому, все, о чем он только что говорил - представляло собой не иначе как (к сожалению),-- лишь некое производное деятельности его воображения. И ни более.

Хотя, история выходила действительно любопытная. Со слов Димы, он каким-то образом оказался на Московском вокзале. Ночью. (Вокзал находился неподалеку от его дома. И у меня сложилось впечатление, что Дима там бывал довольно часто. Причем, видимо, без какой-то конкретной цели. Так, побродить там; ну или просто - оказаться среди незнакомых людей. И, верно, в подобном "варианте общения", Карин преследовал свой какой-то интерес. Хотя и, быть может, - таким вот образом -- боролся с одиночеством?..).

Далее, -- к нему подходит молодой человек. Который был пьян (причем, судя по всему, так это и было). И представляется: сотрудником КГБ Белоруссии. (Остается большой загадкой: действительно ли тот вообще упоминал КГБ? Или Диме отчего-то показалось,-- а, зная Диму,-- я вполне допускаю и такое,-- что "приставший" к нему пьяница - офицер КГБ дружественного нам государства. Как и остается загадкой, кто, кого, куда - "пригласил"? Что до меня, то я намного легче бы принял версию, что подобное Диме просто привиделось). Да и с какой это стати,--

скромным жителем России - интересуются офицеры контрразведки? (Уже в пользу моей версии, говорило то, что Дима Карин часто "желаемое" выдавал за "действительное". А потому допустить, что навязчивая идея его бессознательного,-- получила "реальное" *отыгрывание* в форме такой вот "фантазии", признаться, мне было намного ближе).

Так что, не иначе как вымыслом,-- рассказ Димы считать я не мог.

Впрочем, было одно "но". Дима рассказывал о случившейся с ним истории с таким воодушевлением,-- что я несколько раз предостерег себя, "пойти на поводу" у этого *психопата*. Потому как, уже начинал серьезно сомневаться: а действительно ли "хорошо",-- я знаю своего товарища? Быть может, и правда,-- что был он (когда-то),-- мастером спорта по боксу. Да являлся -- офицером КГБ. (Которого, впрочем, уже не существовало). Но почти тотчас же я понял, что, поверив в это, я просто обязан был принять на веру и то, что (в юности) Дима подрабатывал (на вокзале) "носильщиком" (одна из его любимых, и повторяющихся в различных интерпретациях, баек). И вполне согласиться с тем, что до сих пор, на вокзале, "работает" его тачка... (И я уже представлял, как, Дима Карин, поглаживает металлическую ручку своего "средства производства"; и просит,-- у ее сегодняшнего "хозяина",-- *разрешения*: "вспомнить молодость"...).

Что только может не привидится?! Общаясь с Димой, я иной раз ловил себя на мысли,-- что готов и сам сойти с ума. А может уже и сошел. Потому как, мне отчего-то невероятно хотелось верить, что Дима (получив "добро" от хозяина тележки),-- целый день (день, ночь, вечер...) развозит поклажу пассажиров. При этом,-- по его словам,-- не беря с них "ни копейки". За

что и оказывается бит "конкурентами". Да и не только "бит", но и связываем ими (фантазия Карина всегда работала "по максимуму"), и "погружаем" ими (что-то навроде "ссылки"),-- в "почтовый вагон". Который (оказываясь прикрепленным к отправлявшемуся поезду,-- увозит его... Ну, предположим, куда-нибудь в Салехард, Сыктывкар, а то и куда дальше... А потом Дима возвращается. Но уже на электричках. Прячась от контролеров, и проклиная...

Впрочем, было ли хоть что-то подобное на самом деле?.. Но я знал точно -- Дима Карин лежал в психиатрической клинике. И не один раз. Вероятно, его разгулявшееся бессознательное заходило слишком далеко. И Дмитрия Ильича - могло спасти только срочное "медикаментозное" вмешательство.

Впрочем, это было тоже - мое предположение. И оставалось только решить для себя - верить иллюзорному восприятию бытия, навязываемому Кариним, или попытаться обратиться к "реальным" фактам. Которых было немного. Но картину они давали, более-менее, правдивую.

И очень хотелось - верить второму. Но почти бессознательно, все мы поддавались той энергетике, которая исходила от Дмитрия Ильича. Ведь, по большому счету, он давал нам возможность "пожить в сказке". А, отказаться от этого,-- было необычайно трудно.

И мы вновь играли - в игру. Правила в которой, - устанавливал наш общий друг и товарищ, Дмитрий Ильич Карин. И, в принципе, никто из нас - не был против.

-- ... и чем все закончилось? -- вспомнив о злоключениях Карина с КГБ, я попытался вернуть его к недавнему рассказу.

-- А! Что?! - испугался Дима.

Вероятно, я вторгся в какие-то его "не совсем хорошие" мысли. По крайней мере, я вдруг почувствовал, что Карин готов вскочить - и побежать. И я, как можно аккуратнее, постарался успокоить его. (Задав вопрос -- на какую-то, любимую им, тему).

... Удивительно, но сам по себе, Дима всегда казался необычайно мирным человеком. И совсем нельзя было предугадать, когда в его голове переключится тот "трамблер", который делает из этого маленького человечка - настоящего агрессора. А Дима был страшен в гневе!

Еще одной (очередной?) "особенностью" Карина - была его манера одеваться.

Самым необъяснимым образом - ему удавалось сочетать, совсем "не сочетаемые", цвета. Например, зеленые брюки, желтую рубашку, красный пуловер, -- а поверх еще надеть синий пиджак. Набросив (уже сверху) - белый плащ.

И ведь, в этом аляповатом виде,-- он мог присутствовать на самых серьезных встречах. Притом, что перед тем как выйти из дома,- Дима "крутился" перед зеркалом минут по 30-40. Разглядывая себя со всех сторон и, вероятно, нисколько не сомневаясь в выбранном наряде. Быть может, он любовался собой? А может,- привыкал к себе? И, вероятно, только многократно удостоверившись, что цвета "подобраны верно",-- выходил на улицу.

Правда, создавалось впечатление, что прохожие - а на Невском, где он через минуту-другую оказывался,-- недостатка в прохожих никогда не было - давно привыкли и не к такому. И, увидев "очередного придурка" (называл ли его - про себя - кто иначе?), -- никто, казалось, его и не замечал. Разве что, иные, праздношатающиеся зеваки (коих традиционно манит Исторический Центр города), с удивлением проводили его взглядом. Да и только.

Что же касается (так живописно описываемых им) "встреч"?.. Мне почему-то кажется, - что их на самом деле не было. А все разговоры об этом - лишь следствие течения болезни... Карин был шизофреником (диагноз ему поставили еще лет десять-пятнадцать назад). И тогда уже то, что он рассказывал,-- было, не иначе как, вымысел. А содержание, всех этих: "сказок да легенд",-- могло заинтересовать разве что какого врача-психиатра, ну или, мучившегося в "поисках темы" автора...

Для остальных же...

Впрочем, иной раз, Диму Карина было слушать приятно. Зачастую, это происходило тогда,-- когда в его "беспокойной" голове рождалось какое очередное, "творение"; "бессмертная" идея; и Дима делал все - чтобы увлечь ею нас.

И, при этом, совсем не надо было забывать,-- что Дима, (где-то на уровне подсознания) - располагал к себе. Быть может - своим видом. А может - нашим изначальным стремлением, как-то ему помочь. (Такое желание, признаться, было у каждого из нас).

-- Если "пройдет" одна моя идея, -- как-то (с ходу; без привычной, в таких случаях, "артподготовки") поведал мне Дима, с загадочным видом смотря куда-то поверх меня, -- то нам с тобой больше не придется работать. Никогда!

Стоит признаться, (иногда подобное случалось очень даже и часто), что когда Карин начинал говорить, - со мной происходило что-то загадочное. Я словно попадал под власть какой-то невидимой силы, которая вызывала (различного рода) соматические последствия. Мое сознание -- застопоривалось. Реакция - замедлялась. И вообще, я чем-то становился похож на кролика, загипнотизированного удавом.

А иной раз,-- случалось,- слушая Диму Карина - я внезапно перемещался и вовсе в какой-то потусторонний мир. Превращаясь в "стороннего" наблюдателя. Безучастно взирающего за происходящим... Но что уже точно,-- я никогда не мешал Карину высказывать мысли. Словно "во вознаграждение",-- замечая (через время) - как ему становится *легче*. (Ему просто необходимо было куда-то "слить" накапливаемый в нем негатив; причем, не просто уничтожить информацию,- а постараться выудить из нее,-- и какую позитивную идею; так что, я часто оказывался в роли фильтра). И только слушал, слушал, слушал...

Нечто схожее - готово было произойти и на этот раз. Правда у меня (как я почувствовал) появилась несколько *кривоватая* улыбочка. Но ведь она совсем не должна была мешать. Мешать Диме Карину. Мешать его *откровениям*. Вроде как...

Но, внезапно, Дима замолчал. И я уже, было, принялся корить себя, обвиняя в беспечности да бессердечии - как, неожиданно, Дима разрядился таким длинным предложением, что мне пришлось приложить усилие - дабы понять: о чем это он?..

Но Дима Карин уже "не останавливался". Он говорил много, быстро, и, казалось мне, как-то бессвязно. Ни о чем. Или мне так казалось, оттого что я не слишком внимательно его слушал?.. Однако, сколько я не пытался "вслушиваться" в звуки, извлекаемые из Карина, и каким-то независимым (и от него самого) образом "состыковывавшимися" в слова,-- я понимал, что, (на этот раз), мой приятель несет откровенный бред.

Как я говорил, Дмитрий Ильич мне чем-то нравился. Я, признаться, даже чувствовал с ним некое "родство душ". А, быть может, просто я, как никто другой, понимал его?!.. Не знаю!.. И даже когда наступала та минута, (которая, к сожалению, наступала почти всегда), когда мне *надоедало* слушать его (в большинстве случаев,-- *выдуманные*) истории,- я все равно, не держал никакого зла.

Да об этом не могло быть и речи. И если я все же не выдерживал и уходил (отыскивая себе несуществующие дела), то почти всегда ругал себя. И чувствовал какую-то вину...

Кстати, достаточно *забавной* мне казалась дружба между Кариним - и Робертом Симко. Вот уж с кем Дима был действительно похож! И не только внешне (оба худые, осунувшиеся, с какими-то "живыми", необычайно блестящими глазами), но они

оказались схожи - и, периодически приходящими в их головы, *бредовыми* идеями. Причем, я попал бы в затруднительное положение - если бы мне пришлось определить: кто из них - более благодарный слушатель другого. И это при том, что тому, кому приходилось слушать, -- (а сменяемость ролей характеризовалась поразительной неустойчивостью), -- вряд ли когда задумывался о смысле *услышанного*. Потому как, в тот же самый момент, когда один приятель что-то убежденно доказывал, -- другой, (нисколько не вникая в услышанное), обдумывал "что-то свое". И при этом - "в накладе" никто не оставался. Наоборот,- каждый был доволен. (Этакое экстремальное слушание, -- когда один не может говорить без аудитории, а другой - обдумывать в тишине).

Правда, иной раз случались некоторые проколы. И тогда кому-то одному из них - приходилось принимать сторону другого (в рождаемой -- у того в голове -- очередной бредовой идее). И уже с этой новой идеей -- они теперь *возились* вдвоем. А когда, (как им казалось), до конца ее выпестовывали,-- принимались - тоже вдвоем -- за ее *воплощение*. Собираясь претворить очередную *иллюзию* - в *реальность*.

Почти никогда у них ничего не получалось. И как некое подтверждение их обоюдного расстройтва психики (ведь "дураки" почти никогда не обижаются), - служило то, что (потерпев очередное поражение), -- они действительно нисколько не расстраивались. И, быть может, кто-то из них,- уже лелеял *ростки*, какого нового *проекта*. Проекта, к сожалению, заранее обреченного на провал. Но это была уже судьба...

И все же, повторюсь, мне каким-то загадочным образом нравились эти двое ребят. Быть может в их психике - я находил что-то архаичное, первобытное, которое (каким-то образом) не поддавалось разрушению цивилизацией. А может, - в каждом из них я видел себя... Но не "сегодняшнего",- а того, каким я вполне мог стать. Не примени, в свое время, собственноручно разработанную методику искусственного (вынужденного) "вхождения в социум". (Что, замечу, повлекло за собой - вполне предсказуемую - "ломку" психики. Но позволило, - как-то *адаптироваться* в этом мире). И уже тогда, быть может, мне и нравилось общаться с этими двумя приятелями (которых с недавнего времени я почти перестал разделять). Так они мне напоминали себя...

И это притом, -- что я, и общался-то, с ними - как-то *по особому*. Не так, как с другими. А ведь еще недавно, - я даже чурался быть заметным в компании с ними. Точнее,- познакомить с кем-то их них - каких-то (других) своих приятелей. И Карин с Симко - все время как-то *стояли в стороне*. Инстинктивно боясь нарушать - введенное мной *табу*.

А потом наоборот. Я познакомил их со всеми. И тут оказался свидетелем довольно интересного факта: чем стремительнее Симко шел "на контакт" - тем явственнее проявлялась позиция Карина: отмежеваться от любого (возможного) общения.

Но в отношении меня,- они каким-то образом делали исключение. Общались всегда, и достаточно (как я мог судить) охотно. Причем, -- что показалось для меня удивительным, -- сами (и обоюдно - приходя ко мне вдвоем, и врозь - являясь поодиночке)

выступая *инициаторами* общения. Что же до меня... вероятно, я рассматривал общение со своими друзьями - Димой Кариным и Робертом Симко - в качестве некоторого *отдыха* и *расслабления*... для своего мозга... А потому - общался достаточно охотно. Когда - хотел. А когда нет - попросту, никому из них, не открывал. Не подходил к телефону. Просил им передать - что уехал. Куда-нибудь, - и "на долгий срок"...

Кстати, некий штришок к портрету моих друзей: и Карин, и Симко - выглядели значительно моложе *реальных* лет. Например, Дмитрию Ильичу Карину -- его "сорок семь",-- дать было нельзя ни при каких условиях. Максимум - начало тридцати... Что же касается (по-моему - шестидесятилетнего) Роберта Яковлевича Симко... То здесь вообще, все выглядело достаточно странным... А сам Симко - принадлежал к тому неопределенному типу (хмурому, мрачному, рассеянному и нерешительному), общение с которым уже было изначально - затруднительно. (Тем более, решать какие-то ребусы с возрастом...).

ГЛАВА 8

-- И все же я полагаю, тебе незачем так беспокоиться, -- сделал попытку удержать пустившееся, было, в бег сознание Рокотов. Интересно, - а когда начались эти многочасовые беседы с самим собой?.. Наверняка прошел уже год - как сделал это он в первый раз... Впрочем, -- ему казалось: что прошла вечность...

-- Послушай, -- посмотрел на него Гнесин, -- послушай..., -- Гнесин смотрел на своего друга, и... не видел того... Рядом с ним сидел другой, незнакомый

ему, человек. Но... как будто похожий на того... Все та же холеная внешность. Тот же широкий лоб (прикрытый сползавшими на глаза волосами). Те же, смеющиеся, глаза (сохранившие остатки природного оптимизма). И заметно оплывшая фигура его товарища (не приемлющего даже мысли о каких-либо ограничениях: ни в еде, ни в женщинах, ни в удовлетворении каких-либо иных желаний).

Но в то же время, Гнесин видел перед собой совсем не того Владислава Рокотова, с которым познакомился три года (три года?.. а словно только вчера...) назад...

Гнесин задумался... Почему так получалось, что все те, с кем его когда-либо познакомил Эрик Каро (этот достаточно *посредственный* художник, решивший вдруг заняться литературным трудом), -- были достаточно странными личностями? Словно каждый из них, нес в себе какое-то внутреннее *проклятие*...

И почему всем этим людям суждено было встретиться именно друг с другом?..

Как ни странно, но Рокотов сейчас размышлял об этом же. Но ему отчего-то казалось - что в этих вот размышлениях, не было ничего *личного*. Необходимого, только ему. А желание в чем-то разобраться, - было, не иначе, как инсценировано "заботой о человечестве". "Человечестве" в целом... Этакое, желание помочь окружающему миру. Обществу. Социуму...

Причем,-- за стремлением "помочь другим", - угадывалась *необходимость* помощи... самому себе...

И Рокотов на самом деле -- думал сейчас о себе. Но что он никак не мог понять, -- откуда возникло у него то чувство вины, которое все чаще и чаще

начинало мучить его?.. И ведь, как ни пытался он от него избавиться, как ни стремился - иной раз - заглушить, залить, это чувство вины алкоголем - ничего получалось. Словно бы оно пришло навсегда. И теперь будет всегда - сопровождать его. И совсем нет никакого спасения. Так же как и неоткуда -- ждать помощи... Хотелось (в одночасье) *перечеркнуть* все. Начать сначала. Когда-то это у него получалось... Но ему почему-то казалось, что если бы получилось теперь, -- в итоге все равно бы, вернулось обратно... На круги своя...

И вновь наступали те душевные терзания, которые, должно быть, и зовутся: "муками совести". Но мучительнее было оттого, что не знал он: отчего все происходит именно так, а не иначе?.. Ведь, как вроде бы, и не стремился он никогда жить лучше других. И уже, быть может, и не совсем была его вина - что гонорары ему приходили всегда в срок, и помногу. (Хотя - это "много",-- было по меркам России. Страны, подданным которой он являлся. Но совсем не много,-- а то даже и "мало",-- в той стране, где Рокотов работал).

А ведь он и не смог - вообще уехать из страны. На запад. Потому как, приглашали его весьма охотно. И уже успел он объехать (с концертами) чуть ли не весь мир. Нигде, впрочем, не задерживаясь надолго. Но разве в этом была, какая, его вина?.. Разве то, что приглашали его,-- не зависело от его же -- таланта?.. Таланта, -- не только не имеющего каких-то границ. Но и вообще - принадлежащего человечеству... И по мере того, как Рокотов приходил к подобным выводам,-- успокаивался он... Но вся беда в том, что длилось подобное*успокоение* совсем не долго... А потом вновь,-- возвращалось все -- на круги своя... И уже подкатывал к горлу ком -- тревоги... А в возобновлявшемся (после

того как утихало на время) "чувстве вины" - он уже и не пытался разобраться... Как-то легко принимая все... И, быть может, считая, -- что это, своего рода, *расплата*. Расплата -- за все... А значит и вина, -- была *его* вина. И он, было, предпринимал какие (казавшиеся уже нелепыми, по сути) попытки избавления. Совсем не надеясь (да и не желая), что ему удастся в чем-то разобраться. И тогда он попросту пробовал переключаться на что-то другое. Но и это ему не удавалось. Потому как, невозможно было, "изменить себя"... И тогда ему оставалось только -- "уколоться, и забыться..."... И он действительно *забывался*... Но перед тем как уснуть, --шептал слова благодарности, адресованные, совсем не разобрать кому... И так выходило, что только (наступавший) алкогольный сон, - приносил ему исцеление. Ибо дарил беспмятство...

Правда, стоило ему проснуться, -- как все начиналось сначала. А потому он и не любил просыпаться. Стараясь подольше задержаться в своем *беспмятстве*.

Да и что может быть лучше успокоения?.. Пусть даже - и *такого*...

Глава 9

Гарри Верховски, проснулся совсем не в том настроении, в котором ему хотелось. Слишком *бездумно* проходило время. И как-то удивительно *быстро*. Некогда размеренный ход этого самого времени,- с недавних пор хотелось замедлить. А ведь прошло уже достаточно, -- с тех пор, как был

заклучен контракт. Контракт - с издателем. Быть может, последний контракт в его жизни. Потому как, - совсем даже *не писалось*... И Гарри стало казаться - что он (весьма!) погорячился. Преувеличил свои, -- и без того, достаточно призрачные, -- возможности. И даже было удивительно - как, этот самый издатель, ему поверил? Ведь верить, на самом деле, было совсем даже нельзя. А ведь Верховски получил, еще и, гонорар. И весьма "внушительный". И на душе его было как-то не хорошо. Оттого, что теперь можно было спокойно сидеть, да работать.

Да и работа - не шла. И спокойствие - не наступало. А наоборот, - на душе появилась тревога. И закипала необъяснимая - злость.

Уже несколько лет прошло после выхода его последней книги. И теперь ему казалось - что он "разучился" сочинять. Вернее - должен был учиться заново. И сидел перед листом (приготовленной) бумаги: боясь приступить.

Но на самом деле, (и это было самое печальное), - что Гарри даже *завлажало*, такое положение дел... А быть может, так происходило оттого,-- что он знал (знал почти наверняка),-- что ситуация, (на самом деле),-- под его "контролем". Так же как и знал, что пройдет еще совсем незначительное время - и первая (нужная!) "мысль" придет в голову. А потом... а потом уже ничто и не способно будет его остановить... И останется только подкладывать новую бумагу под перо... А сам он будет "строчить" до усталости... Но даже когда наступит эта самая "усталость", -- даже тогда это совсем не остановит его. И окружающий мир будет *отодвинут* "в

сторону". А сам Гарри,-- перестанет что-либо замечать вокруг.

И так будет до того момента - пока роман не окажется закончен. *Отредактирован*, да не отдан в перепечатку.

Но даже и после этого - Гарри будет продолжать работу. Ибо приступит к другому роману. Новому. Потому как,-- пока есть *вдохновение*, - нельзя останавливаться. Нельзя. Попросту - нельзя...

И если разобраться,-- Гарри был рад такому душевному подъему. На фоне того творческого затишья, которое окружало его в последнее время, - это казалось настоящим "подарком". Подарком чего? Судьбы? Бога? - Гарри Верховски сейчас не задумывался об этом. Появилась возможность писать - и он был рад отдаться своему сочинительству.

-- Я, на самом деле, очень рад за тебя, -- как-то признался я своему другу, задержав свою ладонь в его.

Гарри преданными (благодарными?) глазами посмотрел на меня. И тут я почувствовал, что весь этот порыв (сам факт возвращения к творчеству), дался Гарри нелегко.

Думаю, не ошибусь, если замечу, что Гарри Верховски даже выглядел сейчас как-то иначе. Его крепкий, мускулистый торс и как-то неестественно широко расставляемые при ходьбе ноги (сохранившаяся привычка морского - когда-то он был юнгой - прошлого), --

как-то невообразимо легко приносили ему сравнение с обезьяной. Этаким гомодрилом. В пользу чего, говорила (сама за себя) и мощная челюсть, и густая шевелюра (несмотря на места уже начинавший

лысеть череп), и улыбка. Улыбка одним ртом. Так, словно губы натягивались на зубы, скрывая те. (Как, впрочем, и их отсутствие).

А еще был взгляд исподлобья. И порой неестественный - наклон головы. (Словно вас собираются "получше" рассмотреть).

Однако, сравнение с двуногим (или четвероногим?) предком исчезало - стоило Гарри произнести несколько слов. Столь правильной речью (с обилием цитат и ссылок на литературные произведения, биографии, дневники, письма, мемуары, высказываний современников и проч.), мог бы завидовать любой интеллигент. Но контраст казался еще более удивительным, стоило только какому-нибудь знакомому человеку обратиться (снисходительно, конечно же, снисходительно) к Гарри. Как можно проще сформулировав вопрос - человек явно ожидал похожего ответа. (Если вообще в душе надеялся, что ему ответят). И бывал весьма озадачен - услышав ответ Гарри. Ответ, - на правильном русском языке. Ответ, который завораживал постановками фраз. И голосом... Который хотелось услышать еще...

Обратившись к Гарри, я задал ему несколько "наводящих" вопросов (следует признать, что рассказывать о чем-либо тот не любил. Поэтому свои вопросы, я преподносил в достаточно завуалированном виде. Сам, в последствии, складывая из ответов-мозаики - правильные ответы). В итоге - передо мной всегда представала более-менее точная картина. Правда, иногда Гарри, бывало, забывал, что ответил мне. И когда я проявлял *неожиданное* "знание предмета" - казался, даже, обескуражен. (Верно, размышляя: откуда мне стали известны какие-то факты?).

Так что, и на этот раз, - я достаточно быстро собрал недостающие детали. И задумался: как я мог ему помочь? Ведь,-- разве способен один другому помогать в творчестве? (Разве что - "написать" за него). Ведь это дело - достаточно личное. К тому же, -- об этом вряд ли кто мог догадаться кроме меня. Ведь у меня была такая же "проблема"... Мы не могли не писать... Ибо литература - была нашей "наркоманской" дозой. Или - лекарством. Помогающим - выжить.

Только благодаря ей, (собственному сочинительству), - мы могли выплеснуть, сублимировать в творчество терзавшие душу сомнения, тревоги, ощущение надвигающейся беды. Стоило мне открыть глаза,-- и я тотчас же замечал, что все *невероятно, отрицательное, нехорошее, скверное*, (быть может, когда-то *недоделанное* и *недосказанное*), -- начинало всплывать в моей памяти. И тогда к горлу подступал ком необъяснимой тревоги. Словно это была тревога "о чем-то"? - и совершенно "не о чем". И я не знал, как мне от нее избавиться... А оттого мучился и страдал еще больше... Но уже быть может оттого, -- я тогда невероятно много писал. Вероятно и впрямь - стремясь скрыться, защититься, отдышаться,-- в литературе.

И вот, по всей видимости, точно таким же был и Гарри. Разве что, за исключением того, что он (невероятно) опасался "останавливаться". Вообще. И уже тогда, вполне было уместно сравнение литературы - с наркотиками. Схожая была зависимость и от того, и от другого. Но вот случаев реального исцеления - было известно значительно больше; в зависимости от наркотической. Потому как, если человек начал сочинять - то он уже не мог *останавливаться*. Пока "не испишется". Сам. Или...

И сейчас Гарри Верховски находился на очередном этапе творчества. Все его мысли были сосредоточены только на одном: как удержать, как удержать в памяти свое бессознательное, чтобы успеть извлечь на поверхность то, что в любой момент могло бесследно исчезнуть? Ведь будь его воля (не без оснований предполагал я),- и он бы совсем не отходил от рабочего стола. И лишь только писал, писал, писал... Но ведь были еще и другие обязанности. Большею частью, те [необходимые] обязанности - которых и хотелось бы избежать. Да, вероятно, невозможно. Ну, разве что - если уехать на необитаемый остров. (Так и там - встретишь "Пятницу" ...).

-- Я думаю, что где-то со схожей проблемой столкнулся и Кафка, -- высказал свое предположение Гарри, когда я заметил, что стал "заложником" творчества.

-- Впрочем... не только Кафка... -- добавил, раздумывая, и словно сожалея о чем-то Гарри. - Нечто схожее, полагаю, было и у Борхеса, Сарاماго, Кортасара, и даже - Набокова... Как ты считаешь?

-- У Набокова? - включившись в "игру", задумчиво произнес я.--Но тогда, в этот список можно достаточно свободно включать многих литераторов. Того же, например, Джойса. Или - Андрея Белого. Пруста. А "Циники" -- Мариенгофа?! Чем тебе - не погружение в пучины бессознательного? Выдергивание ужаса, забившегося в подсознание, -- наружу. Не это ли стремление - избавиться от всей той грязи, которая скопилась в душе.

-- Но тогда уже и мерзости...

-- Сологуб?..

-- Да...

-- Но где-то ты прав, -- согласился я. - Хотя, если помнишь, Тетерников настаивал...

-- Что "Мелкий бес" о них...

-- Ты не согласен?..

-- В соответствии с какой теорией смотреть...

-- Да с нашей! С нашей, черт возьми, -- устало произнес я. - Мне отчего-то захотелось прекратить спор. Тем более, что и на спор-то это вовсе не было похоже. Даже когда в чем-то кто-то из нас не соглашался - другой как-то инстинктивно и быстро занимал нейтральную позицию. Так что совсем невозможно было дальше продолжать. Оппонент со всем соглашался. И становилось чуть грустно оттого, что ты знал - так было не на самом деле. Потому как - что было на самом деле, что он в действительности думал - Гарри ни за что бы не поведал. Ни мне. Ни кому другому. Он предпочитал оставаться *закрытым*. Боясь впустить в свой мир кого-то еще. Кроме литературы.

-- Кстати, а ты читал "Свет женщины"?..

-- Аджара?..

-- И как находишь?-- кивнув, спросил я..

-- Невероятно понравилась! - с появившемся на его лице каком-то *особом* выражением, произнес Гарри.

-- Кстати, не задумывался ли ты, отчего Набоков так открещивался от фрейдизма?..

-- Так же как и от Достоевского, -- заметил я.

-- Считаешь...

-- Но ведь трудно было бы отрицать, что они не оказали на него совсем никакого влияния. По теории того же Фрейда, - если хоть раз что-то попадет в нашу память: остается там навсегда.

-- И может, бесспорно, влиять на любые (зарождающиеся) мысли, -- согласился со мной Гарри. -- Но если вспомнишь, достаточно скептическое отношение к Фрейдю было и у Кафки. Который вообще, заметим, жил с ним в одно и то же время, в одном и том же городе.

-- Хотя то, о чем он писал...

-- Ну конечно же! Чистой воды - проекция бессознательного! - чуть ли не воскликнул Гарри.

-- В том-то и дело, -- вновь согласился я. - И если помнишь, мы как-то решали: есть ли продолжатели тех же традиций?!

-- Кто писал так же, как Кафка?..

-- Тогда мы сошлись на мысли, что ничего похожего больше не было...

-- И не будет... Или ты считаешь иначе?

-- Видишь ли... Я тут в очередной раз перечитывал Набокова... И вполне могу попытаться доказать, что целый ряд его произведений, строится на, т. н., *поэтике абсурда*. Не находишь?..

-- Ты, конечно же, имеешь в виду его рассказ: "Облако, озеро, башня"? -- Гарри посмотрел на меня и задумался. - Действительно... да, -- и не только этот рассказ... тот же его незаконченный роман...

-- "Чужая земля"!?. обрадовано произнес я, почувствовав единство наших мыслей. И знаний.

-- Кстати, ты сейчас что читаешь? - спросил Гари.

Я назвал список из полуторадесяток книг, ожидая, что Гарри (имеющий схожею привычку одновременного прочитывания нескольких книг) *отыщет совпадения*.

Так и произошло. Сошлись мы, по-моему, на Кафке, Набокове и Довлатове. Которых,-- традиционно

перечитывали уже в который раз. Кроме того, был ряд литературных журналов. И я, и Гарри старались следить за всеми публикациями.

Но вот помимо этого (словно дополнительно), - Гарри располагал возможностью, знакомиться и с зарубежной публицистикой. В отличие от меня, он достаточно неплохо знал несколько европейских языков. Так что...

ГЛАВА 10

Игорь Севостьянов, вполне еще молодой человек (и уже заявивший о себе в отечественной литературе), весьма переживал... из-за своего возраста... Конечно, можно было сказать, что возраст - чуть ли не единственная величина, ежесекундно *подвергающаяся изменению*. Но, тем не менее, именно слишком "юный возраст", - был причиной, способной испортить настроению даже такому вроде как удачливому человеку, каким мог считать себя Игорь. Да и когда еще наступит то время, когда к его имени станут относиться действительно всерьез?.. А пока, -- он был вынужден (в соответствии со своей внутренней убежденностью) не помещать на отдельных выпусках сборников стихов - собственную фотографию. Так ему казалось спокойнее. Но, верно, он сам чувствовал в этом какую-то нелепость. А потому, -- просто ждал то время, когда станет действительно старше. Что же касалось его каких-то *внутренних ощущений*, -- он давно легко себе прибавлял как минимум лет десять. А то и двадцать.

Еще в школе он начал *страдать* за свой возраст. Сдавая учителю литературы сочинение - он знал наверняка, что та никогда не поставит высший бал. И при всем классе - будет опять его упрекать в том, что он переписывает. Из каких-то "неведомых ей" книг. И поначалу, Игорь еще надеялся как-то *переубедить* учительницу. Но потом понял, что это ему не удастся. Та всегда (и достаточно уперто) "стояла на своем". Словно,-- "наслаждаясь, своей *упертостью*". К тому же, против Игоря (почему-то - "против", а не - "за") было то обстоятельство, что его отец - был писатель. А мать - поэтесса. Да еще оказалось, что их творчество нравится учительнице. А его отца - она вообще считала, чуть ли не "гением". И было как-то неловко ей говорить, что несколько тем для рассказов - Игорь *подарил* отцу. А матери... Впрочем, стихи матери - нравились и ему. В них, быть может, была та потаенная грусть, которая вдохновляла и его. И от которой же, бывало, он искал спасение. В... (да хотел сказать про алкоголь, но...).

А еще Игорь никогда всерьез не относился к своему таланту. И даже отрекся от него. Хотя в душе, вероятно, и радовался тому, что выходило из под его пера.

Вероятно памятуя опыт школьного сочинительства, Игорь, (когда решил печататься сам), взял литературный псевдоним. И с тех пор, публиковал свои произведения исключительно под ним. А я думаю, вот бы удивилась учительница, прочитав Севостьяновские вирши. Ну она, как мне кажется, стихов не любила.

А что до Игоря, -- то он был счастлив, когда какой незадачливый критик ошибался, приплюсовывая ему лет, этак, десять.

Странная была эта радость...

-- Если честно, старик, то я не совсем разделяю твое беспокойство, -- признался я как-то ему, когда мы встретились в одном из городских кафе. - Вернее, я, конечно, понимаю твои *опасения*. Но, понимаешь ли, они ведь -- большей частью -- *надуманы*. А если быть еще точнее, --совсем не отвечают *реальной действительности*. Судьба предоставила тебе дополнительный шанс. Предоставив, своего рода, *фору*. Ведь после - ты вполне можешь признать свои юношеские стихи неудачными. И тебя совсем никто не осудит. В случае, если они покажутся тебе талантливыми, например, и лет через десять - то тогда и вовсе не о чем беспокоится. А пока можешь достаточно спокойно творить. Постаравшись заглушить сомнения.

-- Так-то оно так... -- словно, обдумывая что-то, произнес Игорь. Было заметно, что он не спроста завел этот разговор. Значит...

-- Видишь ли.., -- вероятно решился Игорь,-- я на самом деле хотел.. Он неуверенно озирался по сторонам, словно ища кого-то. Потом, спохватившись, наклонился. Достал портфель, стоявший у его ног. Вот... смотри... -- Игорь выложил на стол папку. - Это повесть. Моя, повесть, -- уточнил он.

-- Ты решил переключиться на прозу? - удивился я. Мне было неловко признаваться, но стихи Игоря мне никогда не нравились. И потому сейчас,

увидев нечто другое, я посчитал возможным надеяться, что проза ему удастся лучше.

-- Да, не совсем, -- смутился, было, Игорь. Но по его глазам я видел, что он тоже, ожидает чего-то от этого перехода. А вскоре, он признался мне в этом сам. Попросив меня - оценить его произведение. От чего, признаться, смутился уже я.

-- Насколько мое мнение может быть объективным, -- пытался отговориться я. Если честно, мне вовсе не хотелось делать какую-то *оценку* сочинения Игоря. Во-первых, он

все-таки считался моим товарищем. А во-вторых... у меня действительно был достаточно специфический вкус. Виной тому - такие мастодонты как Флобер, Кафка, Набоков... до невероятнейшей степени поднявшие планку мастерства. В том творчестве, которое (в рукописном варианте) держал сейчас в руках Игорь.

Но,-- несмотря на (вроде как мне казалось - и "убедительные") "отговорки", - я все же согласился. Но с условием, что покажу рукопись Гарику. Гарику Верховски. На мой взгляд (который я постарался донести да Игоря),-- Гарри способен сделать достаточно точный (*ибеспристрастный*) анализ произведения. К тому же, как мне казалось, он знал о литературе все. И мог достаточно четко предсказать судьбу произведения. (Хотя, пожалуй, в этом мало кто мог быть уверен до конца).

-- Я согласен, -- расцвел Игорь. Мне отчего-то показалось, что он от меня ждал именно этого.

-- Тогда я, с твоего позволения, повесть забираю...

-- Конечно! - поспешил воскликнуть Игорь. (Неужели он опасался, что я передумаю?..).

Повесть я прочитал. Если честно, помимо ряда стилистических моментов, которые, на мой взгляд, следовало изменить - все остальное было неплохо. Весьма, даже неплохо. За исключением - самой темы. Она была неинтересна. Совершенно. К тому же, даже несмотря на то, что Игорь, вполне еще мог "вырасти" как автор (возраст... возраст...), -- я отчего-то был уверен что этого не состоится. И на свет появился очередной второразрядный писатель. Который, (вопрос), создаст ли когда действительно гениальную книгу...

Однако, мне надо было "что-то говорить" Севостьянову. И не мудрствуя лукаво, -- я просто-напросто решил передать ответ Верховски. Точнее - ограничиться им. Самого Гарика, Игорь не знал. И был знаком с ним заочно. Через меня. Точно так же как и Гарри. Который, помнится, даже что-то, бывало, выспрашивал у меня о Игоре. Не спеша, впрочем, с ним знакомится лично.

Однако, к сожалению и тут я попал в весьма "двойственную" ситуацию. Гарри оказался "весьма посредственного" мнения о повести. Да и вообще - о наличии таланта у Игоря. А я ведь, что-то должен был ответить... Но что?.. Не говорить же на самом деле - правду?!

Но и ложь, -- была для меня не совсем приемлема...

Но мне все же пришлось поступиться *принципами*... Но вот когда я действительно удивиться, когда через какое-то время,

Севостьянов передал мне еще одно свое *произведение*... Роман... И роман... А роман-то,- оказался замечательным! (Чуть позднее, он был даже напечатан в одном из "толстых" журналов).

И уже на самом деле, новостью для меня стало -- почти откровенное проявление -- недовольство Верховски. При все при том, что Гарик, казался даже больше чем-то обеспокоен, чем действительно недоволен. (Ну, читалась в его глазах какая-то тревога. И все тут).

А вскоре я узнал и *причину*. И, признаться, даже поначалу опешил от подобной "правды".

-- Я чувствую, как нас обгоняет молодежь, -- сокрушенно вздохнув, признался он мне.

Я с любопытством (что было там больше: любопытства,-- или недоумения?) посмотрел на своего друга. Отчего-то мне показалось, что он стал похож на человека, у которого отняли какую-то *мечту*. Или на его глазах - разрушили *иллюзию*.

А как, интересно, на самом деле должен был выглядеть человек, у которого только что отобрали мечту?.. Какой должен быть у него взгляд?.. Что он должен был при этом говорить?.. Быть может - кричать?! Ругаться?! Или с опустошенным взглядом - погрузиться вглубь себя. Ничего больше не замечая...

Я, верно, даже боялся себе это представить... Представить, что где-то в потаенных уголках сознания (или подсознания) завелся маленький червячок, который точит, точит, точит... Человек мучается,

страдает, не находит себе места... А потом, вероятно, как-то разом сходит с ума. Или излечивается.

Признаться, -- мне было ближе второе. Но предрасположен я был более - к первому.

На самом деле Гарри меня удивил. Обеспокоил. Я отчего-то был уверен, что состояние его не опасное. Ну, не совсем опасное. То есть, еще можно было что-то *поправить*. *Изменить*. Но вдруг оказалось, что некогда присутствующий у него страх - совсем не прошел безболезненно. А то и вовсе, должно быть, не прошел. И на самом деле, проблема его была значительнее серьезнее. Чем представлялась - поначалу. А быть может, страх и вовсе не проходит без последствий. И оставляет тот отпечаток, от которого и невозможно избавиться. Совсем. И который теперь уже будет долететь над нами. Превращаясь в некую,-- самостоятельную,-- единицу. Имя которой, - бесконечность...

И я совсем уже не надеялся, -- что все это мне *показалось*. А Гарик, на самом деле, по-прежнему "был уверен" в своих силах. А совсем даже не испугался (как показалось, было, мне),-- "посредственного" (где-то такая была оценка Гарри -- повести Севостьянова) "молодого человека". Но, быть может,- уже ошибался я. А Гарик, на самом деле, сумел разглядеть в Игоре Севостьянове то, что ускользнуло от меня?.. Возможно ли было такое?.. Наверное, -- нет. Но мне, отчего-то, хотелось надеяться.

Глава 11

-- Я должен их всех вывести на чистую воду, -- в очередной раз, как-то удивил меня Роман Томичев.

(Признаться, у моего товарища периодически возникали подобные идеи. Но они были столь бессвязны, что я даже и не предполагал, что когда-нибудь они способны будут воплотиться во что-то реальное. Тем более, вроде как, совсем недавно уже было что-то похожее. И повторения, признаться, я не ждал так скоро).

И вот теперь...

-- Открыл очередной сионистский заговор? -- пошутил я, внутренне содрогаясь от возможности услышать подтверждение своему предположению.

-- Если бы, -- с серьезным видом вздохнул Томичев (а у меня, как будто бы, тотчас отлегло от сердца). - Я тут решил открыть свой клуб. Вроде как, и заинтересованных лиц нашел. Собирался даже кредит взять. Ну, в смысле, *они* мне его готовы были предоставить. Причем, без какой-либо своей осязаемой выгоды. Но потом, представляешь, я узнал, что те, кто меня решил поддержать...

-- Евреи, -- усмехнулся я, перебивая его.

-- Да какие там евреи, -- даже не обиделся он, став лишь еще серьезней. Хуже.

-- Аль-Каида, -- не унимался я, "развивая тему", и с трудом сдерживаясь, чтобы не разразиться смехом.

-- Ну, опять ты за старое, -- тяжело вздохнул Томичев. - Все намного сложнее...

-- Ну, куда уж может быть сложнее, -- добавил, было, я ---

-- Нет, ты на самом деле, послушай, -- уже начав говорить Томичев, совсем больше не вслушиваясь в какие-то мои предположения...

Историю, которую он мне поведал, я, можно сказать, ожидал уже давно. Ну, не в характере Томичева было сдерживаться... Так же, как и делать какие-то умные вещи. Был он упрям, не сдержан, и с каким-то странным присутствием интеллекта. Которого, иной раз казалось, что и вовсе не было.

А произошло следующее. Томичев, твердо решив заняться предпринимательством (что предполагало его уход из гос.спорт.центра, и открытие собственного), решил "на прощание" высказать в спорткомитете то, что он о них обо всех "думает". Что он, собственно говоря, и сделал.

И ведь не сказать, что этим он кому-то навредил. Вероятно, инстинктивно ожидая от него нечто подобного, чиновники были готовы. А потому ни за валидолом никто не потянулся, ни корвалол не понадобился. Да и вовсе, казалось, все прошло так, как будто Томичев делает подобные *высказывания*, довольно часто.

Однако, как оказалось, *последствия* все-таки имели место быть. Вероятно, кому-то все же не понравилась "столь пламенная" речь *борца за несуществующие идеи*. А быть может, тон, -- которым высказывался Томичев,-- кто-то посчитал оскорбительным для себя. А то и -- *недопустимым. Отвратительным*. А уже вслед за этим - последовали и "ответные меры".

Томичеву не дали уйти "по собственному желанию". Выгнали "с позором". Да еще и пригрозили завести уголовное дело. За какие-нибудь "растраты".

Но самое печальное было то, что его недавние "компаньоны", прознав о скандале,-- решили отказаться от своего предложения. Сославшись... на отсутствие денег.

И Томичев в одночасье остался ни с чем. Потеряв и то немногое, что у него было.

Я (как мог) попытался, было, его утешить. Но при этом, совсем не веря и сам, -- в его случае сейчас помогли бы какие мои слова.

-- Я думаю, нам надо держаться вместе, -- отчего-то произнес я. (Бывало иногда, чувствуя, что должен что-то сказать,-- но как-то "сопротивляясь" этому,-- я все же "говорил". Но в итоге получалось что-то ... дежурное, и обыденное...).

Но, на удивление, Томичев вдруг, посчитал возможным, "развить тему". Он самым невероятнейшим образом уцепился за мое предложение. И в последующие час-два - мы наметили *основные моменты* нашего "сближения".

-- Я хочу с тобой согласиться, -- как вроде бы еще что-то обдумывая, произнес Томичев. - Нам действительно необходимо всем собраться. Быть - вместе. Поодиночке - нас легче победить... -- примерно эти слова, и положили начало всех тех коллизий, которые (волей случая,-- и "виновным" в возникновении этого "случая" мог быть любой из нас) испытали мы.

-- Нам следует собраться вместе, -- повторил Томичев, развивая, вероятно, свою очередную мысль. - Собрать всех, кто знает нас с тобой, -- посмотрел он на меня, -- арендовать небольшую гостиницу...

-- ... и закрыться ото всех, -- полушутя, предложил я.

Глава 12

-- А почему бы и нет?! - неожиданно согласился со мной Гарри Верховски.

Изначально, помнится, Гарри не очень хотел со мной встречаться. Причем, не от какого-то (особого) отношения ко мне. Просто, в последнее время, он вообще куда-то выходил с большой неохотой. Предпочитая - сидеть дома. (То же, своего рода, протест окружающему миру). Но я его уговорил. Обещая рассказать "нечто интересное".

В последующие день-два,-- идею Томичева (опять же, совсем неожиданно для меня) поддержали: Юрин, Гнесин, Рокотов.

Оставался еще Симко (он был в Москве, пытаюсь воплотить в жизнь какой-то свой очередной "проект"). Но я отчего-то уже был уверен - что он согласится.

Итак, мы решили жить вместе.

ЧАСТЬ 2

ГЛАВА 1

На удивление (большой частью - мое) - столь *любопытная* идея: "жить вместе", -- не вызвала ни у кого каких-либо сомнений. Все словно восприняли это событие - как нечто должное. (Которое,-- как минимум, - с ними непременно должно было случиться).

Однако, то, что на самом деле могло произойти, - не знал никто. Я затрудняюсь даже сказать,-- какой цели добивался каждый из нас? Какое "ожидание", он вкладывал в осуществление намеченной задачи? В это - совместное проживание? Причем, замечу, насколько я знал - ни у кого из нас не было и каких-либо "специфических" *наклонностей* (объединяющих мужчин, равно, впрочем, как и женщин). Так что, было, заподозрив эту причину, - я тотчас же отмел ее. (Устыдившись своих мыслей). И уже тогда, то единственное,-- что я мог "заподозрить" в каждом из нас,-- это то "удивительное" обстоятельство, что каждый (да, наверняка, из нас - каждый),-- являл собой пример какой-то психопатологии. Поэтому - почему бы не рассматривать общее "желание" участвовать в подобном "проекте" -- как надежду на некое "чудодейственное" "исцеление". Первым шагом на пути к которому,-- должна быть наша добровольная "изоляция" от общества.

И уже все больше я привыкал к своей - новой - мысли. И если раньше "только предполагал",-- то прошло совсем незначительное время, и я уже был уверен,-- что так все и было. Т. е.,-- именно эта причина - всех и объединила.

Ну, а дальше уже выяснилось, что у нас у всех - почти схожее образование. (Я имею в виду - уровень образования). И, по-моему, только у Севостьянова пока было: "не законченное высшее" (студент).

Почти схожие интересы: живопись, литература, философия, кинематограф, музыка... Кроме того, -- примерно равный возраст: от сорока (у Рокотова) до сорока семи (у Карина). Но, пожалуй, что самое главное, - схожие общие проблемы. (Насколько, конечно, отклонения в психике могут создавать "проблемы"... Иной раз люди живут, да, -- ничего и не замечают... Или не хотят замечать...).

Но еще более удивительным оказалось то, что наша *утопическая* идея воплотилась в действительность. И у нас действительно все получилось.

Вот только "правдой" оказалось то, что все *подобное* происходило только вначале. Потом... потом стали возникать (достаточно необъяснимые) разногласия, с которыми намечавшийся эксперимент мог перерасти в нечто уж совсем странное, да непонятное...

Впрочем, никто и не предполагал, -- что все будет настолько сложно. И прежде всего, конечно же, уже сама мысль о совместном проживании восьмерых мужчин - таила в себе дополнительную угрозу. Угрозу - *непредсказуемости*, страха, быть может, даже какой-то опасности...

А верил ли кто на самом деле, -- что у нас все *получится*?..

Притом что, с одной стороны, где-то в подсознании набиралось достаточно примеров (армия, исправительные учреждения...) сосредоточения в одном месте большого (тем более - не в пример нашему), количества людей одного пола. Мужчин. И это притом, что, подобное положение,-- (как, например, в системе ГУИН),-- могло сохраняться годами.

Но с другой стороны, -- совсем не было секретом то, какая в этих местах царила атмосфера. Правда, в нашем примере, набирались и,-- весьма заметные,-- отличия. Например, -- добровольность "заточения" (тех, других, как известно, никто "не спрашивал"). К тому же, -- вероятно, какую-то особую (спасительную) функцию,-- мог оказывать и наш... "интеллект". Точнее, -- сосредоточение в одном месте, -- достаточно образованных людей.

Ну и, кроме того, у нас практически с самого начала была, своего рода, *договоренность*: ничего не скрывать друг от друга. Что, согласитесь, было тоже - своеобразным отличием от общества иного. Где ложь, в какой-то мере, могла быть залогом выживания. (Да и само слово: "арестант", -- в какой-то мере, уже изначально, несло в себе некую тайну. *Загадочность* существования. Иначе, повторюсь,-- в тех условиях,-- выжить было достаточно сложно).

Были между нами (находившихся, в какой-то мере, по разные стороны баррикад. Хотя "до прямого противостояния" - никогда и не доходило), и еще ряд, порой, существенных отличий. Но мне отчего-то кажется, что сейчас это уже не важно. Да и, быть может, совсем и незачем вдаваться в излишние *детали*. Тем

более, руководствуясь стремлением:
доказать *недоказуемое*.

А потому я делать этого не буду.

Однако, как говорится, благими намерениями вымощена дорога в ад. И быть может потому, -- никто из нас (собравшихся) и не заметил, когда произошло самое первое (самое начало) из тех удивительных *происшествий*, которые застали (почти единодушно, -- чуть позже, -- мы то признали) нас врасплох.

Создавалось впечатление, что какая-то неведомая сила (с неизведанной силой возможностей) вмещалась в,-- до того достаточно мирный,-- процесс. В наше совместное существование. Внося в него свои коррективы. Которые мы, - вынуждены были принимать.

А началось все с того, что каким-то поистине загадочным (и совсем необъяснимым) образом - разом, в одночасье, куда-то исчезли двери. Входные. (Тогда как, помнится, осматривая здание, -- старинный трехэтажный особняк почти в самом центре Питера, -- и я, и, -- присутствовавшие со мной Верховски и Симко, -- отметили, как минимум, три "входа-выхода". Мы даже тогда их поспешили закрыть. Передав ключ человеку, которого должен был прислать арендодатель). И вот теперь дом, (неожиданно), оказался закрыт. (Правда, стоило заметить, что из-за столь "удивительного" факта,-- никто из нас не расстроился. Вероятно, подсознательно, каждый уже ожидал чего-то подобного. Ну, или, убедил себя, - что это вполне могло быть в условиях договора. Договора - на проведение

эксперимента. А кроме того, мы знали, что есть окна. И уж, если что...).

Каково же было наше изумление, когда мы узнали, что вместо окон,-- была,-- самая, что ни на есть, "бутафория". И только если смотреть с внутренней стороны, то можно было предположить, что в доме есть окна. Тогда как если попытаться реально в них заглянуть,-- ничего не оказывалось. Стена. Кирпичная стена,-- неоштукатуренная, и "затянутая" светонепроницаемой пленкой.

Вскоре у нас зародились сомнения: как нам будут доставлять продукты? И, несмотря на предварительную оплату "за полгода вперед", -- мы как-то бессознательно стремились усилить собственный аппетит, дабы только понаблюдать: как же наши арендодатели доставят новую партию продуктов. (О подобном *интересе* мы друг другу не говорили. Но, вероятно, каждый из нас тайно ожидал посыльного с едой).

Но никто не приходил. А потом,-- кто-то из нас (достаточно случайно) натолкнулся на (заботливо расставленные) корзины с продуктами. И могу поручиться,-- ни я, ни кто-либо из моих товарищей, -- не видел, как они там оказались.

А в следующий раз, все повторилось (корзины, правда, теперь оказались в другом месте) вновь. И, в конце концов, мы были вынуждены смириться. Списав (неожиданное) возникновение продуктов, -- на какие-нибудь, например, неведомые силы. Во власти которых,-- (тогда мы еще могли шутить),-- мы *внезапно* оказались.

Было любопытно, но никаких (иных) проявлений тех, кто *курировал* наше добровольное заточение, (помимо загадочного появления продуктов питания), мы не замечали.

И с этим вполне можно было смириться. Смириться в случае, если бы так все оставалось и дальше. Однако мало кто (за исключением Томичева, которого почти всегда "все устраивало", да загадочным образом "сдружившихся" Симко и Севостьянова, проявлявших достаточно безразличное отношение ко всему происходящему) уже сомневался, что подобное *начало* - закончится вполне благопристойно. И как будто каждый уже ожидал какой-то неприятности. По крайней мере, не сомневался,-- что она произойдет.

И уже казалось удивительным, что ничего похожего (на ожидаемые неприятности), не происходило. А вскоре мы и вообще, - погрузились в те, (новые для нас), будни, которые требовали от каждого, своего рода, *перестройки* привычного жизненного уклада.

-- Черт побери, -- зашедши как-то раз в комнату (у каждого из нас была своя, отдельная, комната-спальня) Романа Томичева, я увидел его, с удивлением, - и в достаточно сильном психически возбужденном состоянии,-- взирающим на потолок. - Только что оттуда слышалась музыка?!

-- Но там никого нет, -- попытался, было, успокоить я друга, хорошо помня расположение комнат. По моим данным,-- сверху находился какой-то склад залежалой рухляди. И как раз - состоящий из различных

(сломаных!) музыкальных инструментов. Не могли же они начать играть самостоятельно?!..

-- Но я же отчетливо слышал! - не унимался Томичев, готовый выйти из себя ("вскипал" он, действительно, быстро), оттого что ему не верят. - Эти звуки...

Мелькнувшая у меня, было, мысль, что туда мог пробраться соскучившийся по музыке Рокотов (а он, помнится, очень расстроился, когда, по нашей договоренности, мы настояли, чтобы он не брал с собой ничего, на чем можно играть; так же, как другие из нас, - оставили дома: краски, кисти, бумагу, ручки и т.п.), "не подтвердилась". Почти тотчас же после слов Томичева, к нему в комнату заглянул Рокотов. (Он был его ближайший сосед). И, немного удивившись "моему присутствию", сбиваясь, поведал, что всю ночь (было раннее утро, чем, быть может, и объяснялась еще относительная тишина, стоявшая вокруг, не считая наших разговоров, хотя каких-либо договоренностей по поводу режима сна-бодрствования у нас не было) у него сверху слышалось какое-то странное шуршание. Ну, тут уж я ему с трудом мог поверить; да, признаться, и не поверил вовсе. Потому как точно знал, что никакой комнаты над ним просто не было. Поскольку то помещение, где расположился он,-- было единственным, над которым отсутствовали перекрытия между вторым и третьим этажами. А то, что что-либо могло раздаваться еще выше (на чердаке, под крышей,-- или даже на самой крыше),-- исключалось хотя бы потому, что расстояние было столь велико, что даже со своим тонким музыкальным слухом, Рокотов ничего бы не мог слышать. (Да и, если честно, крыша над его комнатой была настолько ветхая - на это обратили мое внимание "арендодатели" -- что я не рискнул бы даже

предположить, что бы кто-то был способен добровольно забраться на нее).

Однако, когда я узнал, что нечто *подобное* слышали и остальные,-- у меня, признаться, впервые появилась мысль: а не прекратить ли наш эксперимент? Признав, его, как минимум, *опасным*.

Но стоило мне только попытаться предложить нечто подобное - и я услышал почти единодушный "протес". При том, что "главным",-- столь же "единодушно" -- признавали меня. Что,-- накладывало на меня дополнительную ответственность,-- за все *происходящее*. (Особенно удивил меня Гарри Верховски. Который признался,-- что, впервые за последние годы! - он почувствовал "спокойствие").

Тем не менее, я решил "не останавливаться". Мне вдруг разом захотелось "выбраться отсюда". И я еще несколько раз, приводя доводы, какие только мог придумать,-- пытался убедить всех последовать моему совету. И в который раз удивился, что меня никто не поддержал. Разве что, за исключением Симко. Который, хоть ничего и не сказал, но как-то слишком грустно, даже, скорее, обреченно покачал головой. И я даже не уверен, но мне кажется, что расслышал его слова: "... глупцы, они сами не знают, что делают...". Однако, уже в следующую минуту (а я во что бы то ни стало, решил для себя поговорить с Симко наедине), Роберт Яковлевич посмотрел на меня таким отвлеченным взглядом, что я ужаснулся, с трудом прогоняя мысль: что Симко сошел с ума... (И решив, как минимум, отсрочить разговор - на неопределенный срок).

Скажу сразу, что побеседовать с Симко мне так и не удалось. Каждый раз, когда я уже было собирался это сделать, он (словно это предчувствуя),-- куда-то исчезал. Или наоборот,-- словно предчувствуя,-- оказывался настолько "занят",-- что я, чертыхаясь, вновь откладывал разговор "на потом".

А "потом"... А потом,-- мне пришлось и вовсе забыть о своем "желании". Ибо, со всеми нами, вдруг, стало происходить нечто необъяснимое. И каждый новый день - нес в себе новую загадку...

ГЛАВА 2

"... то, что окружает меня, настолько нереально, что остается только одно - поверить в это. А иначе, и вообще может нарушиться вся (до того неделимая) цепочка мироздания.

Однако, это нисколько не означает, что нет никакой способности противостоять оному. Отнюдь. Существует целый ряд возможностей, которые при некоторых, всего лишь незначительных, (но наличие которых, бесспорно, является обязательным фактом), обстоятельствах,-- способны привести к детонации взрыва (а любой взрыв, в том числе -- и мы сейчас имеем в виду в именно его -- взрыв сознания, способен привести не к полному исчезновению чего бы то ни было,-- это уж надо как постараться,-- а к образованию хаоса); и тогда то, что нас окружает, придет в невероятное замешательство.

Скажем сразу, что есть некоторая опасность подобного "заблуждения". *Заблуждения*, так сказать, вызванного лишь неверным представлением о вещах. Например, предостерегая о некоем "замешательстве", мы имели ввиду понятие, которое несет в себе значение

намного большее, чем то было различимо нами ранее; и, быть может, только тогда, уже в этом, *новом* движении, - и, в первую очередь, это действительно будет именно так, - придут наши *мысли*, вытащат они, далее, за собой - *желания*, а уж те, в свою очередь, способны будут, не задумываясь, превращаться в *поступки*. Поступки, большинство из которых несут в себе множество все того же невообразимого хаоса; поступки, совсем неподдающиеся какому бы то ни было логическому знаменателю; ибо таковой в них - и вполне возможно что это именно так - вообще отсутствует.

А что тогда останется нам? Способны ли бы будем - в случае, если все произойдет именно так - правильно оценить произошедшее? Или вновь, -- как, -- то случалось и раньше, -- будем лишь "подменять" понятия; нисколько не решаясь, наконец-то, назвать все "своими именами"? (Или, как, быть может, будет более понятно кому-то, -- просто расставить все точки над "i"?)..."., -- В этом месте запись обрывалась. Я собрался, было, еще раз пробежать глазами прочитанное, но внизу послышался какой-то шум, (словно кто-то тяжело поднимался по лестнице), поэтому захлопнул тетрадь (хотя, когда закрывал -- заметил, что, на другой стороне листа было продолжение), и, собираясь, было, положить тетрадь на то место, где я ее нашел, прислушался.

После того, как все высказались о странных шумах, исходивших из расположенных наверху комнат, я удивился, почему ничего не слышал я? Ну, а за удивлением и пришло желание разведать, что же *находится* надо мной? Причем, желание, -- подкреплялось маниакальным стремлением непременно претворить его в действие. И все доводы: "против", -- изначально отвергались, или, -- каким-то независимым

от моего сознания образом,- интерпретировались как "за".

Когда я поднялся наверх, то мое внимание привлекла тетрадь, лежащая на столе, который был единственным, из какой-то мебели (среди кучи обломков, некогда, шкафов, комодов, стульев, и, вероятно, таких же столиков как этот; чудом сохранившийся). Все вокруг было в пыли. Такой же запыленный воздух, видимый в бесформенном луче света, пробивающемся сквозь неровные щели в крыше; причем, я знал, что от самой комнаты -- до чердака, было достаточное количество метров. Я осмотрелся. Сердце отчего-то принялось судорожно колотиться. Как будто я проник в чужое жилье. И тут я заметил еще несколько тетрадей.

Поддавшись искушению, (тем более, что шаги или прекратились, или их не было вовсе; а оказались лишь -- плодом того воображения, во власти которого я в последнее время все чаще находился), и уже несколько собой не владея,-- я начал судорожно заглатывать страницы.

"... не знаю, способны ли вы будете в должной мере оценить все, пережитое нами, но, как бы то ни было, это наш опыт и, как любой опыт, заслуживает он того внимания, какое вообще можно извлечь из пройденного кем-либо урока. По всей видимости, придется опустить... (*неразборчиво*)... которые может, и были бы интересны, но только не сейчас. Никто не знает, сколько нам отмерено времени в результате тех обстоятельств, из-за которых мы здесь оказались. Но если вы читаете эти строки, то, по всей видимости, с нами уже все закончено. И уже тогда мне предстоит (*зачеркнуто*), мне не представляется иной возможности

(ибо я дал себе что-то вроде обета,-- хранить эти тетради; и раз они у вас...), как попытаться изложить то, что произошло с нами. (Хотя я вполне допускаю, что мне просто удастся видеть мир в той плоскости, которая пока не доступна вам. Но я должен все рассказать. Независимо оттого,-- поверите вы мне, или нет. Ведь мы,-- скорей всего,-- оказались в схожих ситуациях. И тогда вам предстоит пройти весь тот путь, который уже прошли мы. Вернее, я. Ибо сейчас рядом со мной (уже?) никого не оказалось.

А как все начиналось?... Впрочем, это всего лишь лирика; и от нее, к сожалению, я вынужден отдалиться, потому как, *неспособен* уже замечать что-либо, относящееся к границе сознательного; ибо - каким-то образом (и даже не заметил когда) - вышел из границ сознания. И уже сомневаюсь, способен ли буду когда,-- вернуться обратно.

На первый взгляд, проделанный нами (а я,-- как, наверное, и вы,-- был не один) путь - может показаться неудачным. Так, наверное, и есть. Но весь вопрос в том, что он нам был *необходим*. И, я думаю, что и вы - ступили на него не "просто так".

Но помимо его какой-то *необходимости*,-- для нас была необходима (и я до сих пор об этом думаю с ужасом), и та внешняя оболочка, в которую мы, как будто, погрузились; и которая - было наше первоначальное впечатление - нас сможет как-то защитить. Спрятать, от "опасностей" того мира (окружающего мира), от которого все мы стремились убежать.

Но мы ошиблись... Мир, который "заманил" нас - оказался совсем не такой, как мы это представляли. Можно было сказать, что (изначально) каждый из нас -

видел какую-то *иллюзию*. Ту *иллюзию*, которую, вероятно, он и хотел увидеть. И, поначалу, будто бы ничего и не произошло. Ведь и раньше,-- по восприятию *происходящего*,-- я догадывался, что я - это, как-будто, - и не я вовсе. И за всеми моими "ощущениями", -- стоит нечто иное. Совсем не то, что было заметно "на первый взгляд". А все на самом деле - намного печальнее, трагичнее, неудержимее... Неудержимее той притягательной силой, которая, кажется (и это еще одно очередное "нечто", с восприятием - с существовавшим, доселе, логическим восприятием - которого приходится расставаться) сублимирует все неизведанное - неизведанные "нами", а не теми, кто, мне хочется верить, способен был разгадать это раньше - что, или уже встречалось нами, или, бесспорно, еще встретится; а может и давно встречалось, да мы того не замечали...

Эта некая величина - конфиденциальная по своей сути - еще не есть та великая парадигма, к которой придем позже. И все же я уверен, что мы к ней все равно придем; а значит, сейчас нет особого смысла останавливаться на чем-то постороннем. Хотя нет такого *постороннего*, какое и являлось бы таковым. Все равно - пусть даже и косвенно - это относится "к делу"; и уже тогда -- пусть эта *неведомая* сила (я даже готов ей подчиниться),-- ведет нас вперед. (Хотя, узнай я, что будет впереди, - и наверняка бы не решился - раньше - сдвинуться бы с места).

Неким эталоном всего окружающего, служит такая же невидимая величина, остаточные состояния которой, отчего-то совсем даже незаметны нам, хотя что-то говорит о реальности их существования; и это что-то, по всей видимости, уже есть то, что может быть

принято за некую неоднородную или, скорее, неопределяемую массу, даже имени которой пока нет, а есть лишь довольно призрачное осознание *приобщения* к чему-то; или, скажем, ощущение этого -- рядом с нами; но вот будет ли это на самом деле понятно (не говорю "известно", ибо за любой известностью в какой-то мере лежит уже состоявшийся факт увиденного), причем понятно так, что однозначно способно будет удержаться в памяти, ибо, как не крути, но именно память -- та наша составляющая, которая, словно невод, способна задержать (и, выуживая, стараться непременно *объяснить*, что уже в какой-то мере *ошибка*) даже помимо того (бессознательного), что отторгает от себя (преломляя) сознание...". Прервавшись, я в беспокойстве огляделся кругом. Мне показалось, что кто-то за мной наблюдает. Но комната по-прежнему являла собой пустоту (или, лучше сказать, запустение). Вспомнив, что, пожалуй, прошел час, как я исчез, и мои друзья могут начать беспокоиться, я, тем не менее, не мог совладать с начинавшим бушевать во мне желанием,-- и вернулся к записям. Значит, теперь у меня были, по крайней мере, две тетради, в которых кто-то пытался донести (до нас?) ужас своего положения. Однако, случайно рука как будто сама пошла, без моей воли, выдвинув ящик стола, я заметил целую стопку тетрадей, подобных тем, которые я только что держал в руках, и, словно проводя какой-то внутренний эксперимент, аккуратно выудил из середины одну из них.

"... что такое неверие? Неверие есть враг веры. И враг на самом деле намного более коварен, чем, может быть, даже осознание того, что это наш враг. И то, что он так легко перед нами открылся, хотя и до конца еще

и не явив свою истинную сущность, ибо необходимо для этого время и, быть может, только время способно будет рассудить - кто выйдет (неизменным) победителем? -- любой спор о... (*неразборчиво*)... существующий сейчас...(*неразборчиво*)... (уже, вероятно, свидетельствует о многом; но что есть наш враг? Ведь он не носит одной, какой-либо заметной, личины; и нам приходится замечать (одни за другими) присущие ему признаки уж совсем в, казалось бы, посторонних вещах; вещах, которые, вроде как, еще совсем недавно "сигнализировали" нам о своей автономности (не путать ни с чем другим), и теперь (на удивление), принимают совсем иную сторону.

Что есть наш враг? Да при любом тщательном рассмотрении (а для анализа ведь тоже необходимо время), окажется, что самих врагов - ну, или вернее, тех, кто может вполне попасть под эту характеристику - у нас много. Причем, даже минимальная возможность *ихинициализации*, в итоге, не приведет абсолютно ни к чему; ибо невозможно сосчитать дождевики во время ливня; или капли в океане; "имя ему легион"... (*записи обрываются, по всей видимости, утеряны несколько страниц*)... и что с того? Разве не есть это хоть какое-то доказательство *уже существующего*?.. Или, наоборот, быть может, это может хоть каким-то (вот таким неподходящим) образом опорочить его сущность?.. Никак не может! И не только не может, но и просто так не должно быть, а, значит, нам и не следует задумываться о том...";-- Я с трудом заставил себя оторваться от текста. Уже то, что я видел, было, по всей видимости, (это я, по крайней мере, ощущал) причастностью в чему-то сверхъестественному. (Надеюсь -- пока не требует объяснений?..).

"... Неверно, и на самом деле ошибается тот, кто считает нас кем-нибудь вроде изгоев, -- открыл я следующую тетрадь. - Даже внешне мы вполне такие же люди, как и вы. Быть может, только судьба у нас необычная. Но каждый ли из нас выбирает свою судьбу? Не есть ли это одно из тех великих заблуждений, (уходящее глубокими основами в древность), которые руководят (и проследуют!) нашими поступками? Заставляя совершать многое из того, чего бы раньше (совсем?) мы, быть может, и не совершили бы...

До того, как мы очутились в этом странном доме, мы вели однообразную размеренную жизнь. Сферой профессиональной деятельности ни одного из нас, никогда не пересекалась с профессией другого. Встречались ли мы в жизни, верней, встречались ли осознанно -- тоже вопрос. Но, тем не менее, уже то, что здесь оказались именно мы, наверное, говорит само за себя.

Но страшно даже не это. Все дело в том, что из всех, здесь когда-то собравшихся, смог пока выжить только я. Нет, конечно, мы не говорим о какой-либо смерти, вернее, смерть смерти рознь (да что есть вообще смерть?), но живы ли вы, если осталась существовать только ваша внешняя оболочка, а внутренняя сущность отдана на растерзание своему "Я", и теперь ее, вроде как, и нет? Можно ли называть это жизнью, какой-либо жизнью, или это сродни (и, пожалуй, это - независимо, способен ли кто принять такую точку зрения) какому то не... *существованию*; когда человек, вроде как и живет, - - но, на самом деле, лишь существует; да и существует как-то неосознанно; наверное, еще пытаюсь ухватиться за что-то (уходящее сознание?); а на самом деле (и страшно то, что он начинает понимать это сам), его,--

некогда "неделимое" сознание,-- распадается на множество составляющих. И в этих потоках (потоки света, несущие смерть? Или, по крайней мере, уж точно не жизнь?!), он теряет, в конечном итоге, себя; и становится тщетными его неуклюжие попытки уже не только хотя бы сохранить, но и вообще (а об этом уже никто и не говорит),-- вернуться к прошлому...

Для чего я все это пишу?.. Наверное, ответ на это самое простое, что я, по крайней мере, могу еще попытаться сделать. Все это происходит сейчас и со мной. А мои записи... мои записи -- какая-то нелепая, и в своей основе удивительно призрачная, попытка удержать неудержимое...".

На этом я решил пока закончить свое чтение. Что там происходило сейчас с моими друзьями? Не знаю почему, но я чувствовал какую-то разрастающуюся внутри меня тревогу; которая, должно быть, имела под собой и реальную основу. В том, что это было так, я почти не сомневался.

Как бы то ни было, но я почему-то начал осознавать, что смогу и сам продолжить любую из этих тетрадей. Отчего-то мне казалось, что это именно так. Вероятно, мой мозг сейчас переживал,-- как любят говорить в фильмах,-- "не лучшие времена".

Я спустился вниз; вернее, намерен был спуститься, но понял, что просто-напросто не могу выбраться из этой комнаты. Хотя, вроде как, я ее открыл просто, но, должно быть, так мне показалось только в первый раз. Теперь дверь не поддавалась.

И тут я понял, что закрыт ключом. Но кем закрыт?

Поначалу я, было, даже пробовал кричать... Абсурд... Я почему-то был заранее уверен, что никто меня не слышит. Попытки выбить дверь, оказались тоже неудачными. Она казалось настолько прочной, что все изначально было бы напрасно... Удивительное дело... А ведь я даже не ощущал ее массивности, когда входил в комнату. Вроде как просто толкнул, и она отворилась...

Дальше я сделал что-то, что в тот момент мне показалось самым логичным, (хотя, какая уж тут может быть логика?). Я подошел к столу, сел (и стул даже нашелся), открыл одну из тетрадей и стал читать дольше. Мне показалось, что я отчего-то должен именно читать. Быть может, я уже и не мог не читать. Я повиновался какому-то инстинкту, но это не был ни один из известных мне; и самое удивительное,-- я просто жаждал узнать, что же там было дальше?!..

"Среди всех мыслимых и немыслимых потоков сознания,-- это было сродни чему-то великому; словно это было приобщением к какой-то тайне; хотя тайной, тайной как таковою, бесспорно, она не являлась. И эти самые потоки сознания, постоянно стремились унести меня в нечто *запредельно удивительное*; и поначалу даже казалось, что это именно то (но то ли это?), к чему я все время стремился. На пороге *всепроницающего* - куда? - бытия (но не бытие ведь определяет сознание, хотя меняет что-то, если и так?), я неожиданно, даже для себя, понял, что это совсем не то, к чему я доселе стремился. Путь мой уже не казался таким безоблачным, (хотя он не был и достаточно труден), каким я его видел еще минуту назад; и теперь мне стоило лишь удержать раскачиваемую лодку (вселенской неудачи, неудачи или неудовлетворенности? И то, и другое сейчас казалось мне чем-то сродни одно другому), и уже не было того,

что доселе непременно таковым и казалось. Следовало ли попытаться ухватиться, не пуская то мое "Я", которое и стремилось к нему, и не был ли я тогда (был, непременно был? бы?!) вознагражден тем "утешительным призом", который, быть может, и зовется-то просто - жизнь. Но что это будет за жизнь? Каковы будут в этом случае те *основополагающие принципы*, на которых она и держится доселе? Не будут ли они омрачены... (неразборчиво)... сверхъестественного (хотя, то, что происходит, не есть ли уже такое), что, безусловно, нельзя пока еще обрести, но уже можно осязать (потрогать), прикоснуться, приобщившись к чему-то нежно-непонятному (или нелепому, а потому и непонятному, или непонятому, -- а потому нелепому), но вопрос-то весь - нужно ли мне (тогда) будет это? Как я смогу быть в чем-то для себя уверен, если это и будет таковым; тем, что доселе я искал, не находя; но отчего -- на самом деле - удалялся... да я ведь все время от него удалялся... Ведь в моей жизни случалось немало моментов (и это было на самом деле так), когда мне казалось, что вот-вот и способен буду приблизиться, ухватить... (*какое-то слово много раз зачеркнуто*)... Но тогда это только отдалялось от меня; и отчего-то уже не казалось тогда, что будет хоть когда оно мне подвластно, станет таким, да и... станет ли когда оно для меня таким?! (*Несколько предложений многократно перечеркнуты*).

Неожиданное погружение в бездну (это можно еще как-то назвать?), не принесло ни малейшего успокоения (а успокоение и излечение, должно быть, имеет синонимическую схожесть), а лишь только наоборот, выявило те не поглощенные доселе черты (большой частью даже незаметные, а оттого, быть

может, и нерастраченные), которые хотелось - не хотелось, но можно было заметить в каждом из нас..."...

- Что же с ним произошло? - задавался я вопросом, который все чаще возникал передо мной, мешая продолжать читать. Я вдруг понял, что неожиданное "приобщение к тайне",-- коснулось (словно придавило) меня; и будто что-то, внешне невидимо-неосязаемое, прошло насквозь (вышло ли? Осталось ли внутри?); так что в одночасье ощутил, что уже совсем не тот, как прежде... другой... но какой?..

Я ринулся, было, к двери, но, словно сейчас, вспомнил, что та закрыта. Но кем? - немой вопрос повис без ответа... Я попробовал найти еще лазейку... ведь наверняка (почему-то я так решил?) был еще один выход из... И словно в подтверждении, какая-то неведомая сила заставила меня поднять голову. Где-то вверху, в самом углу потолка, (голова была запрокинута - до боли), - я вдруг заметил какое-то отверстие... Хватит ли, чтобы протиснуться в него?.. Будучи не слишком крупной комплекции, я составил друг на друга какие-то коробки (с чем?), нашел какие-то ящики, более-менее крупные остатки разбросанной мебели, подтянулся, ухватившись за какую-то балку... И вот я уже возле того, что было мне нужно... Но должно быть, там, внизу, я что-то не рассчитал... Диаметр лаза был значительно уже, чем я сам... Я обвел глазами вокруг (с позиции моего теперешнего местонахождения комната выглядела совсем иначе. В одно мгновение она показалась мне какой-то *неизвестной*; словно я и не провел в ней столько времени, а попал сюда только сейчас..). Прислушался... Стены, должно быть, на самом деле были необычайно широки; иначе, как объяснить,-- что до меня не доносились никакие "шумы"... Но ведь

там должны были находиться... все те, кого я привел сюда... Или, быть может, их уже нет... И я один?..

Я слез вниз и принялся стучать в дверь... Стоило ли сомневаться, что ответом была тишина... Хотя нет; где-то внизу (ну, конечно же, внизу, где же еще, учитывая, где я) мне слышались какие-то звуки... Но звуки какие-то необъяснимо-непонятные; словно кто-то что-то двигал... Двигал что-то тяжелое... Наверняка неподъемное... И это у него не выходило... Но что это могло быть?.. Не знаю, отчего, но сейчас никакое (логически верное) объяснение не шло мне в голову... Мне было необычайно трудно на чем-нибудь сосредоточиться...

"... способны ли вы когда-нибудь сосредоточиться на какой отдельной вещи,-- вернулся я к записям,-- ну, скажем, что даже если вы сделали так...

Когда я начинал, мне казалось, что все вокруг способно прийти в то необходимое (и обязательное, помогающее мне) равнодействие, которое непременно, способно будет вытянуть (так, вероятно, вытягивают кролика за уши из корзины!.. но тогда это фокусники... а кто мы сами?..) то нечто, что из меня *...(перечеркнуто)*... что я, еще доселе, прятал за семью недостоверными печатями; скрывая и думая, что это еще оставалось то, что я могло (по праву,-- так думал я) принадлежать только мне. Глупец! Как же я ошибался?! Возомнив невесть что, я скрывал доселе то, на что никак не мог претендовать; хотя бы потому, что настало (в один момент),-- настало то, что с такой тщательностью скрывалось; скрывалось там, куда не было входа посторонним..."-- я оторвался от записей. Нет, я действительно должен заставить себя отыскать своих друзей. Что с ними? По крайней мере, я чувствовал

какую-то ответственность за них; и, найдя какую-то железную болванку, я принялся, что было силы, стучать в железные врата, так неожиданно сделавшие меня затворником.

... Прошел час. Мое тело налилось той свинцовой усталостью, которую, должно быть, испытывают люди тяжелого труда (испытывают ли?). Прошло еще какое-то время, и я понял, что просто-напросто, меня никто не слышит. По времени, должно быть, уже подходил вечер. Ну, тогда они меня давно хватились и должны искать?! Не может же быть, чтобы мое исчезновение прошло незаметным?.. Я вновь, было, принялся за *свой* "сизифов" труд, но потом понял, что все так и останется. Безрезультатно. Хотя "поражение",- - ведь тоже результат?! Но тогда,-- значит ли это, что не будет положительного результата?..

Я пробовал возобновить крики. Но вскоре... смирился. Ничего не изменилось. Каким-то образом, я остался один...

Глава 3

Гарри Верховски почувствовал, что тот страх, который некогда он так удачно вогнал куда-то внутрь (так что, быть может, и можно было говорить о его полном исчезновении), давно уже выплыл обратно; и теперь (совсем не так, как раньше), он - страх - находился не только *около* Гарри, а Гарри теперь стал ощущать, что все вокруг -- *пропитано* страхом.

Появившееся, было, мимолетное желание увидеть кого-нибудь из тех, с кем он оказался в этом странном доме, исчезло. И теперь, наоборот,-- хотелось быть одному.

Гарри, как мог, закрыл дверь в комнату (замок был давно сломан, но еще можно было подпереть ее какими-то тяжелым предметам; шкафом, например. Кстати,- что в нем? Но в любом случае, он был здесь как нельзя кстати...); окон не было; но, тем не менее, (вероятно, для еще большей надежности), он заполз под единственную кровать.

Однако, уже сидя (или, лучше сказать - полулежа), Гарри ощутил, что в его грудную клетку упирается какой-то предмет. "Похож на железный обод",-- подумал Гарри, проведя по нему руками. И все же, чтобы посмотреть: "что это такое?" (а именно такое желание неожиданно пришло к Гарри),-- ему пришлось вылезти обратно (любопытство сильнее страха?); однако, даже несмотря на то, что кровать не отодвигалась (так было бы побольше света), он заметил, что прямо под ним,-- находится какой-то люк. Подвал? - первая же появившаяся мысль, скорее всего, была ошибочной... Ведь под комнатой Гарри, по его расчетам, должна была находиться (и находилась?) столовая (точнее,- то место, которое *они* отвели для нее). Гарри открыл люк и попробовал, было, прощупать открывшуюся пустоту рукой; потом (не хватило длины) ног; а потом (оставалась еще какая-то подозрительная пустота) Гарри... Он словно решился на что-то. За его первой ногой -- последовала вторая; и вскоре он сам, скрылся в этой неожиданной нише.

На удивление, он там поместился целиком. Правда, совсем не осталось какого лишнего

пространства (так, что только с трудом можно было пошевелить рукой-ногой); но Гарри все равно нашел местечко очень удобным для себя; и, что ему понравилось больше всего, оно было ему "как нельзя кстати". Ведь теперь никто его не найдет! - пронеслась у него мысль. Если он того не захочет,-- разумеется. Но то, что он никого не хотел видеть,-- было так же верно, как и то, что он - Гарри Верховски. Быть может, это и был, то самый "замок из слоновой кости"? На губах Гарри появилась еле заметная улыбка. Он был доволен. Сейчас (в первый раз), все складывается так, как он и хотел. Он был освобожден от ненужных "общений"; объяснений с кем-либо; он вообще оказался освобожденным от всего. И кому-то будет стоить большого труда,-- чтобы переубедить его,-- в этой... *уверенности...*

Глава 4

Дмитрий Ильич Карин совсем не понял, что же произошло. Всего лишь в одночасье то, над чем он ломал голову все это время,-- явилось перед ним "во всей полноте своего величия". Неужели ему, Карину, открылась тайна мира?! Ведь он всегда подозревал, что должна существовать какая-то формула (быть может, это и не должно было - наверное, так? - *выразиться* в какой-то обычной формуле?)... формула, раскрывающая все, ранее недоступные, порядки (цикличность мироздания неоспорима?) мира... Ведь еще очень давно, Карин начал подозревать, что природа вещей взаимосвязана; и, стоит *понять* этот закон, как все другое *откроется* само собой; ведь именно "это",--

объясняет не только поступки да поведение (если это не одно и то же) каждого из окружающих нас людей; но и то, почему выходит *именно так*, а не иначе; да и вообще, характер всего на земле (для знающих этот закон; а таких, кроме себя, Карин пока не встречал) буквально "разложен по полочкам"; и, должно быть, это и есть,--то состояние, когда вы становитесь "повелителем мира". И, конечно же, это совсем не одно и то же,-- если вы просто (что тоже очень непросто) *сможете найти объяснение* многим вещам; потому как, во-первых, "многим", - еще не значит - всем; а, во-вторых,-- находить какое-то *объяснение* - это еще совсем не значит, что на самом деле: знать все о них! И вот именно из-за подобной расплывчатости определения (трудно осязать нематериальную вещь), истина до сих пор ускользала от него. Почти четверть века он шел к своей цели... И даже сейчас (достигнув ее?), Юрин до конца не верил, что это так. Ведь сколько *до него* отдавали "этим исследованиям необъяснимого" куда большие годы (да что годы, не хватало жизни, в том числе и жизни поколений), а никак они не добивались того, (так заставшего его врасплох) "результата", до которого он дошел. И теперь он сможет *властвовать над миром*... Хотя, разве ради этого стремился он к своей цели?.. И его ли это цель - власть?!..

Карин огляделся вокруг. Самодовольная улыбка уже не сходила с его уст. Веселящимися глазами, он смотрел на окружающие его предметы. И не видел их. Разве такие они были до его открытия? Да и иначе, как недавнее открытие, *изменило их*. *Теперь он все будет видеть иначе*...

Глава 5

Роберт Симко понял, что первый раз (столь основательно) "попался на удочку". Еще никогда, его так нелепо не заманивали для участия в столь непонятном (и, по всей видимости, направленном именно против него, хотя, возможно, где-то - в его размышлениях - и ошибка) эксперименте; целью которого... А что являлось его целью?.. Что хотели этим своим "экспериментом",-- добиться те, кто его инсценировал?.. Ну, разумеется, Эрик Каре - лишь прикрытие... Вряд ли сам этот художник - неудачник, (решивший во второй половине жизни стать литератором,-- над чем Роберт Яковлевич - впрочем, про себя - не раз потешался),-- до конца осознавал, в каком жутком эксперименте он предложил всем нам участвовать... И как это еще все согласились?.. Но ладно, все-таки мог согласиться он, Роберт Яковлевич Симко, человек, который по тому, куда бросала его жизнь, казалось, должен был уже пройти (как там,-- и огонь, и воду, и медные трубы?..). Но остальные?.. И что это за старинный дом, который оказался заброшенным, чуть ли, не в центре города?.. И где *тегоре-арендаторы*, которые, якобы, сдали им все это богатство -- в аренду?.. Ведь, если они вполне легко могли пойти на то, чтобы нарушить "условия сделки" (а по этим "условиям",-- как помнил Симко,-- периодическое "появление" тех - было обязательным),--- то что можно ожидать от подобных людишек в дальнейшем?.. И что это за странная компания, которая теперь его окружает?.. Ну, предположим, сам Эрнест Каро - понятно. За те годы, что они знакомы, соответствующий вывод о нем был сделан. Но

Верховски?.. Этот сумасшедший писатель... Или Карин - не менее свихнувшийся философ?.. А Томичев?.. Этот вообще - чистой воды животное... недочеловек... (по которому, определенно, должна плакать вся полиция мира)... Уж сколько Симко перевидал схожих субъектов... Внешне, как вроде бы, сочетание льда с пламенем; а "копни" чуть поглубже - труха трухой... Такие лопаются на первом допросе; а потом становятся в очередь к палачам, чтобы первыми выдать своих "подельников"... Да и остальные-то?! Так, людишки! - Симко неожиданно сел на свой "конек", и теперь уж точно - он это знал,-- никто не останется "без внимания"...

А Рокотов.. Разве таким должен быть музыкант с мировым именем?.. Ведь это вообще *-серая личность... Ничтожество...* Такой же, впрочем, как и Гнесин... Хотя, удивительно, чем-то Самуил, (как, там, его?), Самуил Исмаилович Гнесин -- одно время -- ему даже нравился?! Нет, не так, как этот пацан... (все, должно быть, решили,-- не без удовольствия подумал Симко,-- что в *фаворитах* у него оказался Севостьянов... Этот щеголь...). Нет, первое время Гнесин, даже чем-то действительно стал привлекать Симко... Но, к сожалению, это было только поначалу... Роберт Яковлевич Симко (быть может, даже слишком быстро),-- "раскусил его двойную сущность"... Ничего путного в том никогда не было... Жалкая театральная душонка... Несостоявшийся режиссерик... Почти ничтожество...

И уже через время, в душе Симко -- Гнесин -- вместо симпатии,-- стал вызывать ярко выраженную ненависть...

Это они все меня заманили!.. Ведь это ловушка!.. Но что я теперь здесь делаю?! Я, который смог так быстро во всем разобраться?!.. Симко выбежал в коридор - тот был загадочно пустынным (где все?); но ему все же слышались какие-то голоса, и он инстинктивно стал удаляться в противоположную от них сторону... нет... он не должен никого видеть... ни с кем встречаться... он сам найдет выход... и уйдет из этого лабиринта... он сам, один... никому ничего не скажет... да и зачем кому-то нужно что-то говорить?.. Разве он не обладает правом (кто должен был дать ему его, и кто способен отнять?) самому определять свою жизнь... разве не он (да только и он) одиночный в ней хозяин... ну, тогда он знает, что делает... -- Симко бежал вверх - деревянная лестница (почему он ее раньше не замечал?) была на удивление извилиста, длинна (разве здесь так много этажей?) и, по всей видимости, скоро должна была закончиться... но закончиться чем?.. разве выход может быть вверху (а не внизу?)... хотя, да.. внизу же были они... значит, он окажется сверху, найдет брешь в чердаке (ведь в любых домах бывают чердаки?), выберется на крышу, а потом ведь - и это Симко знал точно - все крыши в центре были соединены друг с другом (потому что дома стояли вплотную?!), и вскоре он, Симко, в общем, способен будет оказаться за несколько кварталов отсюда; и тогда он выйдет на удивление мирно дремавшим жильцам из их подъезда, мол, "здрасьте вам, с кисточкой", "кто же это? Кто?" И станет передразнивать их опустившийся вечер, и он, Роберт Яковлевич Симко, будет уже далеко... Симко выскочил из последнего поворота, ступил на *несуществующую* ступеньку, инстинктивно взмахнул руками, пытаясь ухватиться за *несуществующие* перила внезапно обрушившейся лестничной клетки, и стал

проваливаться в пустоту. Последнее, что он успел подумать - "За что?".

Глава 6

Севостьянов стал осознавать, что по сравнению со всеми этими собравшимися людьми он - настоящее ничтожество... Что из себя он представляет в этой жизни?.. Чего он смог добиться?.. Разве то, что он доселе создавал, не ничтожно?.. Столь ничтожно, что об этом сейчас даже упоминать стыдно... Все это необычайно поверхностно... Все не то... Не такое, как он находил это у других, по-настоящему сильных мастеров прозы... Да и вообще, что об этом можно было сказать... Можно было только подумать: ощущая свое подобно*ничтожество*, он, Игорь Севостьянов, пытался, (когда-то), противопоставлять себя кому-то... Неужели он мог и вправду пытался это делать?.. Что вообще есть "он" и "они"?.. Ну, они-то понятно... Но что из себя представляет он?.. "Проза ни на что не способного невежества",-- припомнил он (при этом, кстати, здорово перефразировав) высказывание о себе в одной их газет. "Подросток с явно выраженными замашками ничтожества",-- а это уже он сам о себе (хотя, вполне может быть, что подобное тоже мог где-то прочесть...)... но даже, сейчас, и не эта,-- внезапно пришедшая на ум Севостьянова "критика",-- вызывала в нем такое отвращение... Прежде всего, вызывал отвращение он сам... Никогда еще ему ничего не удавалось завершить до конца... Все "начинания" его неуспешно (всегда неуспешно) заканчивались... Все, за что он брался,-- было отвратительным по сути... Что он мог противопоставить миру?.. Должен ли он был что-то

ему противопоставлять?.. Вообще-то, в его-то годы, уже пора... "Полное ничтожество",-- в который уж раз, про себя проговорил Севостьянов; и от осознания того (а он неожиданно представил, что *подобное* будет теперь повторяться всякий раз), он быстро снял брючный ремень, перебросил его за как будто бы специально кем-то предназначенный для этого железный штырь (зачем он здесь?), заботливо вбитый в дверной косяк (на уровне двух-двух с половиной метров,-- потолки-то огромные), составил два стула один на другой, забрался на них (как неприятно скользят пальцы о штукатурку стен) и, решив разом прекратить свои страдания, резко выбил стул из-под себя.

Как будто стало легче...

А потом все закончилось. ..

Земное существование Игоря Севостьянова было завершено.

Глава 7

Владислав Рокотов подумал, что сегодня он впервые проснулся в спокойном состоянии духа. Хотя, сон-то, был отвратителен. Какие-то люди в черных плащах почему-то преследовали его (почему? Неужели он мог кому-то мешать?)... Какие-то язвительные старушки, отчего-то попадающиеся ему через каждые (секунды доли секунд?), зубоскалящие с протянутыми руками, и о чем-то вопрошающие его (стоило ему оглянуться, те же самые старушки уже грозили (!) ему клюкой... Какие-то необыкновенно "подтянутые" старики (бывшие военные?) пристально смотрели (ему вслед?)... Да и прочий люд (уже не определенно-

обычного - а *непостижимо-обывательского* - возраста...). И все они чего-то хотели от него (чего?)... Так же как вскоре - все они куда-то исчезли (куда?)... Но ведь он чувствовал - что им всем - было от него что-то нужно... Но что?...

Владислав Рокотов никогда не был обласкан судьбой. Все, чего он добивался (а в сравнении с обычными, "средними ценностями", добился он многого), он добивался исключительно своим трудом. Но его почему-то никто никогда не любил; он чувствовал себя все время каким-то изгоем... Но если так разобраться, Владислав Рокотов никогда и не обращал особого внимания на других... Он знал, что у него существует "свой путь"; и этот *путь*,-- должен был вывести его (одного?) к вершинам того, что называлось (как оно еще должно было называться?) *благополучием*... Но нужно ли было оно ему?.. Стоило ли это хоть малейшего его внимания, его сил, желания, свободы... Свободы... Обладал ли Рокотов когда-нибудь свободой... Да что есть свобода в его понимании?.. Нужна ли она ему?.. Еще как нужна... Только свобода - это то единственное, что еще у него осталось... Только свобода...

Рокотов сегодня действительно проснулся в состоянии какого-то необычайного душевного подъема... Всего лишь в один момент -- ему показалось, что он сможет достигнуть всего, что задумал... Но вот "задумал" ли он что?.. Удивительно, но сегодня у Рокотова не было абсолютно никаких мыслей... Такое случилось с ним впервые...

Он опустил ноги на пол, ощущая под собой шероховатость (свежевыструганных?) досок (раз есть

что-то материальное, значит - он сам существует); быстро (привычней не бывает) оделся, вышел из комнаты, отведенной ему (кем отведенной - сегодня он даже не задумывался) для сна, огляделся... Прислушался... "Удивительное дело,-- подумал Рокотов,-- приближается полдень (долго же я спал!), а не слышно никаких голосов?.. Хотя, вроде, я сегодня уже встречался (и даже разговаривал?) с кем-то?.. Ну, быть может, это относилось еще ко сну?..".

Рокотов спустился вниз; прошел, поочередно заглядывая, во все их прежние (минуло всего несколько дней, а те у них уже были) места сбора... - Никого?! Быть может, все разом "вышли из игры", и уже спокойно разошлись по домам?.. А его забыли (немудрено, когда столько народу!) предупредить?!.. Рокотов остановился. Ему почудилось - удивительно, но сейчас он вряд ли способен ослышаться?! - необычайно легкая и возвышенная музыка, раздающаяся где-то вдалеке... Справа?.. Вдалеке...

В юности Рокотов сам пробовал сочинять. Но ничего подобного (слышимому сейчас),-- у него никогда не получалось... Быть может, он потому и прекратил тогда свои занятия (оставив все же "сочинение музыки" - только для заработка)... Ах, если бы тогда он смог написать что-то подобное?! Эта музыка уже была внутри него. Казалось даже, что это была его, им сочиненная, музыка... Из ненаписанного...

Рокотов, замороженный, стоял, не смея шевельнуться, и вслушивался... в тишину... Действительно, кругом и была тишина... Но что тогда слышалось ему?... Нет, сегодня ему впервые так легко и свободно... Да что там,-- он запросто сейчас все выяснит... Ведь у кого еще, как ни у него, такой

великолепный слух?.. Разве не способен он с подобным слухом уловить даже вздох муравья?.. Конечно, сейчас он во всем разберется... Рокотов впервые был преисполнен какой-то необъяснимой решимости, и уверенно зашагал по коридору, насквозь проходя комнаты... Никаких мыслей у него не было... Голова была на удивление свободна... Тело легко преодолеvalo смехотворные (естественные? Или рукотворные?) преграды... Пока оно не преодолело последнюю... За последней, открытой в его жизни, дверью - никакой комнаты не было. Вернее, была. Одна и большая, берущая начало через два этажа вниз... Бетонный пол которой... (недоделанный ремонт? А, быть может, все рассчитано кем-то преднамеренно?)...

...Он упал с высоты почти девять метров... На его лице навсегда осталось двойная полумаска: задумчивость... и удивление... Но на самом деле, были еще и проблески третьей... озарения... Вероятно, какая-то догадка только-только подступила к нему... Но слишком поздно... Сознание уже покинуло его...

Глава 8

Самуил Исмаилович Гнесин, единственный (из остальных), кто не почувствовал никакого "воздействия" на свою психику (вполне латентное состояние, тем более, что сопровождавшие его по жизни бредовые, навязчивые состояния уже не приносили ему какого бы то ни было дискомфорта; хотя бы потому, что с ними он вполне смирился; что, в принципе, означало то, что Самуил Исмаилович Гнесин не обращал на них никакого внимания).

Гнесин вышел в холл.

Не найдя никого, принялся, было, поначалу разыскивать своих былых товарищей; а потом решил, что негоже ему выдавать так излишне собственную *заинтересованность* в ком либо... А потому решил придумать себе какое-нибудь занятие (на час-два); а уже после,-- и *все остальные* "объявятся"...

Гнесин решил "поподробней", осмотреть особняк. Еще когда он в первый раз переступил порог, ему тотчас захотелось снять в его стенах какой-нибудь фильм. Интерьер, в принципе, соответствовал. И, должно быть, могло получиться что-то такое из мистики... К этому жанру он давно уже приближался... Да и, что говорить, за все время (а уж кто мог посостязаться с его мнением "маститого киноведа"?) существования кинематографа, сам Гнесин *такие* картины, мог перечислить по пальцам... Ну, если брать, конечно, настоящие шедевры... Но разве "не нечто подобное",-- он хотел когда-то создать?... Самуил Исмаилович даже пожалел, что оставил свой блокнот в спальне... Мысли, как нельзя кстати, начинали наслаиваться одна на другую... Где-то неподалеку было и "вдохновение"... Сейчас самое время набросать сценарий... Или взять что-нибудь из классики? - задумался Гнесин. - Да нет, там уже все снято-переснято... Да и он сделает не хуже... Актеров популярных брать не будет... Фильм все-таки должен восприниматься словно с чистого листа... А известные артисты, будут только "отвлекать" зрителя... Кстати, надо бы продолжить недавний разговор с Каро... Тем более, его можно пригласить и как художника, и как литератора... Да и Верховски тоже привлечь... Вообще, если разобраться, их вполне можно использовать и в

качестве актеров... А "недостающих",-- взять из его теперешнего окружения... (Но где они все, кстати?..).

Гнесин решил не терять ни секунды, и *получше обследовать помещение*. Внимание его привлек странный звук. Он прислушался. Как будто кто-то не закрыл кран? Но звук раздавался совсем не с той стороны, где находился санузел? Он шел почти с противоположной стороны. И откуда-то сверху?.. Гнесин быстро взбежал по ступенькам (мимоходом, больше для успокоения совести, все же заглянув в душевые - но все краны были наглухо закручены), попутно отметил про себя, что никого он не видит (где они все? Устроили совещание?), потом в его голове стали зарождаться новые (очередные?) идеи. В итоге, когда прошло всего несколько минут его суматошного бега по лестницам (поиск предполагает такой ритм?), Гнесин внезапно поймал себя на мысли, что он уже и не знает, что (или кого?) ему искать.

-- Главное - не потерять себя,-- философски заметил он, и, по-армейски (с выразительной - талант пропадает! - театральной медлительностью), развернувшись на 180°, направился в свою комнату, впрочем, на ходу меняя решение. И мы уже видели, как Самуил Исмаилович Гнесин входит... Он удивился: а ведь я и впрямь никого не заметил? Неужели они вместе собрались, а про меня забыли?.. Или решили таким незатейливым способом от меня избавиться?.. - Что ж я это раньше не сообразил?.. - хм,-- уголки губ Самуила Исмаиловича вздернулись в снисходительной усмешке... А, собственно, зачем они все мне?.. Нет, не так... Эрнест - это понятно... Душа, переживающая за всех... Томичев - вообще непонятный тип... Что может быть у него общего с Каро?.. Хотя?.. Гнесин

заинтересованно огляделся - где-то поблизости должна находиться комната Верховски?.. По-моему, это она?.. - почти произнес он вслух, приближаясь к одной из дверей, и на долю секунды задумавшись: постучать или войти так?.. Природная вежливость одержала верх. Но... Что если, и на самом деле никого нет?.. Помедлив секунду, Гнесин толкнул дверь... Картина, открывшаяся его взору, поначалу весьма шокировала. Но через всю эту искусственную разруху ("наметанный режиссерский взгляд" отметил какую-то *излишнюю искусственность* "перевернутых стульев, вытряхнутой из шкафа одежды, разбросанных мелочей...". И, заметив явно выделяющуюся на фоне всего этого аккуратно сложенную, лежащую на единственной уцелевшей после разгрома тумбочке, наволочку, все явно сделано рукой одного человека - и, по всей видимости, самого Верховски),-- просматривалось только одно желание "инициатора" подобного "безобразия" - одиночество! Стремление к одиночеству... "Заявка" - на одиночество... Так значит, наш друг Гарри, просто хочет остаться один,-- какой-то язвительный чертик принялся зловредно смеяться внутри Гнесина. - Что ж... Надо ему предоставить такую возможность...

Еще раз охватив взглядом комнату, Гнесин сразу же нашел в интерьере "явное несоответствие" этому всему хаосу; и еще через мгновение,-- он уже заколачивал (спрятанную от посторонних глаз) крышку люка, ведущего в подвал. Кровать для этого ему отодвигать не пришлось.

Задумчиво посмотрев на оставшиеся гвозди (не обратно же их уносить в кладовку), Самуил Исмаилович, "для надежности", заколотил еще и дверь. Потом, достав блокнот, он, быстро накатал несколько

слов... ("решил выйти из игры... не держите зла... когда-нибудь встретимся..."), аккуратно сложил вырванный листок вчетверо и, мгновение помедлив (Упадет? Не упадет?!), прижал его к двери, и вбил сверху гвоздь.

С чувством выполненного долга - Верховски ему никогда не нравился - Самуил Исмаилович отправился на поиски комнаты Томичева.

ГЛАВА 9

"... множащееся безумие, не есть то кажущееся - по увиденной и разгаданной " аккуратно сложил вырванный листок вчетверо и, мгновение помедлив (вложить? Исмаилович для надежности заколотил еще и дверь. нпростоте" - безумие (столь заметное на первый взгляд), и, словно чумовой флаг, *восстававшее* на пути элементарного просвещения; как и не "взаимодополняющие", друг друга, "логические договоренности": необразованность - невежество - страх - сумасшествие; и все "предложенное" нам (или извлеченное из глубин подсознания, что будет, вероятно, точнее),-- по всей видимости,-- способно именно к такому *воздействию* (если, при этом, хоть какое-то *воздействие* способно... (*неразборчиво*)... на инициализацию (...зачеркнуто...)... хотя бы, вследствие перенесенной (*трансформации вытеснения? ...неразборчиво...*)... и, наверняка, являющейся (... вырвано несколько страниц из тетради...)... в какой-то мере это вполне может быть именно так...". (...зачеркнуто...)... (*дальше шло что-то совсем неразборчивое... по крайней мере четкого*

смысла я уловить не мог). Тем не менее я еще какое-то время пытался читать обнаруженные мной записи, тайно надеясь, что какое-то *осмысление*, возможно, придет после... Но с итоге только еще больше запутал сам себя...

...-- Надо что-то делать,-- подумал я.

-- А что, если я устрою пожар?!--пришла мне в голову нелепая мысль.--Тогда сгорят и эти рукописи... Не знаю почему, но мне отчего-то не хотелось, чтобы их смог причитать еще кто-то, кроме меня... А кроме того пожар, смог бы привлечь внимания моих товарищей. И меня бы наконец-то вытащили из этого склепа... склепа... действительно склепа,-- подумал я, ежась от холода... А ведь холода-то, я раньше, вроде как, не замечал... Да и спички у меня всегда были с собой... Вырвать листы из тетради не поднялась рука, поэтому я, раскрыв ее на середине, поджег сразу всю тетрадь. Прожорливый огонек постепенно перерастал в пламя. Значит, скоро наступит мое *освобождение*. Я заранее подошел к двери - скоро станет трудно дышать, а здесь есть хоть какой-то ветерок (щели, все те же щели...)... Мали ли, сколько придется ждать. На миг мелькнула мысль, не утопия ли это? Если окажется, что дым никто не заметит - вдруг все уже давно - ну, или внезапно и недавно - решили выйти из игры, и тогда... -- или заметят поздно... Впрочем, должно быть, уже поздно и об этом думать. Неожиданно я принялся тушить ненасытно сжиравшее все на своем пути пламя, подспудно понимая, что все напрасно. Процесс медленного самоубийства запущен. Тогда я принялся выламывать дверь. Но дуб (а это, по всей видимости, был дуб) еще лет сто назад превратившийся просто в

"материал", должно быть, удивленно (по крайней мере, он это сделал бы, если бы умел удивляться) взирал на беспомощные потуги человека.

-- Помогите! - попробовал, было, закричать я, но неожиданно застеснялся сам себя.

Трагедия у всех интеллигентных людей одна - им даже смерти стыдно сделать "замечание".

Глава 10

-- Мне никогда не было так хорошо,-- Гарри Верховски, скрючившись, полулежал. Признаться, было довольно тесно; быть может даже, необычайно тесно; но ведь никогда ему не было так *безопасно*... В своем *неожиданном пристанище*, он впервые ощущал свою *полную защищенность*... Можно навешать полсотни замков, нанять сотню охранников, но это еще совсем даже не может считаться *защищенностью*. *Защищенность* - это когда наступает чувство внутреннего (прежде всего!) успокоения... Подобное состояние должно быть внутри нас. И, самое главное - появиться внезапно, и как бы... навсегда...

Новое состояние Гарри было столь эйфорическим, что сначала он не заметил, как погрузился в сладостную (дремоту (предвестник вечного сна?))... А потом... потом, над ним - кто-то -- стал заколачивать гвозди. "-- Как в крышку гроба..."-- пронеслось у него в голове. Но это было уже где-то далеко. И даже, как будто, происходило и не с ним.

Глава 11

Карин смотрел в окно. Надо же?.. он на самом деле смотрит в окно?.. А ведь там, должно быть, проходит жизнь... Хотя, и как она может проходить там... если он... здесь?! Но тогда выходит, что вся жизнь должна приходить только именно здесь?.. Опять в голове какой-то абсурд?! - Карин нервно провел по длинным (когда успели отрасти?) волосам, заодно и приглаживая ниспадающую челку. Что-то изменилось... определенно, что-то изменилось... Карин хотел, было, (по привычке), сосредоточиться, но внезапно подумал - зачем? Разве стоит теперь пытаться играть, кривляться, приспособливаться... Жизнь теперь ясна и вся, словно на ладони... На чьей ладони? - (в усмешке) скривилось, было, второе "Я". - Да это и неважно, - философски заметил. Карин. Спорить с самим собой (эти споры долгое время были главным, а, быть может, и основным, что он мог себе позволить; тем более, что спорить с кем-то другим -- он не мог) теперь было не нужно. Да к чему теперь вообще было что-то делать?.. Все внезапно стало понятно... главное -- *понятна* жизнь (до мельчайших подробностей, до нитевидных красок и загогулинок)... А, раз так - зачем и дальше *напрягаться*?!

Глава 12

Наконец Гнесин нашел то, что искал. Вероятно, внутри него все же сидел какой-то древний инстинкт (инстинкт охотника?), и именно он *заставил* Самуила Исмаиловича замедлить шаги, а, дойдя до "цели" (если

рассматривать, что пока что целью была дверь Томичева),-- "прислушаться". Но он ничего не слышал. Ничего, кроме храпа. Причем, этот самый храп, был настолько (по-своему, конечно) *красив*, что Гнесин даже невольно заслушался. - Единственное пока, что можно предположить,-- сказал сам себе Самуил Исмаилович,-- такой храп свойственен только внутренне умиротворенным людям. (И, вероятно, психически здоровым,-- почему-то пришло ему в голову). А это значит одно: у Романа Борисовича Томичева не было никаких проблем. Хотя... (было видно - Гнесин явно входил в роль), если проблем не существует, их следует создать!..

На самом деле в голове Гнесина не было никаких идей по поводу того, как он будет "создавать" эти "проблемы". Но, наверняка, он бы что-то и придумал, если бы... Если бы не учуял, Самуил Исмаилович, какого-то странного запаха... И почти тут же,-- он заметил клубившийся, с находившейся рядом лестницей, дым.

Глава 13

В мою комнату и Гнесин, и Томичев вбежали почти что сразу.

-- Что тут...,-- было?-- в один голос вскричали они (картина "разгулявшегося" пожара во всей красе), однако, буквально натолкнувшись на мое тело (находясь в сознании, я как-то странно "отключился": глаза открыты, а сам - ну, не сказать, чтоб где-то "в другом месте", но и "не здесь"... где-то "сверху"... Хотя, быть может, то был и не я...), они, быстро подхватив меня (с трудом,-- хотя мне казалось,-- что мое тело

должно быть воздушным),-- внесли сначала в коридор, а после,-- и в парадный холл первого этажа.

...-- Надо же... как-то кому сообщить?-- неуверенно произнес Гнесин, и тут же вспомнил о находившемся в "заточении" Верховски.

-- Да какой там, -- махнул рукой Томичев, устремляясь к лестнице.

-- Сейчас он все потушит,-- промелькнувшая в голове Гнесина мысль, тут же его успокоила; и на фоне начинавшегося расслабления (... как нельзя кстати...) пришла другая - а не сделать ли мне искусственное дыхание?

К счастью, мои, по-прежнему открытые, глаза, вероятно, его смутили.

А сверху уже раздавались глухие удары: Томичев, вероятно, решил "забить" огонь.

-- Однозначно, надо спасти Верховски,-- все же решил Гнесин, и, вскочив, побежал в известную ему комнату...

ГЛАВА 14

-- Значит, ситуация на самом деле сложилась критическая,-- подвел я итог собранию, постаравшись задержать взгляд на каждом (...Томичев, Гнесин, Верховски, Карин...) из собравшихся.

-- Вы не совсем верно ставите вопрос,-- бесцеремонно вмешался в разговор Некто. - На каждом из вас лежит ответственность за случившееся; и мы хотим, чтобы вы сами избрали человека, который понесет основную ответственность.

Мы переглянулись.

-- Не значит ли это..., -- начал было, Гнесин, но смутился, увидев направленную на него руку Некто (с открытой ладонью, словно -- быть может, это она и должна была означать - повелевающую ему замолчать).

-- А если кому-то, до сих пор, не совсем все понятно,-- размеренно (и словно бы чуть вздохнув) начал Некто... (...Некто был предводитель той братии, которая появилась не знаю, откуда, но как-то быстро оказалась сразу везде; создавалось впечатление, что эти люди,-- в наглухо застегнутых пальто, из под которых виднелись аккуратно - и у всех одинаковые! - галстуки,- - находились во всех углах; двое-трое стояли на ступеньках; остальные располагались -- такими же -- группками в холле; особенно много, их отчего-то оказалось рядом со своим "предводителем", которого мы сразу негласно окрестили "Некто" (глупо было давать какое-то имя не представившемуся нам человеку), и который имел весьма характерную незапоминающуюся внешность).

-- Если мы, предположим, не выберем,-- осторожно начал я, глядя в сторону Некто,-- что дальше?

В зале пронесся легкий гомон недовольства. Видно было, что еще доселе никто не решался задавать подобных вопросов.

-- Если в течение минуты вы никого не выберете,-- выступил вперед помощник Некто (то, что он был помощником, почему-то угадывалось сразу),-- мы решим кого-то взять сами.

Мы даже не решались совещаться. Все было слишком необычно для начала какого-то обсуждения.

-- Слушай, ты! - выкрикнул Томичев, и в долю секунды оказался возле Некто. Но того (вовремя?) заслонили телохранители, и после небольшой потасовки (совсем нельзя было разглядеть, кто бьет? Кого бьют?) они расступились. На полу лежал Томичев. Было сразу заметно, что он был без сознания.

-- Электрошок действует незначительное время, - видя нашу обеспокоенность, пояснил сам Некто. - Вашего приятеля мы заберем с собой. Считайте, что он вышел из игры. Однако, не хотелось бы, чтобы было что-то подобное в будущем. *Непредвиденность* нам ни к чему. Некто пристально посмотрел сначала на меня, а потом на Гнесина, Карина и Верховски.

-- Поэтому за оставшиеся тридцать секунд (он характерным жестом взмахнул рукой, переведя взгляд на часы),-- от вас должен быть еще один человек. Он пойдет с нами. Сейчас.

Мы боялись пошевелиться. Какие бы то ни было просьбы, были неуместны. Методы противника, загадочного по своей сути, были такими же, как и он сам.

-- Пойду я,-- неожиданно вызвался Верховски, сделав шаг вперед и, обернувшись к нам, словно прощаясь.

-- Нас это устраивает,-- быстро согласился Некто, и тотчас же Верховски окружили с десяток молодых людей, словно вылупившихся из одной яйцеклетки, и не успели мы опомниться, как остались одни.

-- Что это было? - первым пришел в себя Гнесин.

-- Я считаю, типичное завершение всего нашего проекта,-- философски, и каким-то спокойно-отвлеченным тоном, произнес Карин

-- Да что ты такое говоришь! - вскипел, было, Гнесин.

-- Подождите,-- поднял я обе руки, прося внимания. - Нам надо разобраться, что происходит... прежде всего...-- я внимательно обвел глазами насупившихся (и недобро поглядывавших друг на друга) недавних товарищей. - Мы должны действительно признать, что,-- и от этого мне вдвойне обидно, как его инициатору,-- наш "проект" *не удался*. Но мне отчего-то кажется, что так просто нам его завершить никто не даст...

-- Остается - у них попросить,-- саркастически хмыкнув, не сводя недружелюбного взгляда с Карина, произнес Гнесин.

В наступившем молчании никто не решался произнести первое слово.

-- Вы -- как хотите, но у меня совсем иное предназначение в этой жизни,-- первым нарушил тишину Карин

-- Тогда, с вашего позволения, я тоже удаляюсь, - тотчас же ответил Гнесин, взглянув при этом на меня.

-- По всей видимости, сейчас не время ссориться,-- желая хоть как-то снять напряжение, ответил я.

Однако, словно повинуюсь каким-то (пожалуй, известным только им, инстинктам), и Карин, и Гнесин медленно пошли, каждый в свою сторону.

Я остался один.

-- Преимущество больших площадей таково, что в них можно потеряться,-- отчего-то подумал я.

Какая-то неведомая сила тянула меня наверх, в "моим" тетрадам.

"Итог вторжения иных людей, может нести в себе необратимые последствия,-- уже вскоре прочитал я. При это я удивился, увидев эту тетрадь сверху. Тогда как хорошо помнил, что раньше (она единственная, которая была отличного, от других, цвета) видел ее где-то внизу. - Для нас он закончился катастрофой,-- продолжил я чтение.-- Но, вероятно, подобное ждет и вас. Каждый хочет, чтобы играли по его правилам. И устанавливать эти самые правила - по мнению этих людей - исключительная прерогатива именно их...." - мое чтение прервал какой-то страшный шум, раздавшийся внизу. Когда я выскочил из комнаты, на то место, где я стоял, тотчас же обрушился потолок. Я, было, метнулся к еще видневшемуся столу - отчего-то хотелось уберечь тетради. Но сверху раздался характерный треск рушившегося здания, и я успел только выскочить в коридор. Вся комната (почти на метр) оказалась под обломками.

Однако, мне не было пути и вниз. Лестница оказалась разрушена, и я удивленно задал себе вопрос - на чем она еще держится? Тотчас же, словно кто-то решил довести разрушение здания до конца, я почувствовал, как стал проваливаться куда-то вниз, словно внезапно оборвались тросы еще недавно поднимавшего вас лифта.

Дальше я стал погружаться в бездну.

Глава 15

Карин почувствовал, что только что он совершил очередное открытие. Открытие, еще на одну ступеньку приблизившее его к пониманию мира. И этот мир -- со всеми своими законами, тайнами, свершениями... -- медленно стал раскрываться перед ним, и теперь был понятен так, словно лежал у него на ладони.

-- Надо было сразу порвать с этой братией,-- с сожалением подумал он. Ничего путного они ему дать не могли. Только наоборот - сдерживали. Общение с "ограниченными людьми",-- делает и самого таким же "ограниченным".

Глава 16

-- Вы понимаете, -- замялся, было, один из двух представителей Некто, присланный тем к нам; но так как ни Карина, ни Гнесина я уже не видел несколько дней, то теперь перед ними стоял я один. - Наш "хозяин" ("Некто"),--не уполномочивал нас договариваться о встрече с ним.

-- Да, но кто, как не он мне, сможет объяснить, что происходит?! - я решил держаться до последнего.

-- Через нас, -- ответил, раздумывая, один из представителей.

- Дело в том, что мы на самом деле не должны вам всего рассказывать, -- вмешался в разговор "другой". -- Тем более, на основе того, что вы уже знаете, возможно сделать какой-то вывод.

-- Но мне же ничего не понятно, -- не унимался я.

-- Значит, должны ограничиться тем, что уже вам известно, -- недружелюбно посмотрев на меня, заметил тот.

-- Мы представляем серьезную организацию, -- решил, видимо, все же пояснить мне хоть что-нибудь, "первый". - Во главе нее стоят очень влиятельные люди. И один из них (почему-то - ведь такое, как мне известно, не принято) -- решил предстать перед вами. ("Некто",-- пронеслось у меня в голове). И вот теперь вы хотите встретиться с ним еще раз...

Это было сказано столь проникновенно, что мне стало даже как-то неловко. По крайней мере, я решил для себя - пусть будет то, что будет. Форсировать события не стану.

-- Но скажите хоть, для чего мы им нужны? - не удержался я, чтобы не задать, быть может, последний вопрос. (Посыльные стали проявлять слишком выраженное недовольство, и надеяться на ответ я не мог).

-- Все дело в том, что именно Вы ("первый" -- столь внимательно посмотрел на меня,-- что у меня не осталось сомнений: ни Карина, ни Гнесина, они отчего-то в расчет не берут) стали нам интересны.

-- После того, как решили показать свою независимость от мира, -- решил "пооткровенничать" и второй. -- Кстати, если вам интересно, то можем сообщить, что те двое ваших знакомых, которые так неожиданно удалились (Карин и Гнесин,-- понял я), -- уже с нами.

-- Зачем они вам нужны, -- не удержался я от вопроса. Он был задан столь неожиданно (в том числе и для меня самого), что "представители" смутились.

-- Пусть это останется одной из наших тайн, -- наконец-то нашелся один из них. -- А теперь собирайтесь. Вы отправляетесь тоже с нами.

-- А что будет с домом? - отчего-то (неужели мне это было в тот момент интересно?) спросил я.

-- Он подлежит дальнейшему немедленному уничтожению, -- ответили в один голос "представители".

-- Как и все, кто там находится, -- заметил один из них...

ЧАСТЬ 3

ГЛАВА 1

Кому-то покажется странным, но ситуация, в которой я оказался, немного мне даже нравилась. Хотя, по части непредсказуемости ей нельзя было найти равных. Жил я теперь (ну, пока правильнее сказать -- находился), так вот, находился я в каком-то неизвестном (ну, конечно же, неизвестном), то ли бункере, то ли подвале; в общем, в каком-то подземелье. Местом для сна -- была какая-то ниша в стене; пища подавалась в эту же каморку, где я постоянно и находился.

Первые несколько дней меня никто некуда не вызывал; а вскоре я уже и не верил, что когда-нибудь смогу предстать на каком-то "допросе".

Ни о ком из бывших друзей -- я больше ничего не слышал. Но, судя по организации тех, в чьей власти я находился, мои товарищи, могли быть где-то рядом. По крайней мере,-- в масштабах этой самой организации.

Пока меня никто не беспокоил. Если бы не регулярно, три раза в день, выставляемая передо мной еда,-- я бы решил что и забыли о моем существовании.

Отчего же я мог быть "благодарен"?..

Да только лишь оттого - что меня (впервые за последние годы) оставили наедине со своими мыслями. И пока я еще не сошел с ума от подобного "одиночества",-- я как мог наслаждался "моментом"...

...Что есть теперешнее мое состояние? В отдельные мгновения у меня даже появляются сомнения -- а появятся ли еще раз передо мной те, во власти которых я столь внезапно оказался? Но как бы то ни было, сейчас я могу действительно не отвлекаться (в своих размышлениях) на "периодически возникающие" в обычной жизни дела... Дела, отчего-то всегда требующие немедленного решения...

Мне, в какой-то мере, даже не надо заботиться о завтрашнем дне (хотя, и каждый день почему-то кажется единственным, и возникает справедливый вопрос: а наступит ли завтра?). И быть может впервые ощутить: как это прекрасно, когда вас никто не беспокоит?!..

В какой-то момент у меня даже возникла мысль: а не предназначено ли мне подобное,-- для переосмысления каких-то жизненных ценностей?.. Не есть ли это всего лишь некий срез, позволяющий,

способствующий, моему дальнейшему максимальному внутреннему развитию?..

Но проходило какое-то время, и предыдущие мысли уже казались мне абсурдом...

По всей видимости, все теперешние размышления, переживания, внутренние терзания,-- касались лишь одного: я не мог разобраться, почему я находился здесь? И, по всей видимости, это довлекло надо мной с силой, вызывающей -- а, быть может, так оно и было -- возникновение тех бредовых домыслов, во власти которых я какое-то время находился.

ГЛАВА 2

В один из дней (по времени это, по всей видимости, было раннее утро; хотя это лишь предположение -- окон по известной причине -- не было, а на улицу выход был "заказан"), я увидел Верховски.

Гарри являл удивительно цветущую картину. Создавалось (абсурдное?) впечатление, что ему здесь "нравилось".

Как позже выяснилось, это было действительно так. После того, как Гарри узнал, что его не будут беспокоить -- как говорится: никто и никогда -- то он пришел в такое внутреннее умиротворение, что он тотчас же с легкостью принял все остальные условия: оставаться жить "под охраной", пресекавшей любые попытки контакта его с кем бы то ни было (чего, замечу, подсознательно он всегда и добивался).

А что в ответ?.. Что было нужно *им*?.. Честно сказать,-- я не знал. Не знал в отношении Гарри. Так же как и не знал в отношении себя. И лишь только догадывался, что "какая-то выгода" быть должна. Но в чем она заключалась?...

Что до меня, то нельзя сказать, что мне не очень-то нравилось *затворничество*. Но,-- и это в какой-то мере являлось для меня новостью, -- я не очень-то и *противился* ему. По всей видимости, в какие-то моменты жизни, каждому человеку бывает необходимо побыть одному; так сказать, наедине со своими мыслями. И как раз такой "период" - переживал сейчас я...

Глава 3

Верховски лежал с открытыми глазами. Темнота, всегда вызывавшая в нем первые признаки страха, теперь была "как нельзя кстати".

Действительно, все удивительным и непредсказуемым образом изменилось. В какой-то момент он даже осознал, что, по всей видимости, только сейчас был наедине с собой. К тому же, ему совсем не надо было заботиться о насущных проблемах, думать о завтрашнем дне, да и, казалось ему, вообще теперь не надо было думать ни о чем. Все то время, которое он был помещен в это непонятное учреждение, с еле-еле круглосуточно горящими лампочками, регулярным питанием, сном в любое время суток, совсем необязательными прогулками, от которых он, воспользовавшись ими пару раз, вскоре отказался вовсе, отсутствием необходимости общения с кем бы то ни

было... Если не думать о том, что он здесь находился не по своей воле,-- это могло бы казаться самым оптимальным из того, чего можно было желать...

И, удивительное дело, почти впервые исчезли все *симптомы* страха... Правда, какое-то время оставался еще один -- опасность ожидания наступления чего-то такого, от чего не найти спасения... Но вскоре (из-за невозможности, более-менее, его осознавать), -- прошел и он. А пришедшую (всего единожды) мысль,-- он тут же нещадно прогнал. Нет... нет, он не опасался этого "амебного" состояния,-- как, было, пыталось "донести" до него -- его "Я". Более того: такое *состояние*,-- ему даже нравилось. По крайней мере, подобно*госпокойствию* -- Гарри действительно давно не ощущал... Ни раньше... Да, впрочем, никогда раньше...

Глава 4

-- Значит, Вы на самом деле уверены, что являетесь неким сверхчеловеком? -- даже не загадочно (как он не раз смотрел на него, удивляясь чему-то про себя), а, скорее, просто в очередной раз констатируя уже известный факт, спросил Карина Некто.

-- К чему говорить о том, что известно, -- ничуть не смутился Дмитрий Ильич.

-- И Вам нравится Ваше теперешнее состояние?

-- Да, -- искренне признался Карин.-- Мне даже остается сожалеть, что оно не наступило раньше,-- заметил он.

-- Хорошо. Тогда Вам, вероятно, хочется побыть одному. Мы вполне сможем предоставить такую возможность. В обмен на ваше слово -- постоянно находиться с нами,-- внимательно посмотрел на него Некто.

-- Но ведь это... слишком кабальные условия, -- усомнился Карин -- К тому же, дай я такое согласие сейчас, насколько не могу быть уверен, что у меня не появится другого желания, скажем... ну, скажем, через какое-то время, -- чуть смутившись, произнес он.

Было заметно, что на его маленьком худощавом лице отражается какая-то мучительная борьба. Быть может, он начинал корить себя за то, что позволил усомниться в словах своего собеседника. Ведь, по большому счету, выбора ему никто не давал. И не принесет ли это каких-то, уж слишком *отрицательных*, последствий?

Но, на его удивление, Некто лишь молча (не выражая никаких эмоций) продолжал рассматривать его своим "немигающим" взглядом, потом снял очки, протер глаза, водрузил очки снова на прежнее место, и встал из-за стола.

Ростом Некто значительно превосходил маленького Карина. Судя по возрасту, было Некто, лет 55-57; был он широк в плечах, (но насколько не грузен), имел квадратную челюсть, прямой нос, жесткий взгляд. Правда, в иные минуты этот самый взгляд *разглаживался*, и тогда, вроде как, и уменьшался подбородок, да и вообще лицо начинало казаться добродушным. Но это случалось лишь на мгновения. Звали Некто... Впрочем, пока еще об этом рано (да и нужно ли?). И пусть для наших героев он побудет пока тем именем, которое -- с легкой подачи Каро -- они ему дали в самом начале.

-- На сегодня наша встреча закончена, -- сказал Некто. -- Но нам, должно быть, следует встретиться еще. Когда это будет -- сейчас не спрашивайте. Вас известят.

-- Хорошо, -- еле слышно произнес Карин. -- Но могу я хотя бы поинтересоваться, что за организацию вы представляете? И почему я нахожусь здесь?

-- Кроме вас у нас находятся и некоторые ваши знакомые, -- ответил Некто. -- Что касается первых двух вопросов -- скажу одно: на наш взгляд, то "состояние", в котором Вы находитесь, -- не позволяет нам в дальнейшем оставлять Вас там, где Вы находились доселе.

-- И у вас есть на это полномочия? -- вырвалось у Карина. Однако, ответа он не услышал. На миг его глаза словно застлала какая-то пелена, а потом (очнувшись?), Карин уже был один.

-- ... Что все это могло означать? -- думал Карин. -- Тот мир, мой внутренний мир, который в какое-то время стал не только внешним, но и основным, единственным. Этот мир на какое-то мгновение потребовал серьезной (и внушительной) корректировки. Но означает ли это, что, -- то, что было раньше (а ведь именно при прежнем состоянии я, вроде как, без особых затруднений мог оценивать -- и все-таки, надеюсь, адекватно -- окружающий мир), -- сейчас абсолютно *ничтожно*. Причем настолько, что действительно стоит пересмотреть все свои позиции... Или не все?.. Кстати, мне бы сейчас хотелось узнать о своей *адекватности происходящему*. Насколько это так. Ведь наверняка может случиться так, что, -- то, что я думаю сейчас, совсем даже "не главное", "не

актуальное", да и вообще... "неадекватное" (на самом деле) *происходящему?*.. И окружающий мир, развивается вообще в другой -- теперь незаметной мне -- плоскости... Да еще вполне может статься, что подобное такому состоянию,-- присутствует у меня не только сейчас... Ну, то есть, началось давно... А это уже означает только одно -- следует (в таком случае действительно придется предпринимать подобные меры) подвергать серьезнейшему анализу уже произошедшее... Но и в этом случае, надеяться на то, что удастся как-то *скрыть, заретушировать* следы уже *свершившегося* -- надеяться не приходится... Но и существовать с этим -- не менее серьезная (если вообще на этот момент не самая главная, основная) опасность. А значит, по крайней мере, требуются хоть какие-то изменения.

И как раз для этого,-- желательно получить (как можно более "правдивую") картину. И действительно: какая-то "абстракция" сейчас "не пройдет".

-- Но вот смогу ли я и на самом деле,-- как-то приблизиться... к реальности?.. Да и кто мне в этом поможет?!.. -- Дмитрий Ильич Карин, впервые за последнее время задумался о *безысходности происходящего*. И он "по новой", "тасовал" все известные ему факты, (пытаясь максимально разгадать их взаимосвязь в отношении друг с другом), отбрасывая *ничтожное*, совсем не заслуживающее внимания, или же наоборот, предпринимая, по возможности, такую комбинаторную политику, от которой, впрочем, почти сразу же должен был отказаться: эксперимент грозил быть не слишком "чистым", а, значит, полученные в результате оного -- независимо, какие бы "обнадеживающие" результаты не получились,-- вряд ли могли дать полноценную

картину. А, раз так, то и сам эксперимент напрасный, и время, потраченное на него, безвозвратно потеряно.

И, несмотря на вырисовывающуюся в голове Карина некую пессимистическую картину, он, тем не менее, был нацелен на позитивное разрешение конфликта. (О том, чтобы разложить -- царившую в его голове сумятицу,-- уже даже и не мечтал; хотя совсем отвергать подобное -- не хотел; должно быть, надеясь, что еще все образуется).

Проблема Карина, на самом деле не была такой уж не решаемой. По крайней мере, раз он еще способен был что-то осознавать -- дело могло разрешиться... Но был большой вопрос - хотел ли он этого?!

Глава 5

Пожалуй, в первые за все последние годы, Гарри Верховски мог позволить себе -- совсем не вставать с постели. Но если поначалу, он этому даже обрадовался, - сейчас *подобное* начинало вызывать в его душе какое-то уж слишком гнетущее чувство (исходящее из вполне справедливого опасения -- а что, если так будет всегда?)... И ведь,-- как ни крути,-- Верховски осознавал, что в конечном итоге, как бы сейчас ему не было "хорошо",-- все это было только временно... И неужели,-- именно к этому он всю жизнь и стремился?..

И уже с каждым новым днем Гарри ожидал, что ситуация может вызвать необратимые изменения (в его сознании)... Неся с собой такие *последствия*,-- о которых он даже боялся и думать...

Верховски неподвижно лежал на кушетке. Вернее, то,-- на чем он лежал,-- подобным словом он окрестил сам. Что касается того, на что оно было больше похоже?.. Ну, скажем, на некий *лежак*, или циновку, брошенную на бетонный отвес в стене?.. Иак почему бы это не назвать и кушеткой?.. Ему просто уже было "все равно"...

Он давно он потерял счет времени... И это,-- с недавних пор,-- ему было не нужно.

Все необходимое для жизни - пища и книги (по составленному им списку),-- подавалось в срок.

Его никто не беспокоил. И в подобном ("ниспосланном с небес?") состоянии,-- он мог находиться вечно... Если бы... Если бы (когда-то возникшая, а потом, вроде как, и исчезнувшая) тревога, -- с каждым прожитым в неволе днем возрастающая чуть ли не в геометрической прогрессии,-- не начала его беспокоить настолько, что ни о чем другом - он уже думать и не мог

-- Странно, -- весьма удивился Некто, когда ему передали просьбу Гарри "отпустить его". Причем, Некто, действительно, настолько был удивлен, - - что решил самолично переговорить с человеком, который еще недавно был "со всем согласен".

-- Неужели Вы хотите обратно вернуться в тот ад, что Вас окружал? -- изумленно посмотрев на Верховски, поинтересовался Некто.

-- Ну, быть может, он и не было таким уж адом, - - опустив глаза вниз, пробормотал Гарри.

-- Вы пытаетесь обмануть сами себя? -- загадочно посмотрел на него Некто. -- Или уже забыли, как жили? Разве Вам не хватает нашей охраны? Ведь при столь серьезном отношении к службе (которую Вы

можете наблюдать у нас),-- наши люди никогда не пропустят *постороннего*. И, как Вы видите, к Вам вообще никого не пускают... Хотя, можете быть уверены,-- желающих -- хоть отбавляй... Но мы же понимаем ваше "состояние"... Хотя, если Вы, наоборот, соизволите общаться -- в наших силах и такое организовать. Согласны?! Или возьмете время подумать?

-- Подождите, подождите, -- попросил Гарри. --- Вы даже не даете мне время опомниться. Такие решения действительно не принимают спешно. И, если Вы действительно, не настаиваете...

-- Да что там, -- махнул рукой Некто. (Он знал, как нужно *работать* с людьми, подобными Верховски. Поэтому вся, предварительно выстроенная, "модель беседы",-- такая, какой ее выстроил Верховски,-- разрушилась словно карточный домик). -- Если угодно - - вернемся к нашему разговору завтра,-- посмотрел на него Некто.

-- Завтра..., -- несколько задумчиво произнес Гарри. -- Хотя, пожалуй, да,-- согласился он. -- Если угодно -- завтра... Но, знаете, что я подумал? -- Немного, словно спохватившись, произнес он. -- Я могу Вам поведать то, чего мне на самом деле хочется?.. Это же не до конца вступит в противоречие с заведенными Вами правилами?.. Ведь возможна же некая парадигма действий?

Некто удивленно взглянул на него.

-- Я бы хотел, -- Гарри Верховски мечтательно закатил глаза, -- гарантии абсолютной неприкосновенности и, чтобы "не беспокоили" меня, как говорится, вообще! Всю свою жизнь -- справедливее сказать,-- последние годы, -- я отдал на то, чтобы разобраться в себе... Понимаете, -- с начинавшей

исходить из каждого его слова *откровенностью*, продолжил Гарри. -- Я, пожалуй, сейчас волен рассматривать все, произошедшее со мной, как некий анахронизм. Как оказалось, все же приемлемый мной, -- поспешил добавить он, видя задумчиво-обеспокоенное лицо своего собеседника. -- И я подумал, что уже если так произошло, то пусть все это время -- будет отдано моему желанию *максимально разобратся в самом себе...* Вы ведь не против? -- спросил Гарри, постаравшись придать своему лицу дополнительное мучительное выражение (выражение мучительного раздумья?),

-- Я думаю, ваши условия несколько не противоречат тому, чего хотим от Вас мы, -- ответил Некто.

-- Тогда, не могли бы Вы распорядиться, чтобы меня перевели куда-нибудь поближе к книгам, -- обратился с просьбой Гарри. -- Знаете, одно дело заказывать их по памяти, и совсем другое -- брать с полок самому.

Некто удивленно вскинул брови. Видно было, что доселе никто с подобной просьбой к нему не обращался. -- Хорошо, -- наконец-то произнес он. -- Я отдам распоряжение приготовить Вам комнату около библиотеки. Но в таком случае, Вы должны помнить, что никуда, помимо этой комнаты, Вы проходить не должны.

-- Я согласен, -- не в силах сдержать начавшие захлестывать его эмоции, выпалил Гарри. -- В ответ я готов принять любые ваши условия.

Пожав руки, мужчины вернулись каждый к своим делам. Верховски предался мечтательным (и теперь уже предсказуемо приятным) размышлениям. Он

верил, что, всецело углубившись в художественную литературу, психологию, философию, психиатрию и тот же фрейдовский психоанализ, (быть может потребуются еще кое-какие дополнительные дисциплины "для ознакомления"),-- он наконец-то сможет "разобраться в себе", и хоть как-то остановит тот неизбежный негативный процесс, который происходил с его сознанием (все чаще в последнее время вытесняемым подсознанием, а ведь когда-нибудь -- и это главное чего он опасался -- сознание,-- *назад*,-- может и не вернуться?!).

Некто -- Герман Робертович Тул (наверное, пришло время назвать все своими именами),-- прошел в свой личный кабинет -- кабинет директора Научно-исследовательского института (и, по совместительству, главного врача медицинского центра -- и НИИ и центр, занимались изучением проблем того, что в переводе с латыни зовется душой). Теперь у него, как никогда, было много работы.

Глава 6

Я начинал понимать, что так просто никто не позволит мне выйти из рамок проводимого со мной эксперимента. (В том, что тот, как говорится, имел место быть,-- в последнее время я уже не сомневался. Проведенный анализ на основе элементарного сопоставления фактов свидетельствовал как раз об этом). И все же я понимал, что мне не следовало уж слишком сильно всему противиться. Ведь, в первую очередь, необходимо было разобраться в самом себе. И

до сих пор все попытки "подобного", лишь наоборот - меня удаляли... Значит, нахождение в подобных стенах я мог рассматривать: как возможность оказания помощи. Помощи,-- самому себе? И как ни откращивался я доселе от этого,-- это, скорее всего, было именно так. (А, быть может, я понимал,-- что самому мне не справиться?).

Глава 7

-- Я согласен говорить откровенно, -- были мои первые слова (в один из дней), когда мне позволили остаться наедине с Тулом (то, что Некто наконец-то материализовался в конкретном лице, должно быть, в очередной раз подтвердило мои предположения).

-- Признаться, другого от Вас я и не ожидал, -- добродушно ответил Герман Робертович, и в последующую пару часов он сидел, почти не шевелясь, словно опасаясь каким-нибудь произвольным жестом потревожить мои *откровения*.

Потом пришел черед говорить ему. На подготовленные вопросы он ответил точно так же,-- не таясь, и нисколько не опасаясь что его слова: могут быть "неверно истолкованными" (в каком-нибудь одном, из своих, уже совершенных, поступках, извлеченных из его памяти).

И окончательную ясность я получил именно после того, как начал говорить сам Тул. Говорил он долго, медленно, обстоятельно, словно сам,-- получая удовольствие от слов,-- и щедро делясь этим удовольствием. И стоило ему только начать говорить, как я уже полностью находился в его власти...

-- Ваша единственная опасность, преследовавшая и преследующая Вас, -- это сойти с ума,-- осторожно заметил он.-- Хотя, если честно, Вы уже находитесь в легкой степени помешательства. Но, как ни странно, именно это служит неким щитом (препятствием), предохраняющим Вас от дальнейшего ухудшения в изменении состояния. Все дело в том, что, будучи от природы человеком достаточно импульсивным (быть может, позволительно сказать -- и нервным, горячим), Вы все свое внимание стали уделять тому, чтобы сдерживать подобные эмоции. И, как ни странно, это Вам удалось. Однако, взамен природа потребовала какого-то *замещения*. Как раз этим и объясняется ваш ежедневный, порой балансирующий на грани безумия, всплеск внутренней энергии. И вполне понятно, что вы его проецируете на творчество. Ваш литературный успех -- тому пример... Впрочем, надо научиться расслабляться и другим способом... Хотя и понятно, что для Вас это весьма и весьма сложно. Ведь Вы должны ежедневно "накачивать" ваш мозг огромным потоком информации. И стоит Вам лишь на миг оставить это занятие, тотчас же подступают все признаки депрессивных, навязчивых состояний и следующие за ними суицидальные...

-- Ну, о самоубийстве мы никогда не говорили, -
- усомнился я, с трудом успевая за мыслями Тула...

В какой-то момент до меня наконец-то дошло все то положение, в котором я очутился. Ведь что должно произойти, чтобы меня отпустили... Этот самый Тул, воспользовавшись, уж не знаю какой, информацией, а, быть может, он ее собирал не один год (ну, или сколько там?), получил необходимые для него сведения обо мне, а вместе со мной -- и о моих друзьях.

Каким-то образом он исподволь (ведь до известных событий в том доме, о существовании Тула никто из нас не догадывался), заставил, ну или, быть может, все же уместнее слово -- способствовал тому, чтобы все, известные ему, "лица" -- оказались в одном месте. Да еще и в рамках какой-то немислимой программы - инициированной, кстати, мной.

И, по всей видимости, уже начиная с наших первых злоключений, и запустился чудовищный (где-то рядом мысль -- научный, но дай науку в руки злодею - пусти и гениальному злодею -- и получится... вот как раз получится то, что получилось) эксперимент этого самого Германа Робертовича Тула (известного нам доселе под именем Некто

Итак, возникает справедливый вопрос -- что дальше? Тул, по всей видимости, понял, что я обо всем догадался (хотя, это, по всей видимости, еще один -- очередной -- штришок эксперимента: кто из нас догадался первым), а значит... значит.... ну, что значит-то? -- события за эти дни оказались для меня не легки. Вот и психика не выдерживает. Неумение, ну, или невозможность, сосредоточиться -- одно из подтверждений этому..

-- Любопытно, насколько адекватно оценивает ситуацию Карин, -- от чего-то подумал я. -- Ведь для него,-- как ни для кого другого,-- подобные эксперименты могут и не пройти даром?!.. И, что еще более вероятно, -- грустно вздохнул я, -- все подобное запланировано, спрогнозировано и ожидаемо... И даже понятно, кем, -- усмехнулся я.

-- С кем ты тут разговариваешь? -- вздрогнув и инстинктивно обернувшись, я, уж право, совсем не ожидая,-- увидел перед собой Гнесина.

-- Ты откуда здесь?! -- вырвалось у меня. Тотчас же вслед заданному вопросу, откуда-то изнутри вырвалось *содрогание* (которое я поспешил скрыть от Самуила Исмаиловича): не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы заметить, что все произошедшее совсем не пошло на пользу моему товарищу. Невероятно ссутуленный, с какими-то обвисшими щеками, потускневшим взглядом -- так, что трудно было даже уловить, куда он смотрит, невероятно обросший -- его смолянисто-пепельные волосы, борода и усы, казалось, совсем забыли прикосновение каких-нибудь бритвенных предметов, Гнесин казался намного старше своих лет. А ведь по возрасту (ну, пусть, на пару лет), но он был даже младше меня. Теперь передо мной стоял шестидесятилетний старик.

Самуил Исмаилович молча смотрел на меня.

Тут только я заметил стоявших рядом с ним двух молодых людей. Вероятно, следуя своим инструкциям -- в результате которых они до сих пор не проронили ни слова -- один из этих людей открыл решетчатую дверь, ведущую в мою каморку, и слегка подтолкнул Гнесина, приглашая -- таким вот незатейливым образом -- пройти вовнутрь.

-- До особых распоряжений, -- произнес другой (и то, как я заметил, с большой неохотой -- по всей видимости, молчание было здесь в особом почтении), закрывая дверь за вошедшим Гнесиным.

-- Ну, как ты, -- еще не оправившись от полученного удивления, спросил я, но только успел подхватить упавшего в мои объятия Самуила. Нисколько не сдерживаясь, тот принялся рыдать, а когда первый порыв прошел, он еще долго тихо поскуливал, уткнувшись в мою грудь.

-- Ну, полно тебе, -- гладил я его по голове. Моя голова начала работать на предельных оборотах. Я принялся искать выход из сложившейся ситуации.

Глава 8

В один из дней Карин понял, что перестал воспринимать реальность. Вернее, нет, сначала он почувствовал, как, словно бы почва начинает уходить из-под ног. Все, виденное им: глухая стена камеры, возле которой находился лежак, точно такие же стены по бокам, еще одна -- перед ним, одна -- шагах в десяти, другая -- чуть больше, массивная железная дверь -- между теми стенами, что впереди,-- все это словно начинало перемещаться в пространстве. Пока только по кругу, так что он попеременно оказывался то около двери, то около различных стен. И это притом, что сам он оставался сидящим на своем лежаке. Внезапно начинали неметь свесившиеся ноги. Потом он вновь ощутил их. Та же история повторилась и с руками. Но и это еще было не все. Вернее даже, это все было абсолютной ерундой в сравнении с тем, что начинало происходить с его головой. Вернее -- внутри нее.

Началось все с мучительнейшей боли. Так, словно кто-то зажал его голову между известным слесарным инструментом и начал закручивать тиски. Когда ощущения достигли максимума, и казалось, что голова в висках треснет как арбуз, боль резко переместилась в затылочную часть. Но теперь в нее словно забивали (медленно, равномерно и безжалостно) тупой, стальной, длинный предмет. Тогда Карин,

обхватив голову руками (словно пытаюсь спасти ее от невидимого "нападавшего"), принялся кататься сначала по нарам, а потом и по бетонному полу. Боль затихла, наполнив его голову навулканизированными пузырьками уходящего сознания, которые, вскоре лопнув -- быть может, и не могло быть иначе -- теперь дали его голове ощущение заполнившего ее тумана, окутав пеленой сознание, наложив табу на мысли, заблокировав любые желания. Однако, прежде, чем это произошло, Карин почувствовал, что боль сначала переместилась в лобную часть; а потом вдруг, что-то лопнуло, рассыпавшись обжигающе-колюще-тыкающими осколками внутри головы, которые потом превратились в уже описанные пузырьки и все то, что дальше.

И вот как раз после того, как уже закончилась это его последняя боль, и Карин, наконец-то, смог открыть глаза, очнувшись где-то *подвцементированным* в стену умывальником, Дмитрий Ильич почувствовал... нет, он ощутил... увидел он, что все окружающие предметы стали *другими*. Бетонные стены уже не были такими (вернее, быть может, и были, но ведь этого он уже не видел), а стояли, сплошь увитые плющом, розами, да и кучей остальных, в большинстве своим экзотических цветов, так, что, прежде тоскливо белый цвет стен -- теперь скрывался за зелено-синекрасно-оранжево-фиолетовыми и желтыми, желтыми, желтыми... оттенками цвета...

Решетка теперь казалась совсем даже не такой как прежде,-- вернее, она была уже не ржаво-мрачная и железная,-- а ковано-чугунно-расписная... И если внимательно приглядеться, то можно было различить

какие-нибудь искусные фигурки, словно бы даже запечатленные на ней...

Но и это было еще не все. Ну, понятно, что внутренние покои камеры -- то, что еще недавно было уныло-мрачным интерьером -- теперь виделось совсем в других цветах и, вроде как, в ином убранстве. И все же это было действительно *ничто* перед восприятием того места, где находился Карин. А казалось ему -- вот оно, искаженно проецируемое сознание -- что был Дмитрий Ильич в своем родовом замке (ведь вспомним,-- всегда считал он,-- что происходит из какого-то старинного рода; но доселе,-- в той жизни,-- ведь вынужден был скрывать это; но вот теперь все вернулось на свой *истинный путь*); и находился Карин -- не "где-нибудь"... А именно в том "имении", что принадлежало ему по праву (и теперь было возвращено?).

Скажем сразу, что поначалу никто и не заметил *происходящего* с Кариным.

На изредка задаваемые вопросы,-- он отвечал односложно; несколько от них не уклоняясь от них (подспудно понимая, что стоит вызвать "подозрение" - и "вопросов" будет несравненно больше), да и по возможности стремясь удовлетворить любое "любопытство".

Ну, а так как от прогулок Дмитрий Ильич отказался еще раньше, то какой-либо (допустимо-необходимый) "контакт" с ним, был, как бы, уже ограничен изначально.

Конечно же, если бы с Кариным решил "поговорить" лично Тул,-- то он бы моментально определил *двойственность* положения "пациента". Но у Германа Робертовича Тула, на днях должна была

состояться защита докторской диссертации (к прежней, по медицине, прибавлялась -- по психологии). Так что, Тулу -- было не до него...

Что же до самого Карина, то в случающиеся у него еще поначалу *проблески* возвращения *сознания* (которые тогда еще действительно случались; хотя уже и грозили прекратиться, превратившись в единый поток бессознательного),-- он вроде как и успевал догадываться,-- что происходит "что-то не то"; но потом, когда новая *действительность* захлестывала его без остатка,-- он уже совсем ничего не замечал, и лишь только в каких-то отдаленных (ставшими в одночасье *потаенными*) "уголках памяти",-- хранил воспоминание о том, что, на самом деле, оказывается, бывает еще что-то и другое... Но вот "что"? -- вспомнить уже не мог ...

Глава 9

Я начал сомневаться, что существующая доселе -- пока еще в моем, все анализирующем сознании - реальность, на самом деле является той *истиной*, которая одна только и может быть.

Не сказать, что я начинал чувствовать что-то другое. Хотя, если подойти к рассмотрению этого -- нового для меня -- *осознавания действительности* в каком-то ином ключе,-- то она, эта самая действительность, станет удивительным образом иной; и истинные механизмы того, другого, (что заложено в подсознании, и что с таким, иной раз, трудом -

извлекается "на поверхность") покажутся на самом деле совсем иными, нежели чем они на самом деле, казались доселе.

То, что я находился в том месте, где я оказался сейчас,-- казалось мне неким результатом моего прошлого. Но могло ли это означать,-- что я уже не собирался ни кого (в *произошедшем*) винить, а готов был, просто-напросто, смириться?..

И да, и нет... Дело в том, что то, что я оказался, как говорится, "здесь и сейчас",-- по всей видимости действительно, есть некий конечный результат, сублимирующий то, чего (при каких-то иных обстоятельствах) могло и не быть. Но если все-таки было,-- то итог мог быть печален...

Удивительно, но я впервые (только что!) поймал себя на мысли, что совсем не предпринимаю никаких попыток: хоть как-то изменить свое положение?! И это при том, что положение мое, по всей видимости (осознаю ли я это до конца?!) действительно ужасно. По крайней мере, ему действительно не позавидуешь... (Неужели,-- найдя такую уменьшительную форму *осознавания реальности*,-- означает, что я до конца еще не вижу того *негативного*, что таит в себе окутавшая меня *реальность*? А то и *смирился* с ней?.. Но я ведь не смирился! Нет, нет, или?..).

Интересно еще и то, что я не решил: стоит ли мне вообще как-то действовать?! Стоит ли пытаться предпринимать какие-то попытки - разрешить, окутавшие меня *противоречия*?.. А, если и так?.. Неужели если это действительно так, то я совсем не способен как-то бороться?.. И что на самом деле может означать лишь два, видимых мне сейчас, варианта: или я окончательно со всем смирился и борьба уже

невозможна в принципе? Или же я -- просто-напросто (и это настолько ужасно, что не хочется верить),-- не способен вообще *реагировать на происходящее?*.. Что возможно только в одном случае: от невозможности адекватно оценивать обрушившиеся на меня жизненные обстоятельства... То есть, другими словами,-- от неспособности осознавать действительности...

Вот он -- парадокс!

Где я был еще десять лет назад?! Ну, или хотя бы пять?! Да, быть может, если бы у меня в запасе было всего несколько лет,-- то мне хватило бы предпринять какие-то шаги, не допустить начала того сумасшествия, во власти которого я теперь (сейчас!) находился...

А что есть то, что сейчас есть?.. Не есть ли это то самое страшное, что вообще может произойти с человеком? Когда осознаешь -- пока еще осознаешь -- что сознание уходит куда-то (и, быть может, уходит безвозвратно), а ты не в силах воспрепятствовать ему; и даже в те моменты, когда пытаешься сделать хоть что-то, что, на самом деле, уже сделать и не можешь.

Итог моей жизни, возможно, весьма незамысловат. Хотя бы потому, что я сам его предрешу, закончив существующий прежде суматошный бег одним единственным -- осознаваемым мною теперь -- способом. Однако, это же совсем не значит, что у меня возникают какие-то "суицидные" попытки. Совсем нет. И все же это означает лишь одно -- как только я почувствую, что реальное осознание действительности начинает от меня ускользать,-- я воспользуюсь единственно *допустимым* для меня способом. Вот и все!

Глава 10

Гарри Верховски, с недавних пор, стал уже как вроде,-- и не Гарри Верховски?.. Но в какой-то мере, он, конечно, был еще Гарри... И, вроде как, Верховски... Хотя уже и сам - быть уверенным в том, что это именно так - не мог. Хотя он пока еще был Гарри Верховски. Но - только лишь "пока". Потому как... Потому как, осталось совсем немного времени, как с помощью "любезно согласившегося" Тула, он, Гарри Верховски, мужчина,-- должен стать, уже совсем и не Гарри... А, скажем,-- какой-нибудь... Кэтрин (чем не имя, наиболее подходящее ему теперь?)... И пусть даже Кэтрин -- Верховски... Но Кэтрин - все же значит... женщина!

Уже несколько дней Верховски ходил в приподнятом настроении. Совсем недавно Верховски осознал (а все произошло не только спонтанно, но чем больше он принимался ругать себя за подобные мысли, тем крепче они привязывались к нему) *нечто*,-- что - доселе - ему как раз и не хватало. Верховски решил изменить пол. Стать женщиной. Ну, или, "почти" *женщиной*...

И когда эта мысль окутала его сознание (смирившееся с извлеченным из подсознания бессознательным), и он уже не только "принял ее", -- но уже и считал, что это должно быть *именно так*,-- Гарри "поделился" своей просьбой - с Тулом. И Тул (что в какой-то мере для Гарри было неожиданно),-- "любезно согласился"!

Радости Гарри,-- не было границ! Ведь в самое ближайшее время - внешность Гарри должна была преобразиться. То есть,-- лицо и вся верхняя часть -- выше пояса -- должна была стать... как у женщины...

Ягодицы и бедра тоже -- "по женскому типу"... А вот то, что спереди... вот как раз это должно было остаться нетронутым. Ну, быть может, с небольшим "хирургическим вмешательством" (вживлением); после которого, как говорится,-- "стоять должен был всегда".

Изменение пола -- а его видимое изменение вполне соответствовало этому -- вероятно, должно было нести в себе и изменение психики. Причем,-- значительно расширялись границы его "новых возможностей". Вернее, пожалуй, могли... полностью измениться. И теперь Гарри, вернее, Кэтрин, или нет,-- пока ведь Гарри еще не стал Кэтрин; хотя уже и не был Гарри... В общем, теперь Верховски понимал, что то, от чего он раньше скрывался, подавляя -- зачастую, неосознанно -- это в себе,-- теперь об этом можно было не только говорить открыто, но и... И даже думать,-- он теперь может... не с совсем *привычных* позиций... И подчиняясь своему новому "внутреннему содержанию",-- мог, наконец то, стать более *естественным* - чем то было раньше...

Конечно, можно сказать, что если внутри,-- Гарри ощущал себя совсем даже не мужчиной (ну, скажем, не на все "сто"; ведь только теперь он понял, что, пожалуй, как раз "внутренне" -- он был всегда больше "близок" к женщине),-- то стоило ли тогда затевать все эти *превращения*? Но ведь,-- с другой стороны,-- это был больше *поверхностный* взгляд. А данную проблему, необходимо рассматривать намного глубже. Ведь многое, очень многое, Верховски был вынужден... обходить стороной... И была это еще до сей поры оправданная мера, потому как, если бы он позволил себе сосредоточиться на неких

своих *внутренних... несоответствиях*,-- то неминуемо бы последовал бы "разлад"... И, прежде всего, в роли "обвиняющей стороны" -- выступило бы его внешнее *несоответствие* внутреннему "Я"... И, случись такое,-- еще неизвестно до чего могло бы все дойти?.. Как минимум,-- до возникновения какой психической травмы... И это еще не самое страшное. Результатом вообще могла быть потеря своего "Я". А тогда...

В общем, пока -- Верховски -- находился в своеобразной *выжидательной позиции*... Причем, в его душе действительно наступило некое, ну, наверное, *внутреннее успокоение*... И что удивительно -- он пока даже сам себе боялся в этом признаться... Хотя, вероятнее всего, подобные страхи выступали в сравнительно "подстраховочной" роли...

Ну, как бы то ни было, Верховски выжидал. И, по всей видимости, у него были на то серьезные основания.

Глава 11

"... Неоценимой степенью свободы может являться лишь то бессознательное, что живет в каждом из нас. Насколько, правда, мы способны к компромиссу; способны, смирившись с ним,-- позволить своему сознанию ослабить, и порой -- значительно, то свое (быть может, несогласное прежде) *индивидуальное восприятие прошлого* (а, быть может, и будущего, вытягивающего за собой прошлое), дабы находиться с ним в том неизменном консенсусе (предусматривает ли

взаимное согласие и взаимную же радость от осознания оного?!), в котором, вероятно, мы и останемся еще долго теперь пребывать? Но что, в таком случае,-- или, скажем иначе -- возможно ли в этом случае -- чтобы было оно намного справедливее своего будущего собрата (известного уже в настоящем)?!..",-- у меня закончился стержень, и я, пока его менял, задумался. Который уж раз (находясь здесь), у меня возникала "потребность" писать... И не время сейчас выискивать причину того. Хотя и стоило признать, что, вероятно, "толчком" к тому,-- послужили тетради (записи в них), виденные мною в особняке. И сначала несколько ночей подряд они мне снились; и содержимое их захлестывало меня, вынуждая к неожиданному погружению (в теперь *осознанное*) содержание чьего-то бессознательного... К которому наверняка примешивалось и мое... А потом в моей голове вдруг стали проступать буквы, складываемые - в последующем -- в слова, и вырисовывавшиеся уже вскоре - в некий единый текст... Так что мне оставалось только -- "попросить" перо да бумагу, да наблюдать за тем, как рождаются строчки... Новые строчки, служащие продолжением предыдущих... Служащие "продолжением" текста, прочитанного мною в -- наверняка сгоревших после того пожара -- тетрадях...

Да мне ведь и не приходится теперь сочинять что-то новое... А все это,-- служит неким любопытным *продолжением*,-- уже существующего,-- повествования... Повествования, начатого не известно кем, потому как я понимал, что если раньше и возникало в моей голове некое абсурдное желание узнать первоисточник, то теперь (и образцы безвозвратно потеряны, и желание уже не то) я уже не стремлюсь к этому.

"Спросите меня,-- к чему я теперь стремлюсь? На каком-то этапе колеса своей жизни (ведь разве не похожа наша жизнь на колесо с ее неминуемыми повторениями и всевозможными закономерностями?!), я почувствовал достаточно сильную усталость (не от этой ли самой жизни?), которая среди запрещенного прошлого (из-за которого многое безвозвратно утеряно) буквально вытаскила меня на некую грань (уходящего? или будущего?)...

И в этой совершенно новой круговерти -- заставила крутиться с такой новой силой, которую я и не подозревал в себе раньше...

А что же, спрашивается, мне было делать? Разве кто-то предложил другой выбор? Да и возможен ли вообще хоть какой выбор в моей печальной ситуации? Ситуации, вероятно, все же запрограммированной (когда? кем?) и, вполне вероятно, что все, что происходит ныне, лишь результат -- быть может, и нежелательный результат -- нашего земного существования...

А знаете ли вы, как я хотел сейчас вырваться из стягивающих меня жестких тисков? Догадывается ли кто, что они нисколько не дают мне всех тех возможностей, на которые я вынужден уже и не рассчитывать, и которые все же могут еще оставаться некой недосыгаемой величиной, к которой я все равно буду (неизменно) стремиться. А иначе... Да, и не может быть, (не должно!), иначе... Ведь если исчезнет когда даже эта *иллюзорная возможность*, то будет означать все это лишь одно -- что и я уже не существую. А так -- какая-то надежда..."-- я оторвался от записей, хотел,

было, пробежать их глазами (одна из преследовавших меня привычек), но потом подумал, что не стоит. Ведь не всегда сразу можно понять, что написал раньше. В любом случае, те *потоки бессознательного*, которые я изливал на бумагу (и что до того, по всей видимости, я и видел в уже известных тетрадах),-- могут быть вполне осознанными лишь через определенное время; да и то, при наличии нескольких обязательных *соответствий*, одними из которых является настроение (ведь в течение суток оно у нас меняется), или встреченные в течение дня люди (неприятный осадок от некоторых встреч, бывает, сохраняется надолго, вытесняя из сознания многие положительные эмоции); или же, несколько остальных причин, которые, в зависимости от сложившихся ситуаций, могут быть и "главными", и "второстепенными".

Как бы то ни было, мне нисколько не хотелось бы, чтобы ситуация в какой-то момент начала выходить из-под контроля. А мне кажется, что через какой-то период времени, возможно,-- что это будет именно так.

"Вполне возможен, конечно, и другой исход. Но настолько, насколько он предполагается, настолько же (пока еще возможно в равных долях) "допустим" и отрицательный исход. Да и результат, в таком случае, может зависеть совсем не известно, от каких причин. По крайней мере, от меня -- не зависящих..."-- я дописал последние строчки, и в который уж раз задумался о действительном (и вполне вероятном) наступлении тех неприятных последствий, которых пытался доселе избежать. Конечно, пока еще вполне возможно, что я начинаю несколько утрировать ситуацию; и на самом деле *ничего такого* не произойдет. Но ведь вполне возможно, что это и будет именно так. То есть я,--

рассматриваю самый худший (из возможных) вариант. А он столь нежелателен...

-- Я могу у Вас просить позволения покинуть ваше заведение? -- наконец-то я набрался смелости, чтобы задать мучивший меня вопрос Тулу.

-- Мы создали для Вас невыносимые условия? -- ответил вопросом на вопрос Герман Робертович.

-- Вероятно, нет, -- уклончиво ответил я. -- И все же я склоняюсь к мысли, что эти условия для меня неприемлемы, -- решил я на ответ.

Тул выжидающе посмотрел на меня так, словно он был ученый-энтомолог и рассматривал редкий экземпляр попавшей в сети бабочки. По крайней мере, мы все здесь были сродни бесправным букашкам. И, быть может, нас так же собираются изучать. А, скорее, и изучают уже. Ну, скажем, наше поведение в новых (для себя) условиях.

-- Я могу надеяться на выполнение того, что я прошу? -- решил я нарушить я вынужденное молчание. Но ничего не изменилось. Тул, по-прежнему, "заинтересованно" изучал меня. А я -- я нервничал, и смотрел на него.

-- Нет, -- коротко ответил Тул.

-- Значит ли это, что вопрос не будет решен ни при каких условиях? -- решил я "так просто" не сдаваться. По крайней мере, хотя бы узнать о перспективах своего положения. Ведь, чем больше человек говорит, -- тем более вероятность, что он -- о чем-нибудь таком - обмолвится, и, тем самым, приблизит меня хоть к какой-нибудь *разгадке*.

На что я еще мог надеяться? Это был хоть какой-никакой, но шанс.

Однако, Тул уже не произнес ни слова. Да и глупо было с моей стороны -- надеяться на что-то еще... И это при том, что пока еще оставалась какая-то неизвестность. Неизвестность, которая еще позволяла хоть что-то - "истолковывать" -- "в свою пользу". (Хотя практика показывала, что любой ответ -- не есть *истина в последней инстанции*. И если человек сказал "нет",-- это совсем не значит,-- что он уже не скажет "да". Быть может, даже наоборот. Человек по природе слаб, и вполне могут создаться некие условия -- быть может, даже вызванные искусственно -- которые будут *способствовать обстоятельствам*, в которых как раз человек и сможет переменить свои убеждения. И зачастую именно так и выходит).

Глава 12

К своим почти шестидесяти годам, Герман Робертович Тул, казалось, добился всего, что планировал, поступая сразу после окончания школы в медицинский институт. Однако, помимо докторских и академических степеней, множества, написанных по медицинской тематике,-- книг, брошюр, справочников и монографий,-- было еще одно, которым Герман Робертович мог гордиться по праву. И сейчас, расположившись в удобном кожаном кресле в своем собственном кабинете директора Научно-исследовательского института и, по совместительству,-- директора медицинской клиники - Герман Робертович, с самодовольной улыбкой и полузакрытыми глазами, откинулся на спинку, в который уж раз мысленно

прокручивая этапы своего пути. Уже много раз это спасало его от хандры, которая в последнее время пыталась все чаще и чаще "заявить" о себе. Вот и сейчас, прошло всего несколько минут, и скованное, было, выражение лицо Тула - разгладилось; а еще через мгновение -- все симптомы начинавшейся было мигрени прошли, и Герман Робертович тут же, отчего то, вспомнил "о просьбе" Каро.

Если разобраться, поначалу Тул даже был рад *приобретению* "столь ценных" пациентов. Ведь к своим исследованиям Герман Робертович всегда старался привлекать интеллектуально развитых людей. С ними интересней работать. Ну а то, что у них находилось какое-нибудь отклонение психического характера -- так это только доказывало правило, в свое время выведенное самим Германом Робертовичем: чем больше человек интеллектуально развит, тем больше появляется у него шанс получить какое-нибудь, (пусть даже весьма *легкое*, и на первых стадиях даже *незначительное*), заболевание, подпадающее под специфику -- любимой для Тула области медицины -- психиатрии. Именно поэтому, когда "в руки" Германа Робертовича попали: Каро, Верховски, Карин, Гнесин и Томичев,-- он несколько дней торжествовал победу, закрывшись в своем кабинете и за -- уже традиционном в таких случаях - коньяком, тщательнейшим образом изучал "личное дело" каждого; "личное дело", в которое, впрочем, помимо прочего,-- входили и ксерокопии медицинских карт их родителей, бабушек, дедушек и даже,-- если удавалось,-- приплюсовывались родственники с приставкой "пра-".

К подобным "странностям" своего шефа, сотрудники привыкли; поэтому обычно на эти

несколько дней -- а такое случалось с неизменной частотой, стоило к ним попасть какому-нибудь "крупному зверю" -- у них выпадало, в некотором роде, *свободное время*.

Однако, когда *эти дни* проходили,-- Тул буквально вылетал из кабинета; и тогда в каждый рабочий час -- вмещалось три...

-- Какое ваше мнение о наших новых пациентах?
-- поинтересовался Тул у вызванного в кабинет помощника, который должен был лично курировать наблюдение за нашими недавними героями.

-- Вызывает опасение только... -- помощник быстро опустил глаза в блокнот... -- Томичев. Абсолютно не реагирует ни на какие наши требования... Ну, в общем, этот больной принадлежит к тому типу, который ничем, кроме агрессивного поведения,-- и не характеризуется---

-- Надеюсь,-- Вы понимаете, для чего я его взял, -- перебил помощника Тул.

Тот кивнул головой.

-- Все правильно,-- улыбнулся Тул. -- Так вот, для этого самого "баланса" мы и должны его использовать.

-- С интеллектуальной точки зрения, Томичев не представляет никакого интереса, -- пустил вход "тяжелую артиллерию" (ему как никому, были известны "критерии отбора", введенные шефом) помощник, который здорово намучился с Томичевым за время того пребывания. -- Но, я решил дать ему шанс, и отдал распоряжение создать некие специфические лабораторные условия---

-- Цель? -- моментально среагировал Тул.

-- Максимальное выявление всех тайных пороков и желаний...

-- И каковы результаты? -- вскинув брови, прищурил один глаз Тул, уставясь на помощника.

-- Продолжительность эксперимента пока еще незначительна. Я думаю, о результатах можно будет говорить не раньше---

-- Хорошо, - кивнув головой, согласился Тул. -- Если через две недели его подсознание не вылезет наизнанку, -- Герман Робертович внимательно посмотрел на помощника. -- Можете от него избавиться.

--Спасибо, -- удовлетворенно заулыбался помощник.

-- Что по остальным? -- придав своей внешности обычный, быть может, даже излишне серьезный вид (во время слишком долгих, то есть, затянувшихся, бесед, лицо Тула заметно разглаживалось. В его глазах появлялась *человечность*, от которой он почему-то всегда хотел избавиться при общении с подчиненными; да и вообще с кем-либо; а уголки губ, порой еле заметно начинали подрагивать в легких усмешках...

Но подобное случалось столь эпизодически, что, исчезнув Тул сейчас, и наверняка в памяти он остался бы исключительно как жесткий, решительный руководитель... Которому чужды любые жизненные радости ...Герман Робертович Тул. Человек... Да и человек ли?..

-- Самое удивительное -- с Верховски, -- самодовольно улыбнулся помощник.-- Нащупанная мною, "линия поведения" с ним, как Вы уже знаете, дала совсем неожиданные результаты.

-- Изменилась психика? -- уточнил Тул.

Помощник согласно кивнул головой.

-- Что касается Карина,-- результат, в некотором роде, ожидаемый, но все же тоже неожиданный. Я имею ввиду, по срокам достижения, -- посмотрел на Тула помощник и, видя, что тот внимательно слушает, продолжил.-- Однако, если подобное состояние не изменится в сторону улучшения в течение недели, считаю оправданным применение медикаментозного вмешательства, -- ища одобрения, помощник попытался поймать взгляд шефа.

-- На "химию" я добро не даю, -- как бы между делом, заметил Тул. -- Попробуйте задействовать возможность психотерапии. Можете использовать любую методику.

-- Хорошо, -- кивнул головой помощник, что-то помечая у себя в блокноте. -- Дать с ним поработать Роллеру?

-- ...Да, -- чуть задумавшись, ответил Тул. -- Пожалуй, он пока лучший из наших специалистов.

-- По поводу Гнесина. -- Помощник слегка скривился, словно упоминание этого имени приносило ему какую-то боль. -- Эксперимент закончился довольно неожиданным результатом. Причем, он достигнут -- задолго до предполагаемого даже первоначального срока. И, что удивительно, сам результат получился иной.

-- Я это предполагал, -- проявил поразительную осведомленность и демонстрируя чудеса прозорливости Тул. -- Оказался не в нашей компетенции?

-- Да, -- несколько удивленно вынужден был признаться помощник. -- И при этом---

-- Слабый и жалкий человек, -- перебивая, продолжил за него Тул.

-- Да, -- опять удивленно согласился помощник.

-- Ну, почти именно это, я и предполагал с самого начала, -- все так же задумчиво, и смотря куда-то в сторону, кивнул головой Герман Робертович. -- А что Вы думаете по поводу Каро?

-- Перестал идти на какой бы то ни было контакт,-- тяжело вздохнув, ответил помощник.

-- Вернее, вы перестали его "просчитывать", -- заметил Тул.

-- Да, -- признался помощник. -- Я попробовал, было, взять ситуацию под личный контроль... Но без результатов.

-- Вы хотели сказать -- без *положительных* результатов, -- уточнил Тул, внимательно посмотрев на помощника.

Тот опустил глаза.

-- То есть, хотите сказать, что у нас нет ни одного человека, который бы смог "переиграть" этого Каро? -- Герман Робертович по-прежнему просверливал взглядом помощника.

-- Это под силу только Вам, -- ответил тот.

-- Хорошо, я поработаю с ним сам,-- неожиданно быстро согласился Тул.

Отдав еще какие-то распоряжения, Герман Робертович отпустил помощника, заперев за ним дверь. Впервые за долгое время он почувствовал неожиданно обрушившуюся на него усталость.

-- Надо когда-нибудь и отдохнуть,-- через время подумал он, впадая в кокаиновый сон.

Глава 13

Я понимал, что в первую очередь следует "успокоить" мысли (именно из-за них, - внешне, быть может, и державшийся "спокойно" к окружающим,-- внутренне я сотрясался от мучивших меня противоречий). Но где был тот "истинный" *выход из тупика*, к которому -- я это чувствовал всей уходящей от меня энергией -- я все ближе и ближе приближался. Со временем, клубок накапливаемых проблем прямо-таки вынуждал меня (хотя бы искусственно) *заставить* себя "успокоиться". В ином случае, это могло грозить возможностью стать пожизненным пациентом Тула (который с недавнего времени -- попросил вставлять перед его именем,-- слово: "доктор"). А если не смогу выбраться отсюда (причем, "моя вера" ослабевает с каждым прожитым днем), то вполне может так случиться, что вынужден буду обратиться... обратиться "за помощью" к самому Тулу... (Все таки я понимал, что, если отбросить всю его "страшную сущность": расчетливость, приемлемость любых методов для достижения целей, запрограммированность на одному ему известный результат -- что, в конечном итоге -- приводит к достижению положительного исхода в любом, где фигурирует его участие, деле,-- вполне можно было говорить и об "искусстве" доктора Тула -- как врача--психиатра и психотерапевта). Да я давно уже чувствовал на себе - исходившую от него энергетику.

Словно в подтверждение (моего невеселого представления о будущем?), я внезапно ощутил чудовищной силы глухой, с перезвонами и эпизодической болью, удар, который зигзагообразно прошел внутри моей головы, и затрудняюсь судить, вышел ли окончательно или остался в ней, но для меня уже ясно было одно: что не пройдет все это совсем уже

бесследно; и словно в подтверждение,-- начались такие жуткие головные боли, что только (пришедшая мне на помощь) сила воли да характер,-- помогли мне не скрючиться от боли, не кататься - в столах --по полу, не биться -- а ведь очень хотелось -- головой об стены, не исходить истошным криком, не умолять и не звать никого на помощь... Да я не мог допустить этого еще и потому, что почти тотчас же все станет понятно доктору Тулу. Донесут, конечно же донесут ему,-- его верные помощники... А бы тот час же потерял - сохраняемую мной - *независимость*...

И уже потому - никак не выразил внешне, не показал то, что на самом деле происходило у меня внутри... И лишь только медленно переступал по камере... И каждый шаг - отдавался еще большей болью... (По новым правилам,-- лежак, "заботливая" администрация, приказывала убирать на день; а сидеть - тем более лежать, что в моем состоянии было бы "самое то", -- не дозволялось. Быть может, таким образом они стремились создать в нас какое-то дополнительное "напряжение"? Ведь "дополнительная усталость", от нахождения все время "на ногах" могла мешать "сосредоточиться". А значит и "отвлечь" от нежелательных - для администрации - мыслей...).

И все же для меня, страшнее всего было даже не это. Ну, боль, ну "да",-- боль... Но ведь постепенно привыкаешь к любой боли... Притом, совсем нельзя было сказать, что подобная - моей - боль, была постоянна... Нет. Она начиналась эпизодически, вспыхивала, пронеслась в зигзагообразных (а порой, и прямолинейных) "танцах" внутри головы (выделявая непостижимые для меня трюки и эквилибристические этюды), а потом и уходила так же внезапно, неожиданно и, уж действительно, совсем не прогнозируемо (уходу

предшествовали почти каждый раз новые причины, так что "цепочку закономерности" просчитать было невозможно. Ну, по крайней мере, пока она не поддавалась никаким логическим умозаключениям). Да и к такому, действительно, со временем можно было привыкнуть... А вот то, что мое сознание (все чаще и чаще) начинало растворяться в бессознательном?.. И в иные мгновения, я достаточно серьезно начинал опасаться: вернется ли прежний "баланс"? Потому как... Потому как,-- через какое-то время (после начала странной и загадочной игры, а быть может *договоренности*),-- я начинал ощущать, что нахожусь во власти бессознательного; и если бы я не был стеснен четырьмя стенами камеры,-- то совсем неизвестно было бы - к чему все это приведет... Но я понимал... Я лучше чем кто-либо понимал, что стоит за дело взяться доктору Тулу (когда он направит "в дело" все свои знания, помноженные на жизненный опыт), то не останется для него *ужегадки*; а мне... А мне придется -- ну, если не смириться - то (хотя бы в душе): признать *свое положение*...

А что тогда?.. Ну, а тогда, должно быть, я вынужден буду навсегда распрощаться *с идеями* о возвращении в обычную жизнь...

Я ощущал мучительную боль внутренних *терзаний*, разрывавших меня *противоречий*, душевных *несоответствий*... Когда не знаешь, в чем истинная "согласованность" между моим -- на миг потерявшимся - "Я",-- и внешним миром...

Никогда еще я не ощущал так близко опасность; и еще никогда, доселе (в той степени, в которой я это ощущал сейчас),-- не терзало меня -- так сильно -

"чувство вины"... Мучительнейшее чувство вины, проецирующееся на мою, пока еще частично осознаваемую, жизнь, и ставящее во главу угла мои, совершенно новые, поступки, дела, но прежде всего - желания; так что, понимая, что пройдет еще совсем немного времени и, быть может, мне и совсем не удастся вернуться уже к своим прежним -- сейчас понимаю, что на этом новом фоне,-- "безмятежным" -- желаниям; ибо это мое *новое сознание* -- начинало *вытеснять* все без остатка, заполняя пространство всем, совершенно мне непонятным, ну, по крайней мере, я действительно уже не мог быть уверен, что все способно вернуться на круги своя. Да и где уже была прежняя величина измерений? Все чаще реальность начинала ускользать от меня; и я не был способен ее обхватить, удержать, понять и *осознать*... А на фоне *совершенно неосознаваемом*,-- выступало вперед... *бессознательное*; и в какой-то момент я впервые признался себе, что ситуация грозит и совсем уже выйти из-под контроля...

Кто я? Где я? Все новые и новые загадки -- причем загадки "какого-то нового", неподвластного мне, порядка; когда, вроде как, "и знаешь" ответ,-- но совершенно ничего не можешь изменить -- теперь окружали меня; и уже совсем не было сил на их разрешение; ибо что есть на самом деле даже *осознание реалий* нового факта, если изменить -- все равно ничего не можешь?!

В какой-то момент, происходившее со мной, вероятно, заметил доктор Тул (или, что вернее, ему *донесли* многочисленные, наблюдающие за мной, помощники), потому как он вызвался со

мною *поговорить*; но ведь я ожидал этой встречи, а потому успел к ней *подготовиться* и, быть может, только поэтому мне удалось (пока?) оставить победу за собой; но я понимал, что это был лишь один из первых наших раундов; а в последующем и совсем даже непонятно, кто одержит верх; и все это при том, что в заранее выигрышной ситуации -- находился именно доктор Тул, хотя это и не значит, что я позволю ему торжествовать победу, и поражение как таковое, если случится, я совсем буду оценивать не как это самое поражение, а лишь как окончание одного из раундов; раундов, которому придут на смену другие; и если не в мою пользу,-- то значит что борьба -- будет продолжаться; и, если я не совсем поддаюсь власти бессознательного (все больше и больше скатываясь к шизофреническим бредовым фантазиям - ибо с каждым днем, действительно, все труднее и труднее удерживать сознание в жестких рамках), -- то еще совершенно неизвестно, кто же на самом деле одержит победу.

По крайней мере, так просто сдаваться я был не намерен.

И доктор Тул это понимал.

Глава 14

Почти через два месяца нашего "затворничества" в клинике доктора Тула, администрация -- в соответствии с каким-то очередным своим экспериментом (а, быть может, просто "по недосмотру"), допустила совместную прогулку всех, находившихся в ее распоряжении, "пациентов".

Здесь я впервые увидел, что в своих исследованиях -- а в том, что он их проводит, сомневаться не приходилось, иначе бы мы тут и не находились -- Тул руководствовался заведенного, и какого-то, только ему известного, плана. Например,-- а встречаться нам доводилось на своеобразном прогулочном дворике,-- был явно выраженный возрастной ценз: примерно,-- от тридцати до пятидесяти; к тому же,-- исключительно мужской контингент; да и - мне хватило вполне элементарного наблюдения да пары-тройки вопросов, чтобы я сделал этот вывод -- люди с высокой долей интеллекта.

Ну и, кроме того, все присутствующие подразделялись на две категории: с техническим и с гуманитарным образованием (неужели так?).

-- Интересно было бы взглянуть в записи Тула? - как-то подумал я.-- Скорее всего, он уже выявил несколько *закономерностей поведения* подобных категорий людей "в замкнутом пространстве". Признаться, на каком-то этапе своего нахождения здесь, я случайно поймал себя на мысли, что, быть может, мне бы тоже было бы интересно проследить *некоторые особенности поведения психики людей в подобных условиях*. Объяснял я себе это тем, что, вероятно, моя творческая фантазия, долгое время не находя реального применения (начало ведения записей вполне можно было рассматривать как некий повод, положивший основу к дальнейшим умозаключениями), наконец-то нашла вот такое, своеобразное, *воплощение*. Какое-то время, признаться, я даже думал: а стоит ли мне за это браться? Но потом -- как это часто со мной бывает, на миг, пустив анализ ситуации, как говорится, в свободное плавание -- я вскоре ощутил, как желание

заняться разрешением подобных вопросов, словно подступило ко мне -- и как-то, само собой, так, что в какой-то мере мне попросту ничего не оставалось, *как согласиться*. (Согласиться с собой, разумеется; потому как о том, чтобы меня официально кто уподобился *подключить* к каким-либо исследованиям, наверное, не могло быть и речи. Хотя, я, быть может, и согласился бы).

Тогда, на общей прогулке, я впервые за прошедшее время увидел всех своих товарищей вместе. Единственный, кого я не сразу узнал, -- это Верховски. Но это была наша последняя с ним встреча, потому как, словно превращение из куколки в бабочку,-- Гарри перерождался в человека совсем другого пола, а по вполне понятным причинам (специфика мужского контингента; хотя никто из нас еще не знал, что скрывается за еще не женским, а лишь только каким-то "расплывчатым" лицом Гарри, да появившимся у него "бюстом", как говорится, ниже пояса), он больше не мог с нами находиться. Но уже намного позже я узнал, что его не перевели куда-то, как мы, было, предполагали, а попросту... отпустили.

Но *такого* я бы никогда и не предположил. (Зачем было делать ему "операцию",-- чтобы потом "отпустить"?). И уж совсем я не знал, что пройдет совсем незначительное время,-- и Верховски будет умолять доктора Тула,-- взять его обратно... (... разве Вам не устраивает та свобода, о которой вы просили?.. устраивает, устраивает.... нет,-- она не устраивает меня... она мне попросту не нужна... я не в силах найти компромисс с тем обществом, в которое вы меня "выпустили"... я стал совсем другой... хорошо - я возьму вас... но с одним условием... я согласен... с одним

условием: никогда не проситься обратно... я согласен... согласен... согласен...)

Что до нас, то мы, как я уже говорил, тогда впервые после долгого времени встретились друг с другом; и каждый, разглядывая другого, понимал, что время в клинике не прошло ни для кого совсем бесследно; и только оставалось отмечать Гарри произошедшие изменения с Кариным... А Карин -- с нескрываемым удивлением: смотрел на Гарри... И смотрели они все вместе на Гнесина... А Гнесин... Гнесин, давно уже перестал, казалось, чему-то удивляться... Но и тут был вынужден признать,-- что все, что видел он раньше,-- лишь "подготовительный" этап... И, по всей видимости, самое "удивительное" -- только впереди...

А я... Я рассматривал и превращавшегося в женщину (безвозвратные изменения с внешностью, должно быть, приближались к середине эксперимента) Гарри (и уже, как я знал, вроде не Гарри, а Кэтрин); и совершенно обезумевшего -- по крайней мере, внешне (хотя, бегающие глазки, да периодический тик да подергивания, чуть ли не всех частей тела, не оставляли шансов никаких шансов для сомнений), Диму Карина; и, пытающегося еще сохранить наигранную "отвлеченность" от происходящего (что ему удавалось только в начале нашей встречи, когда еще пока "присматривался" друг к другу), а потом - не в силах сдерживаться -- рыдал уже, уткнувшись попеременно то в мое плечо, то в Верховски,-- Гнесина... И вот уже никто не заметил, когда это произошло, и только я (сначала отвлеченно, а потом с удивлением присмотревшись) обратил внимание на промелькнувшие в глазах Верховски какие-то женские

(а то и "материнские") нотки... И вот он уже заботливо успокаивал Гнесина... А тот, словно почувствовав исходившую от Верховски женскую теплоту,-- делился с ним своими страхами, да тревогами...

Мы все были рады встрече... И уже, казалось, не было между нами какой-то внутренней неприязни... Как будто разом - полюбили мы друг друга... Полюбили друг друга той братской любовью, которую редко когда встретишь и у настоящих братьев...

И не знал никто из нас,-- что больше не предоставит нам судьба (кто когда знал - что нашей "судьбой" будет Тул) встретиться... Как не могли и подумать мы, что Тул, доктор Тул, уже, вероятно, утоливший свое любопытство (и наверняка нашедший какие-то "просчеты" в своей системе),-- больше не допустит, чтобы мы видели друг друга...

И никто из нас не предполагал, что будет это так... А потому так и не успели мы - сказать друг другу всего того, что хотелось бы... Что наверняка, было нужно... Хотя и не знали мы тогда - что же, на самом деле, *нужно?*..

Глава 15

Как я говорил уже, появилась у меня некая, быть может, даже -- ну, если не страсть (до страсти пока еще не дошло), но желание (хотя, любое, вовремя не реализуемое, желание, желание,-- достигшее определенной точки накала, вероятно, уже и есть страсть; ну, быть может, только если время от "начала", -

- когда еще совершенно "ничего не было",-- до того момента, как страсть уже съедает вас, разрывая и подтачивая изнутри, проходит слишком быстротечно, можно сразу говорить о страсти; страсти, минующей переходную стадию, коей является желание) заняться, приступить к совсем мне даже раньше не свойственным умозаключениям -- вернее, сами-то умозаключения всегда "сопровождали" любое мое действие или начало такового; или лишь осознание такового; или лишь -- осознание *осознания* такового; равно как и уже постсвершенное действие; когда предпринимаемый анализ, позволял приходиться к какому-то, на тот момент, вероятно, единственно правильному, но, быть может, тогда еще *не единственному*, выводу, после которого происходила дальнейшая мучительная, а иногда и *мучительнейшая*, работа -- так в последнее время, мои мысли нашли для себя новую почву; ибо задумался я о том, как изменяется психика (и душевное состояние, хотя, если в какой-то мере это и одно и то же, то все же есть, пусть незначительное, отличие) в подобных закрытых учреждениях; притом, что мне, быть может, в отличие от других,-- было и дополнительно сложнее; потому как не знал я точного своего "срока" (ведь, согласитесь, что значительно легче смириться и выносить подобное "заточение", когда знаешь: срок его окончания, а так -- постоянное напряжение и отсутствие хоть какой-то возможности -- быть может, даже призрачной -- настроиться на известное время окончания). И, вероятно, подобные сложности, только дополнительно усиливали сложившиеся трудности и, если можно допустить, вероятно, в какой-то мере я им и должен был быть (в итоге) благодарен, потому как они сподвигли меня заниматься тем, чем я стал заниматься сейчас. (А, быть может, если были бы слишком

"тепличные",-- даже с допустимым, легким, ветерком,-- условия, то молча отсидел бы я установленный Тулом срок; а потом бы постарался поскорее забыть свое недавнее там нахождение).

И все же, я уже, вероятно, и не мог бы (пытаться? не пытаться?) забыть то, где находился. И мне, в который уж раз, пришлось серьезно задуматься о том, что меня окружает.

В первую очередь бросалась в глаза психология поведения людей, вынужденных -- именно вынужденных, потому как, наверное, глупо было бы предположить, что кто-нибудь захотел сюда попасть по своей воле -- жить бок о бок, друг с другом. Ведь это только поначалу нас держали отдельно. Потом уже мы размещались в нескольких больших комнатах; одна из которых предназначалась для сна -- и там мы действительно появлялись только ночью; другая несла в себе несколько функций: прием пищи -- длинные, идущие в ряд столы с расположенными по краям лавками -- для приема пищи, а они же -- когда заканчивалось время, отведенное на завтрак, обед, ужин -- для каких-либо иных нужд в свободное времяпрепровождение: настольные игры -- шахматы, нарды, шашки, да разложенные на них газеты-книги. Что-либо писать -- запрещалось. Играть в карты -- тем более. Хотя, конечно же, играли и писали. Но, как говорится в Писании, нет ничего тайного, что не стало бы явным, а потому и отнимали у нас эти запрещенные предметы и карали за это -- внеплановыми порциями "аминазина" или "галапередола"; когда или каменеешь и задыхаешься от первого, или скручивает тебя в немислимых позах -- от второго.

Была еще одна небольшая комнатка -- что-то типа "курилки",-- да расположенные тут же умывальники. А в теплое время года -- был настоящий прогулочный дворик; который, хоть и был огорожен кирпичными стенами - вокруг, и натянутыми сетками с проволокой под током -- сверху, (да и сам не представлял из себя ничего, как кроме расположенного в углу "трех очкового" клозета, да выносимых столов, чтобы для приема пищи не заходить внутрь, ибо время "прогулки", иной раз, длилось часами, и была она больше похожа не на саму прогулку -- а как некий длительный "выгул" на воздухе), но мы и этому были счастливы; потому как получали возможность -- хоть и такую вот иллюзорную -- бывать на открытом воздухе.

Мое, почти полугодовое, нахождение в тех местах, позволяет мне сделать и кое-какие, по всей видимости, справедливые выводы. В первую очередь, касательно здешней публики. Как я, должно быть, уже упоминал -- были все они мужчинами, средний возраст недалеко отходил от моего. Из одежды - специальные, то ли робы, то ли все же больничные пижамы.

Можно было стричься и бриться; но, если право на бритье -- ведь есть же одноразовые станки?! -- нами было все же отвоено (да и то не для всех), то уж для уничтожения волос на голове -- специально, раз в месяц, приходил парикмахер (абсолютно лысый, и без выражения каких-либо эмоций на лице), произносивший одно только странное слово, когда заканчивал работу - "успел"... Что оно означало -- никто из нас не знал; но, надо заметить, если кто и догадывался,-- то предпочитал молчать. Так же как, и предпочитали все --держаться друг от друга -- в

некотором отдалении (хотя все же образовывались небольшие группки "по интересам"); но общая масса была все равно разрознена; так что никакого "обмена мнениями" - не было; но любопытно даже не это... А, пожалуй, то, -- с каким воодушевлением, каждый из нас слушал речи священника по субботам; и, вероятно, пусть не каждый из нас был "верующим" -- хотя, в "закрытых" заведениях, необычайно обостряется желание хоть во что-нибудь "верить" -- но всем точно нравились заключительные слова приходящего "батюшки": "Вы все будете свободны!". Это нравилось. Это рождало в сердцах надежду. Ту надежду, которая, быть может, только и помогала, поддерживала силы. А, быть может, и помогла большинству из нас выжить... Потому как в такой ситуации как наша, -- оказалось совсем не лишней - хоть чья-нибудь... "поддержка"... И пусть кто-то из нас понимал: сколь ничтожно мало настоящей "правды" в словах "попа", -- не верить ему - мы не были способны...

-- Я заметил, -- Вы пытаетесь анализировать происходящее? -- спросил меня доктор Тул, когда, приглашенный им, я переступил порог кабинета, и присел на стоявшее тут же, у входа, кресло. -- Ну что же Вы, -- приподняв очки, Герман Робертович изучающе рассматривал меня. -- Быть может, я хотел лишь предостеречь Вас от излишнего погружения в эту, довольно-таки специфическую, тему. Это совсем даже не полезно для здоровья, -- улыбаясь, добродушно произнес он.

-- Вы понимаете, что я не могу совсем ничем не заниматься, -- выдерживал я взгляд Тула. -- Ваши условия запрещают и писать картины, и сочинять

литературные произведения. Что для творческого человека равносильно самоубийству.

-- Давайте не касаться темы суицида, -- попросил доктор Тул. -- С медицинскими терминами следует очень осторожно обращаться. По крайней мере, пока не узнаете их истинных значений.

-- Но ведь, на мой взгляд, многие понятия уже вышли за рамки чистой науки, -- осторожно заметил я. -
- И принадлежат они уже человечеству в целом.

-- К чему разбрасываться громкими фразами, -- недовольно произнес доктор Тул.

По всему было видно,-- он "не в духе". И потому я решил больше не раздражать его. Тем более, в моей ситуации -- это ничего не изменит. А мне хотелось добиться от него кое-каких "поблажек" по режиму содержания. Да, к тому же -- хоть примерно -- но, быть может, и выведать конечные сроки моего здесь пребывания.

В последнее время я стал замечать, что нахожусь на пределе. Приходилось с дополнительными силами держать себя в руках, чтобы не показать истинных эмоций, бушевавших у меня внутри.

Да и весна, вероятно, сказывалась не лучшим образом. Хотелось жить. Хотелось быть свободным. А вынужденное заточение еще труднее осознавать, когда вы невиновны. Да доктор Тул, впрочем, никогда и не поднимал темы моей "виновности".

Вероятно, мое нахождение здесь было некой необходимостью для него. И потому, пока он будет убежден, что я ему нужен,-- меня никто не отпустит. Да и вообще, я понимал, что меня так просто никто не выпустит.

-- Для чего Вы меня вызвали? -- попытался я вернуть Тула в ход своих размышлений. Начатый мною тон задался как-то сам собой. И я уже всерьез стал опасаться, как бы Герман Робертович излишне не рассердился на меня. Я понимал, что ничего хорошего от этого не будет.

-- Я хотел вас уведомить, что в ближайшее время мною, быть может, будет рассматриваться вопрос о вашем освобождении, -- слишком спокойным тоном (он умел держать себя в руках) произнес Тул. -- Я надеюсь, Вы понимаете, что в Вашем случае, пытаться требовать какой-либо сатисфакции---

-- Я готов все оставить "как есть", -- поспешил я уверить доктора Тула, боясь даже лишний раз вздохнуть.

-- И еще, -- словно не замечая моих слов, продолжал Тул. -- Я смогу отпустить только одного из вас. Из вашей оставшейся тройки, -- уточнил он, заметив мой настороженный взгляд. -- Право выбора больше никому не предлагается. Решать дано только Вам,-- Тул, неожиданно ставшим "излишне внимательным" взглядом, рассматривал то, как я пытаюсь сдерживать выбивающиеся наружу эмоции. -- Я дам вам право подумать, -- приподняв вверх подбородок, сказал он...

-- И еще, к вашим размышлениям, -- добавил Герман Робертович Тул, когда я уже потянулся к ручке двери. -- Двое "оставшихся",-- навсегда останутся в моем личном распоряжении. Навсегда! - акцентируя внимание на каждой букве, произнес он.

-- Значит, выбор действительно только за мной? - переспросил я, чуть задержавшись в дверях.

-- Да, -- кивнул головой доктор Тул.

-- Ну, тогда я выбираю Себя, -- вырвалось у меня, хотя все внутри протестовало. Да и Тул, вероятно, ожидал другого ответа... Но я только успел произнести последнее слово, как возникшие откуда-то руки (охранники Тула? санитар?..) подхватили мое, разом оказавшееся в невесомости, тело, и в последующее мгновение я потерял какую бы то ни было возможность что-либо ощущать, видеть, осознавать, а потом и вовсе потерял себя...

P.S.

... Быть может, и не было их всех?.. Быть может, и не было ничего?... Быть может, и вообще даже, не было меня?.. И в то же время, я вполне мог быть ими... Ими всеми... Всеми... вместе... И... никем в отдельности... Просто... Просто потому, что я никогда не хотел быть самим собой... А хотела ли того судьба?.. не знаю?!.. Я лишь подспудно начинал догадываться, что кто-то кого-то обманул...

24 марта 2004 года.

Зелинский Сергей Алексеевич.

© С.А.Зелинский. Игра подсознания.

